

Современная

фантастика

Джон Варли
ТИТАН

Научно-фантастический
роман

Издательство «Азбука»

Джон Герберт Варли

Титан

Серия «Гея», книга 1

OCR Библиотека Старого Чародея
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125604
Варли Д. Титан: Азбука, Терра – Книжный клуб; 1997
ISBN 5-7684-0365-5
Оригинал: John Varley, "Titan"
Перевод:
Михаил К. Кондратьев

Аннотация

Вскоре после начала исследования людьми одного из спутников Сатурна сделано шокирующее открытие: спутник – это гигантское живое существо. Ее имя – Гея. Ее страшная сущность недоступна пониманию человеческого разума. Потому что она и есть разум. Разум призывающий исследователей и меняющий тех, кто попал к ней.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	58
Глава 5	83
Глава 6	91
Глава 7	110
Глава 8	131
Глава 9	144
Глава 10	160
Глава 11	182
Глава 12	195
Глава 13	210
Глава 15	233
Глава 16	250
Глава 17	272
Глава 18	291
Глава 19	304
Глава 20	335
Глава 21	354
Глава 22	380
Глава 23	392
Глава 24	406

Глава 25

421

Глава 26

438

Джон Варли

Титан

Глава 1

– Не посмотришь, Роки?

– Думаю, это предназначено не для Роки, а для капитана Джонс. Так что утром покажешь.

– Но тут кое-что важное.

Сирокко стояла, склонившись над умывальником. Лицо ее покрывала зеленоватая мыльная пена – это был единственный сорт мыла, благодушно воспринимаемый рециркулятором. Схватив полотенце, Джонс утерлась и искоса посмотрела на два изображения, которые протягивала ей Габи.

– Что там у тебя?

– Всего-навсего двенадцатый спутник Сатурна. – Габи не пыталась скрыть владеющее ею возбуждение.

– Серьезно? – Сирокко недовольно перевела взгляд с одного изображения на другое. – Мне кажется, здесь просто множество маленьких черных точек.

– Да, пожалуй. Без компарометра его не видать. Но он вот здесь. – Габи ткнула пальцем в фотографию.

– Так давай посмотрим.

Сирокко порылась в шкафчике и достала оттуда горо-

хово-зеленый корабельный комбинезон, пахнувший не хуже остальных.

Капитанская каюта находилась в нижней части центрифуги, между третьим и четвертым пролетами. Оттуда вдоль всего этажа вел изогнутый коридор, затем – лестницы.

С каждой ступенькой невесомость становилась все заметнее, пока не пришло ощущение свободного парения. Оттолкнувшись от вращающегося кольца, капитан и Габи Плоджит поплыли по центральному коридору к исследовательскому модулю.

Здесь было слишком темно, чтобы читать показания приборов. Вокруг царило изобилие цветов и оттенков, как в музыкальном автомате. Сирокко любила бывать тут.

Сквозь помехи, заполнявшие экраны облаками снежного конфетти, мелькали зеленые огоньки.

Вокруг центрального голографического экрана-резервуара плавали Юджин Спринфилд и сестры Поло. На лицах всех троих играли красные отблески.

Габи вставила пластинки в компьютер, включила программу, увеличивающую четкость снимка, и указала Сирокко на экран. Становясь все более контрастными и стремительно чередуясь, изображения слились. На небольшом расстоянии друг от друга мигали две едва заметные точки.

– Это он, – гордо сказала Габи. – Смещение относительно невелико, съемки производились с разнесом всего в два-

дцать три часа.

– Движущиеся по орбитам элементы сходятся, – вклинившись, сообщил Джин.

Габи и Сирокко присоединились к нему. Опустив глаза, Сирокко увидела, как рука Джина по-хозяйски охватила талию Габи – и тут же отвела взгляд. Она заметила, что сестры Поло тоже увидели это, но старательно делают вид, что ничего не происходит. Все они привыкли не вмешиваться в дела друг друга.

Центр экрана занимал Сатурн – огромный, отливающий медью. Вокруг него чуть светились орбиты спутников – девять голубых окружностей: каждая последующая больше предыдущей, все в экваториальной плоскости колец. На окружности было нанизано по сфере – подобно единственной жемчужине на нити. «Жемчужины» оттенялись табличками с наименованиями и цифрами: Мнемозина, Янус, Мимас, Энцелад, Тетис, Диона, Рея, Титан и Гиперион.

Вдалеке от этих орбит виднелась десятая, имеющая отслеживаемый визуально наклон по отношению к другим. Она принадлежала Япету.

Наиболее удаленный спутник, Феба, не был виден при том масштабе, который они сейчас использовали.

Появилось изображение еще одной орбиты. Это был сильно втянутый эллипс, почти касающийся орбит Реи и Гипериона и пересекающий «нить», пролетая сквозь Титан. Сирокко внимательно изучила его и выпрямилась. Подняв взгляд,

она увидела, что лоб Габи пересекли глубокие морщинки, в то время как пальцы ее продолжают порхать над клавиатурой. По мере запуска программ количество окошек на ее экране менялось.

– Спутник очень похож на то, чем была Рея около трех миллионов лет назад, – заметила Габи. – Сейчас он на безопасном расстоянии от орбиты Титана, хотя должен присутствовать фактор пертурбации. Это далеко от того, что можно было бы назвать стабильностью.

– И что из этого следует? – спросила Сирокко.

– Захват астероида? – предположила Габи, скептически приподнимая бровь.

– Близость к экваториальной плоскости делает это маловероятным, – возразила одна из сестер Поло.

«Апрель или Август?» – спросила себя Сирокко. После одиннадцати месяцев общения она все еще не различала близнецов.

– Не удивлена, что вы заметили. – Габи рассеянно закусила костяшку пальца. – Однако если бы он образовался вместе с другими, у него должен был бы быть меньший эксцентриситет.

Поло пожала плечами:

– Возможно объяснение. Какая-нибудь катастрофа в недавнем прошлом. Он вполне мог быть смещен.

Сирокко нахмурилась:

– Но каковы тогда его размеры?

Одна из Поло – это была Август, Сирокко почти не сомневалась – посмотрела на нее с привычной невозмутимостью, вызывающей слабую безотчетную тревогу.

– Я, пожалуй, оценила бы диаметр в два-три километра, возможно, меньше.

– Всего-то?

Джин улыбнулся.

– Дайте мне координаты – и я на него высажусь.

– По-твоему, это «всего-то»? – непринужденно поинтересовалась Габи. – Будь он много больше, его бы давно обнаружили в лунный телескоп. Мы бы знали о нем уже лет тридцать.

– Хорошо-хорошо. Но ради него ты оторвала меня от... В общем, оторвала. Наверяд ли он того стоит.

У Габи был самодовольный вид.

– Для тебя, может, и не стоит. Но будь он хоть в десять раз меньше – я все равно должна была бы дать ему имя. Открытие кометы или астероида – другое дело, но лишь пару раз за столетие удается обнаружить безымянный спутник.

Сирокко отпустила стойку демонстрационного резервуара и поплыла по направлению к выходу. Перед тем, как скрыться за поворотом, она еще раз оглянулась на две крошечные точки, мерцавшие на экране над головой.

Язык Билла, открыв вдумчивое и последовательное общение атакой на пальцы ног, приступил уже к обработке лево-

го уха. Сирокко наслаждалась. Незабываемое путешествие! Она ценила по достоинству каждый его сантиметр. Отдельные остановки в пути были просто неистовы. Теперь Билл пытался пробудить к самостоятельной жизни мочку уха, лаская ее губами и покусывая, одновременно пробуя нежно развернуть Сирокко к себе. У него получалось.

Дабы ускорить события, он слегка подтолкнул ее в плечо носом и подбородком. Получив вращательный импульс, Сирокко ощутила себя большим мягким астероидом. Аналогия понравилась и была углублена. Продолжая вращаться, она наблюдала за линией терминатора, что медленно ползла по «астероиду», открывая солнечному свету все новые холмы и долины.

Сирокко любила космос, книги и секс. Не обязательно в этом порядке. Ей никогда не приходилось удовлетворять все три свои страсти одновременно, но и две сразу было неплохо.

Невесомость придает любовным играм совершенно новые возможности – возьмем нынешнюю игру «руки прочь». В ней для воздействия друг на друга можно было использовать рот, колени или плечи. Партнерам следовало быть предельно нежными и внимательными, но результаты медленных щипков и покусываний оказывались... ошеломляюще интересными.

Время от времени каждый навещал с определенными целями комнату гидропоники. На «Властелине Колец» было семь личных кают, необходимых, как кислород. Но даже

«апартаменты» Сирокко становились чересчур тесными, если там оказывалось больше одного человека. Кроме того, капитанское жилище находилось на дне центрифуги. Приходилось заниматься любовью в невесомости.

– Почему бы тебе не свернуть в мою сторону? – спросил Билл.

– Ты можешь сделать так, чтобы мне этого захотелось?

Он смог – и получил намного больше, чем рассчитывал.

Сирокко решила было, что перестаралась, но Билл, как обычно, знал, что делает.

Она сомкнула ноги вокруг его бедер и предоставила ему свободу действий.

Биллу стукнуло сорок лет, он был старше всех в экипаже. На его лице доминировали выдающиеся во всех отношениях челюсти и не менее вызывающий нос. Лысый, с неровными зубами, он сохранил худое и сильное тело – лет на десять моложе лица. Его руки были изящны, опрятны и точны в движениях. Он хорошо управлялся с механизмами и не был ни шумным, ни приторно-сладким. Весь набор его рабочих инструментов мог уместиться в кармане рубашки, настолько они были крошечными. Сирокко не осмеливалась даже прирагиваться к ним.

Когда Билл занимался любовью, его искусный язык окупал все. Пожалуй, только в это время и проявляла себя его чуткая и нежная душа, обычно надежно замаскированная незатейливой и грубоватой внешностью. Сирокко недоуме-

вала, почему ей пришлось искать его так долго.

На борту «Властелина Колец» было трое мужчин, и Сирокко перепробовала всех.

Так же как и Габи Плоджит. В столь ограниченном объеме пространства невозможно было сохранить что-либо в тайне. Сирокко знала, например, что сестры Поло, занимавшие соседнюю комнату, практикуют то, что до сих пор считается вне закона в Алабаме.

В первые месяцы путешествия все были заняты сдержанной, неброской, но непрерывной саморекламой. Джин, единственный в отряде женатый мужчина, немедленно объявил, что у них с женой существует договоренность по этим вопросам: на время экспедиции они предоставили друг другу свободу. Несмотря на это, он долгое время продолжал спать один, так как сестры Поло довольствовались друг дружкой, Габи совершенно не интересовалась сексом, а Сирокко была чрезвычайно увлечена Калвином Грином.

Она проявила такую настойчивость, что Калвин в конце концов оказался с ней в постели, и не раз. Целых три раза. Но это не принесло ничего хорошего. Скрывая разочарование, Сирокко осторожно отдалилась и позволила Грину заняться Габи, на которую он обратил благосклонное внимание с самого начала. Калвин был корабельным врачом, а кроме того, пройдя курс обучения в НАСА, выполнял на борту работу биолога и эколога. Он был черным, но не придавал этому значения, поскольку родился и вырос на О'Нейле-1. Кроме

того, он единственный в отряде был выше Сирокко. Но не это притягивало ее: она рано научилась не обращать внимания на рост мужчин – с тех пор, как стала выше большинства из них. В Калвине ее привлекали карие глаза, мягкие и прозрачные. И улыбка.

Эти глаза и улыбка ничего не значили для Габи, точно так же, как очарование Сирокко не действовало на Джина, следующего ее избранника.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Билл.

– Ты считаешь, что не дал мне оснований? – парировала она, слегка задыхаясь.

Но в действительности она думала в этот момент о том, как забавно они четверо должны были выглядеть в глазах Билла, который не участвовал во всех этих перетасовках. Похоже, в этом и состоял его стиль – держаться в стороне, пока другие самовыражаются, и выбираться из тени не раньше, чем остальные, исчерпав все очевидные возможности, впадут в депрессию.

К завершению своего мимолетного романа Калвин прибыл подавленным. Так же, как и Сирокко. То ли по причине сосредоточенности на Габи, то ли просто по неопытности Калвин оказался отнюдь не первоклассным любовником. Сирокко считала, что имело место и то, и другое. Корабельный врач был мягким, застенчивым и педантичным человеком. Из его досье явствовало, что большую часть жизни он провел в научных изысканиях, углублении знаний и совер-

шенствовании навыков – в общем, не имея времени для забав.

Габи все это абсолютно не заботило. Исследовательский модуль «Властелина Колец» был лучшей игрушкой из тех, что она когда-либо имела. Она ненавидела путешествия, но страстно любила свою работу. Поэтому, окончив с отличием университет, присоединилась к корпусу аэронавтов, дабы наблюдать звезды без раздражающей атмосферной линзы.

Работая, Габи не замечала ничего. В том числе того, что Калвин начал проводить в исследовательском модуле почти столько же времени, сколько она сама, дожидаясь случая подать ей фотографическую пластину, объектив или ключи к своему сердцу.

Джина, казалось, тоже не заботил секс. Сирокко посыла-ла ему сигналы, способные, судя по накалу и концентрации, потрясти основы мироздания, но Джин не воспринимал их. При появлении капитана его лицо с идеальными арийскими чертами, забавно контрастирующее со взъерошенной шевелюрой, озаряла мальчишеская улыбка, и он с азартом говорил о полетах. По прибытии к Сатурну Джин должен был взять на себя пилотирование разведывательного челночного катера. Сирокко тоже любила эту тему и знала в ней толк, но не замыкаться же на полетах в ущерб всему остальному! Порой ей хотелось ощутить себя женщиной.

В конечном итоге Калвин и Сирокко получили то, к чему стремились. Вскоре после этого ни один из них не хотел по-

вторения.

Сирокко не знала, как обстоят дела у Калвина и Габи: ни один из них не склонен был обсуждать свою частную жизнь. Но было очевидно, что все идет в лучшем случае сносно.

Калвин все еще кидал порой на Габи пламенные взоры, но она свои пламенные взоры приберегала для Джина.

Джин тем временем откровенно дожидался, когда Сирокко наскучит безрезультатная охота на него. Но как только это произошло, пилот – странное дело – таки поспешно сдался отводящему войска противнику. Выразилось это, в частности, в том, что он завел привычку бочком подходить к ней и тяжело дышать в ухо. Ей это страшно не нравилось. Прочие его приемы оказались не лучше. Казалось, занимаясь любовью, он каждый раз ожидал благодарности. Но на Сирокко не так-то легко было произвести впечатление. Джин изумился бы, узнав, что по ее личной оценочной шкале переместился с первого места на десятое.

Роман с Биллом начался почти случайно. Правда, со временем Сирокко узнала, что с Биллом связано подозрительно много случайностей. Или, если угодно, что ничего случайного с Биллом не происходит. Слово за слово – и теперь они могли обеспечить порнографическую демонстрацию Третьего Закона Ньютона по разделу «Движение; действие и противодействие». Сирокко, подумав и посчитав, пришла к выводу, что сила эякуляции – явно недостаточное объяснение взаимоотталкиванию любовников, неизменно наступавше-

му в момент оргазма. Причина, конечно же, была в мышечном спазме ног, но эффект получался чудесным и немного пугающим. Казалось, они превращались в большие чувственные шары, которые, стремительно теряя воздух, отрываются друг от друга в момент наибольшего слияния. Они кружились и кувыркались, но в конечном итоге опять соединялись.

Билл чувствовал то же, что и она. Он улыбнулся, и его неровные зубы блеснули в свете ламп.

*ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕПЕША № 0056 5/12/25
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» (НАСА 447D, L5/1, БАЗИСНАЯ
ЛИНИЯ ХЬЮСТОН-КОПЕРНИК)
ДЖОНС, СИРОККО, МИСКОМ
ДЛЯ РАСШИФРОВКИ И НЕМЕДЛЕННОЙ ПУБЛИКАЦИИ*

НАЧАЛО:

Выбирая название спутнику, Габи решила остановиться на Фемиде. Калвин согласился с названием, хотя пришел к нему своим путем.

Габи ссылалась на Уильямса Генри Пикеринга, наблюдавшего в 1905 году небесное тело, принятое им за десятый, наиболее удаленный от центра спутник Сатурна. Пикеринг назвал новую луну Фемидой. С тех пор больше никто и никогда не видел ее.

Калвин же исходил из того, что уже пять спутников

Сатурна названы в честь титанов из греческой мифологии (каковая входит в область его личных интересов, см. Государственную депешу № 0009, 1/3/24), а шестой так и назван Титаном. Поскольку Фемида тоже была титаном, Калвин пришел к заключению, что данное имя спутника не нарушит сложившейся последовательности.

Похоже, что «наша» Фемида имеет общие черты со спутником, предположительно открытым Пикерингом, но Габи не уверена, что ее можно было увидеть с Земли в оптический прибор уровня рубежа XIX и XX веков. (Будь это так, Габи не стала бы первооткрывателем. Но, строго говоря, спутник действительно кажется слишком маленьким и тусклым, чтобы его можно было видеть даже в лучшие селеноскопы.)

Габи сформулировала катаклизматическую теорию возникновения Фемиды в результате столкновения Реи с неизвестным астероидом. Фемида может быть остатком астероида или большим осколком самой Реи.

Таким образом, Фемида представляет собой интересную задачу для...

– ...уникального сборища идиотов, известного среди широких масс узких специалистов всего мира как команда исследовательского корабля «Властелин Колец»...

Сирокко оторвалась от клавиатуры и, вытянув руки над головой, хрустнула суставами.

– Чушь, – пробормотала она. – Бред собачий.

На экране перед ней мерцали зеленые буквы все еще незавершенного периода. Отчеты для публикации были частью ее работы, которую она всегда оттягивала, насколько было возможно. К сожалению, игнорировать агентов по печати из НАСА вовсе было нельзя. По всем показателям Фемида была всего лишь каменной глыбой, не имеющей сверх того никакого смысла и не обещающее никаких перспектив. Но рекламное ведомство жаждало получить материал, пригодный для скармливания публике. Способный возбудить читательский интерес. Они называли это «личностной журналисткой».

Сирокко старалась делать все, что в ее силах, но не могла заставить себя генерировать красочные детали, необходимые для написания такого рода статей. То, что она с трудом вымучивала, сразу по прибытии обсуждалось на совещании и, как правило, редактировалось и до неузнаваемости переделывалось – в общем, подвергалось «оживляжу и очеловечиванию».

Однако в целом Сирокко любила свою работу, да и целям журналистов вполне сочувствовала. Некоторые осуждали космическую программу, полагая, что невозвратно уходящие на нее средства лучше потратить на нужды Земли, Луны и колонии L5. Зачем выкидывать столько денег на никому не нужные исследования, когда можно извлечь уйму пользы, применив их для практических целей, таких, например, как

создание на орбите производств? Исследования стоят ужасно дорого, а на этом Сатурне ничего нет, кроме камней и вакуума.

Она пыталась придумать что-нибудь свеженькое, способное с новых позиций оправдать ее участие в первой за последние одиннадцать лет исследовательской миссии, когда на экране монитора появилось лицо. Апрель или Август.

– Простите, капитан, я вынуждена вас побеспокоить.

– Ничего, я не занята.

– Вам следует кое на что взглянуть.

– Хорошо, сейчас подойду.

Похоже, это все-таки Август. Зная, как обижаются обычно близнецы, когда их путают, Сирокко добросовестно старалась научиться различать их. Но постепенно выяснилось, что Апрель и Август это не заботит.

Поскольку Апрель и Август не были обычными близнецами.

Их имена полностью выглядели как Апрель 15/02 Поло и Август 3/02 Поло. Так были помечены их пробирки – и именно это вписали в свидетельства о рождении ученые, ставшие акушерами. Сирокко всегда поражало, что генетикам позволили ставить эксперименты над живыми разумными существами, которые дышат и плачут.

Мать девочек, Сюзан Поло, умерла за пять лет до их рождения и защитить их, стало быть, не могла. Никто другой тоже не проявлял к ним материнских чувств, так что любовь

они испытывали только друг к другу и еще к трем сестрам из своего клона. Впрочем, Август как-то говорила Сирокко, что у них пятерых в детстве был друг – всего один, правда: обезьянка-резус с форсированным мозгом. Ее препарировали, когда девочкам было по семь лет.

Разговор имел место за праздничным ужином, посвященном дегустации припасенного Биллом соевого вина, и весьма разнообразил мероприятие.

– Не то чтобы с нами обращались очень уж жестоко, – продолжала Август. – Эти ученые вовсе не были чудовищами. Многие из них вели себя как заботливые дядюшки и тетушки. Мы получали почти все, чего хотели. Думаю, многие из них даже любили нас...

Она сделала глоток и добавила:

– В конце концов, почему бы и нет. Мы ведь стоили немалых денег.

За свои (вернее – за казенные) деньги ученые получили именно то, что планировали – пять спокойных, робких, весьма одаренных девушек. Сирокко сомневалась, что сексуальная ориентация бедных девочек была спроектирована целенаправленно, но чувствовала, что этого следовало ожидать столь же уверенно, как и высшего коэффициента умственного развития.

Все пять сестер были идеальными копиями своей матери – дочери японо-американки в третьем поколении и филиппинца. Сюзан Поло, лауреат Нобелевской премии в области

физики, умерла совсем молодой.

Август, склонившись над штурманским столом, изучала фотоснимок. Сирокко, в свою очередь, разглядывала ее – точнейший слепок давно ушедшего юного гения, оживший и, увы, повзрослевший: маленькая, с аккуратной фигуркой, иссиня-черными блестящими волосами и темными выразительными глазами. Ее кожа была цвета кофе, в который не пожалели сливок, но при красном освещении исследовательского модуля выглядела почти черной.

Сирокко, в отличие от весьма многих белых, никогда не казалось, будто все азиаты на одно лицо. Но с сестрами Поло дело обстояло именно так.

Август подняла глаза на капитана. Она казалась более возбужденной, чем обычно. Сирокко, на мгновение задержав взгляд на ней, перевела его на снимок. Там среди звездных россыпей светилось, образуя правильный шестиугольник, шесть крошечных точек.

Сирокко долго и придирчиво разглядывала изображение... строго говоря, непонятно чего.

– Немало чертовщины довелось повидать, но то была другая чертовщина, – сказала она наконец. – Кто объяснит, что я вижу?

Габи, пристегнутая к креслу в другом конце комнаты, прихлебывала кофе из пластикового контейнера.

– Ты видишь последнюю экспозицию Фемиды, – доброжелательно пояснила она. – Я сняла ее в течение последне-

го часа с помощью самой чувствительной аппаратуры и компьютерной программы нейтрализации вращения.

– Я догадалась, – ответила Сирокко. – Но имелось в виду несколько иное. А именно: *что это такое?*

Прежде чем ответить, Габи долго и вдумчиво тянула кофе.

– Не исключено, что несколько тел вращается вокруг общего центра тяготения, – начала она мечтательно и отрешенно. – Теоретически, разумеется. Никто ничего подобного никогда не наблюдал. Но называется конфигурация «розеткой».

Сирокко терпеливо ждала. Поняв, что реакции на теоретизирования Габи не последует, она скептически фыркнула:

– В самом центре системы спутников Сатурна? Это возможно в течение пяти минут. Даже теоретически. А затем другие спутники возмутили бы твою «розетку».

– Да, думаю, что так, – не стала спорить Габи.

– И прежде всего – как такое могло случиться? Вероятность ничтожна.

Габи, вздохнув, легко согласилась:

– Да, пожалуй... Конечно, так оно и есть.

Вошли Апрель с Калвином и тоже склонились над столом. Настала их очередь удивляться. Наконец Калвин поднял голову:

– Кто-нибудь решится наконец назвать эту штуку по имени? Да ведь оно не может быть природным образованием.

Тут кто-то ручки приложил.

Габи потерла лоб.

– Ты не все слышал. Радарные измерения показали, что диаметр Фемиды составляет тысячу триста километров. Полученные показатели плотности тоже... неожиданные. Получается, ее плотность чуть меньше плотности воды. Я было подумала – данные не вполне точны, потому что возможности нашей аппаратуры ограничены, а другой у нас нет. Но потом я получила изображение...

– Так там шесть тел или одно? – нарушила затянувшуюся паузу Сирокко.

– Не могу сказать наверняка. Но скорее всего – одно.

– Опиши его. Поделись всем, что ты думаешь. И предполагаешь.

Габи зашелестела листами распечаток – но исключительно ради самоуспокоения. Все цифры она помнила наизусть.

– Диаметр Фемиды составляет 1300 километров. Следовательно, она – третий по величине спутник Сатурна, чуть уступающий Рее. Поверхность, по всей видимости, черная – за исключением этих шести точек. К слову, если кому интересно: альбедо у нее ниже, чем у любого другого тела солнечной системы. Плотность тоже минимальна. Весьма вероятно, что Фемида полая внутри. Или что у нее не сферическая форма. Возможно, она имеет очертания диска или тороида – то есть бублика. Судя по всему, раз в час она становится на ребро и приобретает сходство с катящейся тарел-

кой. Скорости вращения достаточно для того, чтобы ничто не могло удержаться на ее поверхности: центробежные силы превышают силу гравитации.

– Но если она и вправду полая, а ты находишься внутри... – Сирокко задержала взгляд на Габи.

– Внутри – если, конечно, она полая – сила тяжести будет равняться приблизительно четверти g .

Вопросы у Сирокко явно не иссякли, но Габи отвела глаза.

– С каждым днем мы все ближе к ней. Дальше наблюдения пойдут легче. Но сейчас я не представляю, когда смогу прояснить все детали. И смогу ли вообще...

Сирокко направилась к двери:

– Нужно отправить хотя бы имеющиеся данные.

– Если можно, обойдись без гипотез, ладно? – крикнула вслед Габи. Впервые после своего открытия девушка не выглядела счастливой. – По крайней мере, не ссылайся на меня.

– Никаких гипотез, – успокоила ее Сирокко. – Фактов более чем хватит.

Глава 2

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕПЕША № 0931

*(ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ХЬЮСТОНА № 5455, 5/20/25)
5/21/2*

*ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОРАБЛЬ «ВЛАСТЕЛИН КО-
ЛЕЦ»*

*(НАСА 447D, L 5/1, БАЗИСНАЯ ЛИНИЯ ХЬЮСТОН-КО-
ПЕРНИК)*

ДЖОНС, СИРОККО, МИСКОМ

БЛОК СЕКРЕТНОСТИ – *ВКЛ*

КОДОВАЯ ПРИСТАВКА – ДЕЛЬТАДЕЛЬТА

НАЧАЛО:

*1. Согласны с вашей трактовкой Фемиды как межзвезд-
ного космического корабля. Не забудьте, что мы предложи-
ли ее первыми.*

*2. Прилагаем последние снимки. Обратите внимание на
высокое разрешение в светлых зонах. Возможностей сты-
ковки пока не обнаружено; поиски ведутся.*

3. Согласны с предложенным крейсерским курсом от 5/22.

*4. В связи с приближением перехода на новую орбиту про-
сим откорректировать курс от 51/25 до начала перехода,
затем новый курс. Не будем возражать, если основная тя-
жесть задачи будет возложена на другой компьютер; Едва*

ли наш бортовой компьютер справится с ожидаемым объемом работ.

5. Разворот 5/22, 0400UT, сразу после перехода на крейсерский курс.

КОНЕЦ ИНФОРМАЦИИ

ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ (ПРЕДНАЗНАЧЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СРЕДИ ЧЛЕНОВ КОНТРОЛЬНОГО КОМИТЕТА ЭКСПЕДИЦИИ «ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ»)

НАЧАЛО:

Считаю своим долгом довести до сведения контактного комитета, полностью деструктивные наставления которого адресуются, к несчастью, мне: **ВСЕМ СПАСИБО, ВСЕ СВОБОДНЫ. ОТБОЙ.** Полученные мною противоречивые инструкции выстроены таким образом, будто имеют силу приказов. Меня не интересует, **КТО** автор этой галиматии. Может быть, вам не нравятся моя манера вести дела. Может быть, даже взаимно. Но беда в том, что **дирижировать** надвигающимся представлением придется мне – независимо ни от моего, ни от вашего желания. **Временное** отставание и необходимость принятия оперативных решений делают ваши инструкции изначально бессмысленными. Помочь мне вы не в состоянии, но, похоже, принять участие в происходящем считаете своим долгом невзирая ни на что – хотя бы вставляя палки в колеса. Вы дали мне корабль,

наделили полномочиями и возложили всю полноту ответственности, так что теперь **МОЯ СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ – НЕ ВАШЕ СОБАЧЬЕ ДЕЛО!**

КОНЕЦ! БЕССЛАВНЫЙ!

Сирокко ударила по клавише «КОДИРОВАНИЕ», затем «ПЕРЕДАЧА» – и сползла по спинке кресла. Потерла словно запорошенные глаза. Подумать только – несколько дней назад экипаж порой маялся без дела. А сейчас работы оказалось выше головы. Переход на новую орбиту требовал полного тестирования всех систем «Властелина Колец».

Изменилось все – и причиной тому были шесть крошечных светящихся точек, пойманных Габи в телескоп. Исследование прочих спутников Сатурна, казалось, утратило всякий смысл – настолько всех заворожила предстоящая встреча с Фемидой.

Сирокко просмотрела перечень неотложных дел, затем график дежурств – и увидела, что он опять переменялся. А посему следовало сейчас же присоединиться к Август и Апрель, работающим в открытом космосе. Она кинулась к шлюзу.

Скафандр был одновременно громоздким и тесно облегающим. Он шуршал о кожу, тихо шипел рацией и испускал привычный запах – запах тела Сирокко с легкой отдушкой больничного пластика и свежего кислорода.

Удлиненный корпус «Властелина Колец» состоял из двух

основных секций, соединенных между собой полой трубой ста метров в длину и трех в диаметре. Прочность конструкции придавали три балки, расположенные, естественно, снаружи. Каждая из них передавала силу тяги «своего» двигателя жилому комплексу, размещенному в верхнем конце трубы.

Нижняя секция состояла из двигателей и блока съемных топливных баков, спрятанных за широкой пластиной противорадиационного щита. Тот окольцовывал трубу подобно шаровидному утолщению, преграждающему доступ крысам, на якорной цепи стоящего в порту океанского корабля. Находиться по ту сторону щита было опасно для жизни.

Во второй секции располагались исследовательский модуль, командный отсек и «карусель».

Командный отсек занимал переднюю часть верхней секции и выглядел как конический выступ, поднимающийся из огромной кофейной жестянки исследовательского модуля. В нем имел место единственный на корабле иллюминатор, да и тот скорее был данью традиции, чем приносил практическую пользу.

Научно-исследовательский отсек чуть виднелся за дремучими зарослями разнообразного оборудования. Надо всем возвышалась высокочувствительная антенна, венчающая длинный стержень и наведенная на Землю. Здесь же находились две радарные тарелки и пять телескопов, в том числе и 120-сантиметровый ньютоновский – любимое детище

Габн.

Сразу за научным модулем находилась «карусель»: медленно вращающееся вокруг остального корабля массивное маховое колесо с четырьмя спицами.

К центральной штанге крепилось все оставшееся неупомянутым. В том числе системы жизнеобеспечения, включающие цилиндры гидропоники, и несколько компонентов спускаемого аппарата: тяговые двигатели, две спусковые ступени и двигатель выхода на орбиту.

Спускаемый аппарат предназначался для исследования спутников Сатурна, главным образом Япета и Реи. После Титана, который имел атмосферу и, следовательно, не мог быть обследован данной экспедицией, наибольший интерес представлял Япет. До 1980 года одна из его полусфер была значительно ярче другой, но в течение двадцати последующих лет спутник претерпевал постепенные изменения, пока в конце концов его альbedo не стало почти однородным. Спады яркости имели теперь место на противоположных точках его орбиты. Целью посадки на Япет было выяснение причин этого явления.

Теперь же все предыдущие цели экспедиции заслонил более привлекательный объект – загадочная Фемида.

«Властелин Колец» изрядно напоминал вымышленный космический корабль под названием «Открытие», предназначенный для исследования Юпитера в ставшем классикой кинофильме «2001: Космическая одиссея». В этом сходстве

не было ничего удивительного или случайного: оба корабля конструировались по сходным параметрам и ради примерно одинаковых целей. Разница была лишь в проработанности деталей и в том, что один из них летал только на экране.

Сегодня Сирокко вышла в открытый космос, чтобы убрать панели солнечных отражателей, что опоясывали блок жилых помещений корабля. Необходимость отвода излишков тепла – одна из основных проблем космолетчиков. Однако сейчас «Властелин Колец» уже находился настолько далеко от Солнца, что тепло перешло из категории «излишки» в категорию «дефицит».

Закрепив страховочный канат вокруг трубы, идущей от ступицы «карусели» к переходному шлюзу, Сирокко развернулась лицом к одной из последних панелей – серебристому квадрату метр на метр, сложенному, подобно сэндвичу, из двух листов тонкой фольги.

Сирокко ткнула в один из углов пластины концом отвертки. Попав в прорезь, инструмент защелкал. Завращался противовес. Прежде, чем освобожденный винт унесло в свободный полет, отвертка заглотила его.

Еще три аналогичных операции – и панель отделилась от расположенного под ней слоя противометеоритного пенопласта.

Сирокко перехватила ее и повернула к Солнцу, на глаз определяя наличие пробоев. Там, где лист прошили насквозь мельчайшие частицы метеоритной пыли, светилось

три ярких крошечных точки.

По краям панель была схвачена проволокой – жесткой, но легко сгибаемой. Сирокко сложила ее в несколько раз и разместила в кармане скафандра. Застегнув клапан, она двинулась к следующей панели.

Времени теперь постоянно было в обрез. При любой возможности члены команды старались совместить два занятия. Поэтому Сирокко, в конце рабочего дня мирно лежащую на койке, осаждали сразу Калвин и Габи. Калвин проводил еженедельный медицинский осмотр, а Габи демонстрировала последнее изображение Фемиды. Каюта была переполнена.

– Это не фотография, – говорила Габи. – Это компьютерная экстраполяция. В инфракрасном диапазоне – кажется, в этом спектре получается нагляднее всего.

Сирокко приподнялась на локте, стараясь не сместить ни один из электродов Калвина и не выронить изо рта термометр. Калвин посмотрел неодобрительно.

На распечатке красовалось изображение массивного колеса, окруженного ярко-красными треугольниками с широким основанием. Внутри колеса также находилось шесть ярко-красных пятен, но поменьше и подквадратной формы.

– Большие треугольники снаружи – это наиболее горячие участки, – сказала Габи. – Думаю, они входят в систему температурного контроля. Поглощают тепло или отводят изли-

шек.

– Хьюстон уже пришел к тому же выводу, – заметила Сирокко. И взглянула на телевизионную камеру под потолком. Служба наземного наблюдения не спускала с них глаз. Что бы ни замышляли на Земле, Сирокко узнавала об этом через считанные часы, независимо от того, бодрствовала она в это время или пыталась спать.

Сходство изображения с колесом было невероятным и нарушалось лишь не то нагревательными, не то охладительными пластинами, на которые только что указала Габи. В центре находилась ступица с отверстием, которое у настоящего колеса вмещало бы ось. Из ступицы шло шесть толстых спиц, постепенно расширяющихся к ободу. Между спицами и находились ярко-красные участки.

– А вот в чем состоит новизна, – сказала Габи. – Эти квадраты расположены под углом. Их я поначалу и увидела – как шесть светлых точек. Спутник плоский, поэтому они отражают свет в направлении Земли, лишь находясь под соответствующим углом. Вот что необычно.

– Под каким именно? – прошепелявила Сирокко. Калвин вынул у нее изо рта термометр.

– Ну, свет падает параллельно оси, вот так. – Габи отобразила перемещение световых волн движением пальцев. – А отражение происходит при преломлении света под углом в девяносто градусов под сводом колеса. – Она указала на участок между двумя спицами.

– Эта часть колеса горячее остальных, но не настолько, как если бы поглощала все приходящее тепло. А раз она его не поглощает и не отражает – значит, оно передается. Отсюда мораль: участок прозрачен или полупрозрачен и пропускает большую часть света куда-то внутрь себя. Тебе это ни о чем не говорит?

Сирокко перевела взгляд с изображения на Габи.

– Что ты имеешь в виду?

– Ладно. Пойдем дальше. Мы уже знаем, что колесо полое. Не исключено, что спицы тоже... Вот представь себе колесо. Вроде автомобильной шины: большое, массивное и плоское у основания – с тем, чтобы увеличить жизненное пространство. Центробежные силы гонят тебя от ступицы к ободу. Пока все понятно?

– Ты не поверишь, но все, – словно изумленная собственной пронизательностью, пролепетала Сирокко.

Увлекаясь, Габи становилась порой такой напористой...

– Хорошо. В таком случае, находясь внутри колеса, ты оказываешься или под спицей, или под рефлектором, верно?

– Да? О, действительно... Но тогда получается...

– Получается, что в каждой отдельно взятой точке либо вечный день, либо вечная ночь. Спицы жестко закреплены, рефлекторы не перемещаются, звезды тем более. Таким образом, иного быть не может – непрерывный день или такая же ночь. Как ты думаешь, зачем оно сконструировано таким образом?

– Чтобы ответить, желательно встретиться с конструкторами. Их потребности, должно быть, отличаются от наших. – Сирокко взгляделась в изображение. Приходилось постоянно напоминать себе о размерах комичного артефакта – тринадцать сотен километров в диаметре, четыре тысячи по окружности. Перспектива встречи с существами, построившими подобное, тревожила ее все сильнее.

– Хорошо, я подожду. – Габи явно хотелось, чтобы вновь открытое небесное тело оказалось космическим кораблем. Это был бы достойный объект для наблюдения.

Сирокко еще раз посмотрела на изображение.

– Что касается ступицы... – начала она, но тут же замолчала. Не стоило слишком поспешно высказывать свои выводы перед работающей камерой.

– И что же касается ступицы?

– Это, похоже, единственное место, где можно произвести стыковку. Единственная неподвижная часть.

– Не совсем так. Неподвижен только центр вращения. А ведь отверстие в целом весьма велико. Пока мы достигнем твердой поверхности, намеченная для посадки точка сдвинется. Я, конечно, могу рассчитать...

– Сейчас не это важно. Лучше подумай вот о чем. Стыковка с Фемидой возможна только в самом центре вращения. Но я, пожалуй, не стала бы и пытаться.

– Да уж. И что?

– Должна быть веская причина тому, что не предусмотре-

но мест для стыковки. Нечто достаточно важное, чтобы ради него пренебречь оптимальным местом расположения совершенно необходимого устройства и при этом оставить в центре колоссальное отверстие.

– Двигатель, – сказал Калвин.

Оглянувшись, Сирокко успела поймать взгляд карих глаз, прежде чем он вернулся к прерванной работе.

– Думаю, именно так. Скажем термоядерный улавливающий реактор. Механизм находится в ступице, генераторы электромагнитного поля затягивают из космоса водород и гонят его в центр, где он сжигается.

Габи пожала плечами.

– В этом что-то есть. Но как насчет стыковки-то?

– Погоди. Итак, взлететь с этой... хм... конструкции должно быть легко. Выпадаешь из дыры и развиваешь достаточную скорость, чтобы преодолеть силу притяжения... Но там должна находиться какая-то штукавина, которая, пока не работает двигатель, выдвигала бы к центру вращения телескоп для обнаружения е кораблей-разведчиков... Однако и главный двигатель должен находиться в ступице. А остальные – вдоль обода колеса. Думаю, их по меньшей мере три. Хотя чем больше, тем лучше.

Сирокко повернулась лицом к камере.

– Пришлите что сможете о водородных реакторах, – сказала она. – Может, нам станет понятнее, где его искать... Если он на Фемиде вообще есть.

– Надо снять рубашку, – сказал Калвин.

Протянувшись, Сирокко отключила камеру, оставив звук.

Калвин принялся выстукивать ей спину и прислушиваться к результатам. Тем временем Сирокко и Габи продолжали изучать изображение Фемиды. Они не выявили ничего нового, пока Габи не завела речь о тросах.

– Насколько я понимаю, они образуют кольцо примерно на полпути между ступицей и ободом. И поддерживают верхние края отражательных панелей – как такелаж парусного корабля.

– А эти? – Сирокко указала на участок между двумя спицами. – Для чего они, ты не догадываешься?

– Не имею понятия. Так, их шесть, и они расходятся лучами от ступицы к ободу между спицами. По пути проходя через отражательные панели, если тебе это о чем-нибудь говорит.

– Ни о чем не говорит. Но на случай, если существуют еще подобные штуковины, такие же или потоньше, следует их поискать. Эти канаты... как ты считаешь? Километра три в диаметре?

– Скорее около пяти.

– Пусть так. Однако не удивлюсь, если существуют и другие – толщиной, скажем, с «Властелина Колец». Их мы можем не скоро обнаружить. Особенно если они такие же черные, как и Фемида в целом. Джин собирается погонять вокруг челнок – разведать, что и как. Не хотелось бы, чтобы он

впилился точно в трос.

– Загружу-ка я компьютер поиском объектов не более пяти километров по диагонали, – решила Габи.

Калвин, позвякивая инструментами, начал собираться.

– Как всегда, практически здорова, – сообщил он. – Отвратительно. Вы, народ, совсем не предоставляете мне практики. Если я не опробую здешний госпиталь, который, между прочим, обошелся в пять миллионов долларов, то кого смогу убедить в том, что деньги не выброшены на ветер?

– Хочешь, чтобы я сломала кому-нибудь руку? – конкретизировала Сирокко.

– Ну нет, переломы у меня уже были – еще в медицинском институте.

– И какое ты к ним отношение имел? Ломал или лечил?

Калвин засмеялся.

– Аппендэктомия. Вот что я хотел бы попробовать. А у вас даже аппендиксы не воспаляются.

– Хочешь сказать, что никогда не удалял аппендикс? Чему вас только учат теперь в медицинских институтах?

– Тому, что если теория усвоена как следует, то пальчики сами все сделают. И вовсе незачем лишний раз пачкать руки. В конце концов, мы же интеллектуалы! – Он вновь рассмеялся, и Сирокко почувствовала, как заходили ходуном тонкие стены ее каюты.

– Хотела бы я знать, бывает ли он вообще серьезным, – буркнула Габи.

– Серьезным? – переспросил Калвин. – На борту «Властелина Колец»? А впрочем... Ребята, что вы думаете о пластической хирургии? Среди вас находится один из лучших хирургов на этом корабле. – Он помолчал, дав возможность утихнуть оскорбительному гоготу. – Ну хорошо: просто один из лучших хирургов. Кто-либо из вас будет это отрицать? Едва ли. И как вы этим пользуетесь? Дома простейшая коррекция носа обойдется вам в семь-восемь кровных тысяч. Здесь для этого к вашим услугам страховая компания.

Сирокко, поднимаясь во весь внушительный рост, одарила хирурга ледяным взглядом.

– Полагаю, речь не о моем носе. Я права?

Калвин выставил перед собой большой палец и, прищурив глаз, посмотрел поверх него в лицо Сирокко. Примерившись и что-то посчитав, он ответил голосом доброго доктора:

– Разумеется. Почему обязательно нос? Существуют и другие виды избирательной хирургии. Я весьма неплохо разбираюсь в каждом из них. Это мое хобби. Взять, допустим... – Он опустил палец чуть ниже.

Сирокко резво занесла ногу для пинка, и Калвин едва успел выпрыгнуть за дверь.

Когда она, улыбаясь, вернулась, Габи с распечаткой под мышкой сидела на маленькой скамеечке у койки.

Сирокко подняла бровь.

– Что-то еще?

Габи, глядя в сторону, открыла было рот, но так ничего и

не сказав, лишь досадливо хлопнула себя ладонью по бедру.

– Да нет. Вроде бы все...

Приняв вслед за этими словами динамичную позу, словно собираясь рывком встать, она, тем не менее, осталась сидеть.

Сирокко задумчиво посмотрела на астронома, затем потянулась к телевизионной камере и отключила прослушивание.

– Это поможет?

Габи передернула плечами.

– Пожалуй. Решившись заговорить, я в любом случае вынуждена была бы попросить тебя об этом... Это, конечно, не мое дело...

– Но ты чувствуешь необходимость что-то сказать мне. – Сирокко терпеливо ждала.

– Ну... да. Капитан, как ты управляешь кораблем – твое дело. Хочу, чтобы ты знала: я об этом не забываю.

– Продолжай. Я восприимчива к критике.

– Ты спишь с Биллом...

Сирокко тихо рассмеялась.

– Сроду не *спала* с ним. Койка слишком узка, знаешь ли.

Но мысль мне понятна.

Сирокко надеялась таким образом облегчить Габи разговор, но попытка не удалась.

Мрачная Габи вскочила и принялась расхаживать по каюте, каждые четыре шага упираясь в стену.

– Капитан, секс не имеет для меня большого значения. –

Она опять дернула плечом. – Он у меня ни омерзения не вызывает, ни восторга. Если мне не придется заниматься любовью день... или год... Думаю, я даже не замечу этого. Но у большинства все иначе, особенно у мужчин.

– У меня тоже.

– Знаю. Потому мне и интересно, как ты... что ты чувствуешь к Биллу.

Настал черед Сирокко расхаживать по каюте. С ее ростом от стены до стены выходило всего три шага, и пользы ей это приносило еще меньше, чем Габи.

– Видишь ли, Габи, взаимовлияние людей в изолированной среде достаточно хорошо исследовано. В свое время пробовали организовывать сугубо мужские экипажи космических кораблей. Однажды набрали исключительно женскую команду. Пытались создавать рабочие группы из одних женатых и из одних одиночек. Вводили строжайший запрет на секс, потом отменяли все запреты. Полностью решить проблему так и не удалось. Люди упорно действовали друг другу на нервы и стремились заниматься любовью. Вот почему я никому не указываю, что ему делать в свободное время.

– Я и не говорю, что ты...

– погоди. Я сказала все это для того, чтобы тебе не казалось, будто я не осознаю потенциальной проблемы. А теперь мне хотелось бы услышать наконец, о чем ты так упорно молчишь. Или о ком.

Пришлось еще подождать.

– О Джине, – выдавила наконец Габи. – Я имела дело с обоими – и с Джином, и с Калвином. Как я уже говорила, это ничего для меня не значит. Калвин вроде как питает ко мне чувства. Я к такому привыкла. Дома, на Земле, я сразу отшила бы его. А здесь порой трахаюсь с ним... ну, чтобы он не слишком расстраивался. В любом случае это не имеет для меня никакого значения – так почему не помочь человеку... Но с Джином несколько иначе. С ним я трахаюсь потому, что он... он так... напряжен... Понимаешь? – Габи стиснула кулаки, потом разжала и взглянула на Сирокко.

Та кивнула и невозмутимо подтвердила:

– Да, мне довелось с ним общаться.

– Ага, и он не устроил тебя. Он говорил мне об этом. И был при этом крайне угнетен. Его надрыв пугает меня – и пугает тем сильнее, что я не понимаю его. Уж не знаю, как он сам видит происходящее, но для меня наши с ним встречи – лишь попытки ослабить его напряжение...

Сирокко сжала губы.

– Короче, тебе хотелось бы от него избавиться. Не за мой счет, надеюсь?

– Нет-нет. Я не жду содействия – просто делюсь информацией. На случай, если ты не в курсе. А уж как ты эту информацию собираешься использовать – твое дело. Ты капитан – ты и разгребайся.

Сирокко кивнула.

– Заметано. Хорошо, что ты мне все рассказала. Но по-

скольку Джину не приходится вечно рассчитывать на поддавки – пусть учится разгребать продукты собственной жизнедеятельности сам. Он вполне способен достигнуть любой поставленной перед собой цели. Есть, конечно, у него в натуре некоторая деспотичность... Но если бы Джин не был способен владеть собой, его бы сюда не пустили.

Габи кивнула:

– Надеюсь, ты не выдаешь желаемое за оперативную информацию. Впрочем, предпочитаю верить.

– Скажу еще одну вещь. В твои обязанности не входит удовлетворять чьи-либо сексуальные потребности. Озаботить тебя подобными функциями можешь исключительно ты сама. Ни я, ни прочие коллеги. Только ты.

– Понимаю.

– Так и действуй сообразно. Надеюсь, ты не думала, будто я ожидаю от тебя чего-то подобного. Также надеюсь, что ты не ожидаешь ничего эдакого от меня.

Сирокко упорно смотрела в глаза Габи, пока та не отвела взгляда. Потом дружески похлопала астронома по колену.

– А кроме того, сдастся мне, все вот-вот разрешится само собой. Скоро мы будем слишком заняты, чтобы задумываться о постороннем.

Глава 3

С точки зрения баллистики Фемида была сущим кошмаром.

До сих пор никому как-то не приходило в голову вывести на орбиту тороидальное тело. Фемида насчитывала тысячу триста километров в диаметре и лишь двести пятьдесят толщины. К краям тор сужался до ста семидесяти пяти километров сверху донизу. Плотность его была неоднородной. Это давало основания предположить, что под аркой тонкой, но прочной наружной оболочки находится атмосфера. Кроме того, имели место шесть спиц в четыреста двадцать километров каждая. В поперечном сечении они являли собой эллипсы с большими и меньшими осями в сто и пятьдесят километров соответственно – за исключением оснований, сильно расширяющихся в местах соединения с тором. Еще более массивной, чем места крепления спиц, была ступица: ее диаметр составлял сто шестьдесят километров, а в центре зияло стокилометровое отверстие.

Попытка совладать с подобным телом грозила нервным истощением корабельному компьютеру – и Биллу, создающему модель, способную вызвать у компьютера доверие.

Самой удобной для дальнейшей стыковки была бы орбита в экваториальной плоскости Сатурна, доступная кораблю на уже имеющейся скорости. Но это отпадало изначально

но. Ось вращения Феиды залегала параллельно экваториальной плоскости. А поскольку ось эта проходила через отверстие в центре Феиды, любая орбита в экваторе Сатурна, принятая Сирокко, направила бы «Властелина Колец» через участки с жестокими гравитационными колебаниями.

Так что единственным приемлемым вариантом была орбита в экваториальной плоскости самой Феиды. Такая орбита потребовала бы большой скорости углового момента. Она обладала единственным преимуществом: сохраняла приобретенную устойчивость.

Приближаясь к Сатурну, они заранее начали маневрирование. В последний перед приближением день они пересчитали курс. Сирокко и Билл полагались на данные наземной компьютерной и навигационной помощи, как это было при полетах к Марсу и Юпитеру. В эти дни они жили в исследовательском модуле. Сатурн на кормовых телевизионных экранах становился все больше и больше.

Сирокко не отрывала взгляда от камеры исследовательского модуля. Габи наблюдала за происходящим с лихорадочным возбуждением.

– Роки, ты не можешь сделать что-нибудь с вибрацией?

– Габи, работа двигателей, как говорится, номинальная.

Тряска только начинается.

– Самые интересные наблюдения за все время этого проклятого путешествия, – бормотала Габи.

Сидевший рядом с Сирокко Билл рассмеялся.

– Подожди минут пять, Габи, – сказал он, – я считаю, что надо дать им возможность работать как запланировано. Это будет лучше всего.

Двигатели сократили работу до минимума; приборы подтверждали, что приближение происходит по плану.

– Это «Властелин Колец». Командир С. Джонс. Мы вышли на орбиту Сатурна в 1341.453 Универсального времени. Сведения для корректировки работы двигателей сообщу после выхода с обратной стороны, между тем я выйду с этой полосы частот.

Сирокко хлопнула рукой по выключателю.

– Уникальный шанс посмотреть на это со стороны.

Помещение было крошечное, но Август, Апрель, Джин и Калвин умудрились сюда втиснуться. Под контролем Габи Сирокко развернула корабль на девяносто градусов.

Сатурн казался серой впадиной шириной семнадцать градусов, он, покрывающий 100 периодов поверхности луны, если смотреть с Земли. Кольца были под неправдоподобным углом в пятьдесят градусов от края до края.

Они выглядели как твердый сверкающий металл. Каждая частица была освещена с противоположной стороны и представляла тонкий полумесяц, как и Сатурн. В положении, которое Солнце занимало в десять часов, оно было точкой света, приближающейся к Сатурну.

Все молчали, наблюдая за Солнцем, которое должно было вот-вот скрыться. Тень Сатурна упала на ближайшее к ним

кольцо, разрезая его подобно бритве.

Закат продолжался пятнадцать секунд. Глубокие, насыщенные краски плавно и в то же время неожиданно сменяли друг друга. Картина напоминала ту, которая открывается из самолета в стратосфере.

В кабине раздался тихий общий вздох. Стекло деполяризовалось, и у всех опять захватило дух при виде того, как кольца стали ярче, окружая темно-голубой свет, очерчивающий северное полушарие планеты. На поверхности стали видны серые полосы, освещаемые светом колец. Внизу бушевали бури не слабее земных.

Оторвав взгляд от этой красоты, Сирокко увидела слева от себя экран. Габи все еще была в исследовательском модуле. На экране над ее головой виднелось изображение Сатурна, но она не подняла на него глаз.

– Габи, ты не хочешь посмотреть на это?

Не отрываясь от бегущих по крошечному экрану цифр, Габи покачала головой.

– Сейчас лучшее за все путешествие время для наблюдения! Ты сошла с ума!

Сначала они легли на длинную эллиптическую орбиту с низкой двухсоткилометровой вершиной над теоретическим радиусом Фемиды. Это была математическая абстракция, так как орбита была наклонена на тридцать градусов к экватору Фемиды, который находился от них с правой, темной стороны. Они миновали вращающийся тороид, чтобы зай-

ти с солнечной стороны. Видимая невооруженным взглядом, перед ними раскинулась Фемида.

Мало что можно было рассмотреть. Даже освещенная солнечными лучами, поверхность Фемиды была почти такой же черной, как космическое пространство. Сирокко изучающе смотрела на огромную массу колеса, окаймленного, словно парусами, остrokонечными зубчатыми пластинами, предназначенными, по всей видимости, для улавливания солнечного света и переработки его в тепло.

Корабль двигался над внутренней частью огромного колеса. Стали видны спицы и солнечные рефлекторы. Они казались почти такими же темными, как и вся остальная Фемида. Исключение составляли участки, где отражались яркие звезды.

Сирокко продолжала тревожить проблема отсутствия входа. Земля оказывала на нее большое давление, чтобы она предприняла посадку. Впрочем, она сама стремилась к этому больше всех, несмотря на инстинктивную осторожность.

Какой-то вход должен был существовать. Вне всяких сомнений, Фемида была искусственно созданным образованием. Вопрос состоял в том, был ли это межзвездный космический корабль или же искусственный мир, подобный «О'Нейл-1». Различие состояло в движении и в строении. Космический корабль должен был иметь двигатель, и двигатель этот должен был находиться в ступице. Колония же должна была быть построена кем-нибудь, находящимся по-

близости. Сирокко слышала теории об обитателях Сатурна и Титана, о марсианах, хотя никто не нашел такого веского подтверждения, как древние кремневые наконечники для стрел первобытного человека на Марсе и древние расы пришельцев с Земли. Она не верила ни в одну из этих теорий, но это вряд ли имело значение. Являлась ли Фемида кораблем или колонией, она в любом случае должна была быть кем-то построена, и она должна иметь вход.

Казалось, роль входа должна была играть ступица, но законы баллистики заставляли корабль вращаться на орбите, максимально удаленной от ступицы.

«Властелин Колец» вышел на круговую орбиту в четырехстах километрах над экватором. Они двигались в направлении вращения, но скорость вращения Фемиды превышала их орбитальную скорость. В поле зрения Сирокко находилась плоская черная поверхность. Через определенные интервалы времени мимо проносилась одна из солнечных панелей, напоминая крыло чудовищной летучей мыши.

Сейчас стали видны кое-какие детали. Длинные гофрированные складки сходились у солнечных панелей; видимо, они покрывали огромные трубы, несущие нагретую Солнцем жидкость или газ. Видны были несколько беспорядочно разбросанных кратеров, некоторые из них достигали четырехсот метров в глубину. Вокруг кратеров не было никаких валунов. Ничто не могло удержаться на поверхности Фемиды, не будучи прикреплено.

Сирокко заблокировала бортовое управление. Рядом клевал носом в своем кресле Билл. Оба не покидали модуль управления уже два дня.

Она двигалась по исследовательскому модулю как луна-тик. Где-то внизу находилась кровать с мягкими простынями и подушкой...

– Роки, у нас тут что-то странное.

Она остановилась, уже занеся ногу на перекладину лестницы карусели.

– Что ты сказала?

Интонация, с какой это было сказано, заставила Габи поднять взгляд.

– Я устала, – раздраженно сказала Сирокко. Она хлопнула по выключателю, и на экране над головой появилось изображение.

Это был приближающийся край Фемиды. На нем была выпуклость, которая, казалось, росла по мере приближения к ним.

– Раньше этого не было. – Сирокко нахмурилась, пытаясь отогнать навалившуюся усталость.

Раздалось слабое жужжание зуммера, и она поначалу не могла определить, откуда оно исходит. Затем адреналин поглотил паутину оцепенения, и восприятие стало резким и ясным. Звуки тревоги неслись из управляющего модуля.

– Капитан, – сказал через громкоговоритель Билл, – у меня здесь странные показания. Не мы приближаемся к Фемиде.

де, а что-то приближается к нам.

– Я сейчас приду. – Стойка показалась ей холодной как лед, когда она схватилась за нее, чтобы подняться. Сирокко глянула на экран. Объект взорвался. Словно вспыхнула звезда. И она росла.

– Я вижу, – сказала Габи. – Оно все еще соединено с Фемидой. Это похоже на длинную руку или стрелу крана, и оно раскрывается. Я думаю...

– Стыковочное устройство! – завопила Сирокко. – Они собираются схватить нас! Билл, запускай последовательно двигатели, останови карусель, приготовься маневрировать.

– Но на это уйдет тридцать минут...

– Я знаю. Действуй!

Она отскочила от экрана, села на место и взяла микрофон.

– Внимание всем. Чрезвычайная ситуация. Угроза разгерметизации. Эвакуировать карусель. Ускорение. Пристегнуться.

Она хлопнула левой рукой по кнопке тревоги и услышала позади себя жуткое гудение. Сирокко глянула влево.

– Ты тоже, Билл. Приготовься.

– Но...

– Сейчас же!

Он уже покинул свое место и погружался в люк. Сирокко обернулась и крикнула ему через плечо:

– Принеси мой костюм!

Теперь объект был виден через иллюминатор. Он быстро

приближался.

Сирокко никогда не чувствовала себя такой беспомощной. В соответствии с программой основной системы управления она могла запустить все вспомогательные двигатели, расположенные со стороны Фемиды, но этого вряд ли хватило бы. Огромная масса «Властелина Колец» едва двигалась. Ей оставалось лишь сидеть и наблюдать за автоматической работой двигателей, считая секунды до того, как их схватят и поволочут. Она понимала, что за такое короткое время сбегать не удастся. Тело это было огромным и двигалось быстрее.

Появился Билл, уже одетый в костюм. С трудом поднявшись, Сирокко пошла в исследовательский модуль надевать свой. Неподвижно уставившись на экран, неотличимые друг от друга в специальных костюмах, пристегнутые к сиденьям астронавтов, сидели пятеро членов экипажа «Властелина Колец». Сирокко застегнула шлем. В наушниках раздавался встревоженный гомон.

– Успокойтесь. – Разговоры затихли. – Я хочу, чтобы на этих каналах была тишина, пока я сама не спрошу вас о чем-нибудь.

– Но что происходит, командир? – Это был голос Калвина.

– Я сказала, никаких разговоров. Похоже, эта штука собирается подцепить нас. Это, должно быть, стыковочное устройство, которое мы искали.

– По мне, больше похоже на атаку, – пробормотала Ав-

густ.

– Наверняка они делают это не первый раз, технология отработана и риск минимален. – Сирокко хотела убедить в этом саму себя. Но когда корабль содрогнулся, надежда ее пошла на убыль.

– Контакт, – сказал Билл, – они захватили нас.

Сирокко поспешила назад к наблюдательному пункту как раз в тот момент, когда над ними нависло что-то вроде раскрытого трала. Корабль подпрыгнул еще раз, и со стороны кормы раздался страшный шум.

– На что это похоже?

– На щупальца огромного осьминога без присосок. – Голос его дрожал. – Их сотни, они повсюду извиваются над нами.

Корабль еще сильнее накренился, к сигналам тревоги присоединились новые. Панель управления покрылась красными огнями.

– Произошел разрыв корпуса корабля, – сказала Сирокко со спокойствием, которого она не ощущала. – В носовой части происходит утечка воздуха. Разгерметизированы люки четырнадцатый и пятнадцатый.

Ее руки бессознательно двигались над панелью управления. Лампы и кнопки были страшно далеко, как если бы она смотрела на них через перевернутый телескоп. Бешено закрутился акселерометр, корабль неистово рвануло вперед, потом вбок. Сирокко схватилась за Билла, затем с трудом

добралась до своего кресла и пристегнулась.

Когда пряжки уже защелкнулись, корабль опять тряхнуло, на этот раз еще более жестоко. Что-то влетело через люк позади нее и ударило по обзорному иллюминатору, который покрылся сетью трещин.

Сирокко свесилась с кресла, ее тело вытянулось вперед, удерживаемое поясом. Через люк влетел баллон с кислородом и врезался в растресканное стекло. Звук удара был поглощен взрывом холода. Перед глазами кружились, уменьшаясь, тяжелые осколки. Все в кабине, что не было привязано, подпрыгивало и со свистом вылетало через окруженную острыми зазубринами пасть, которая была когда-то иллюминатором.

Когда Сирокко нагнулась над бездонной черной дырой, кровь запульсировала в ее лице. Многочисленные предметы лениво вращались в солнечном свете. Один из них был модуль двигателя «Властелина Колец», он находился впереди нее, там, где его не должно было быть. Ей был виден сломанный обрубок соединительного стержня. Корабль распался.

– О, черт, – сказала Сирокко. В памяти живо возник фрагмент слышанной однажды записи полетного регистратора одной авиалинии. Это были последние слова, произнесенные пилотом за секунду до столкновения, когда он знал, что погибает. Она тоже знала это, и эта мысль переполняла ее отвращением.

С тупым ужасом Сирокко следила за созданием, опутав-

шим двигатели немислимым количеством щупалец. Это напомнило ей старинную гравюру: португальский военный корабль, на который напал кракен. Совершенно беззвучно, странно красиво разорвался топливный бак —. Ее мир распадался, не оставляя следа. Быстро рассеивались клубы компрессорного газа. Существо, казалось, ничто не тревожило.

Другие щупальца держали другую часть корабля. Остро направленная антенна, казалось, была почти снесена, но она медленно продолжала двигаться, хотя и полуразрушенная.

– Работает, – прошептала Сирокко. – Она работает.

– Что ты сказала? – Билл обеими руками пытался удержаться за инструментальную панель. Он был пристегнут к своему креслу, но болты, которые крепили кресло к полу, сломались.

Корабль опять содрогнулся, и кресло Сирокко оторвалось от пола. Край панели придавил ей бедра, и она закричала, пытаясь освободиться.

– Роки, все трещит по швам. – Сирокко не была уверена, чей это был голос, но в нем она почувствовала страх. Она рванулась, и ей удалось, держась за панель одной рукой, другой отстегнуть пояс. Кресло неторопливо проплыло среди обломков, чуть задержалось в раме разбитого иллюминатора и вылетело в космическое пространство.

Сирокко думала, что у нее сломаны ноги, но обнаружила, что может шевелить ими. Боль уменьшилась, когда она собрала остатки сил, чтобы помочь Биллу выбраться из кресла.

Слишком поздно; она увидела, что глаза его закрыты, лоб и вся внутренность шлема испачканы кровью. Когда его тело свободно скатилось на панель управления, стала видна вмятина в шлеме. Сирокко попыталась обхватить Билла за бедра, ее руки скользнули по икре, по ботинку, но он падал, падал в блестящий стеклянный пролом.

Сирокко пришла в чувство под панелью управления. Она потрясла головой, не в состоянии вспомнить, как ее туда занесло. Но сила торможения сейчас уже была не так велика. Фемида успешно привела «Властелина Колец», или, вернее то, что от него осталось, к скорости своего вращения.

Все молчали. Через передатчик в ее шлеме доносилось прерывистое дыхание, но ни единого слова не было слышно. Говорить было не о чем; вопли и проклятия истощились. Сирокко поднялась на ноги, схватилась за край люка над головой и подтянулась сквозь него в хаос.

Не горела ни одна лампочка, но сквозь большой разрыв в стене солнечный свет освещал поломанное оборудование. Сирокко двинулась через обломки, и одетые в костюмы фигуры уходили с ее пути. В голове у нее пульсировало. Один глаз заплыл и закрылся.

Нанесенный ущерб был огромен. Потребуется немало времени для ремонта, после которого можно будет отправиться в путь.

– Мне нужен исчерпывающий доклад от всех отделений, – сказала Сирокко, ни к кому не обращаясь конкретно. – Этот

корабль никогда не предназначался для такого рода испытаний.

Стояли только трое из слушавших ее. Один человек стоял в углу на коленях, держа руку другого, похороненного под обломками.

– Я не могу двинуть ногами. Они не шевелятся.

– Кто это сказал? – закричала Сирокко, пытаясь потряхиванием головы отогнать головокружение, но стало только хуже. – Калвин, займись ранеными, пока я посмотрю, что можно сделать с кораблем.

– Будет сделано, капитан.

Никто не двинулся с места, и Сирокко спросила себя, почему. Все они наблюдали за ней. Почему?

– Если я понадобится, я буду в своей кабине. Я не совсем... хорошо себя чувствую.

Одна из фигур шагнула в ее сторону. Сирокко двинулась, пытаясь избежать столкновения, и ее ступня проскочила между досками. Боль пронзила ногу.

– Оно заходит, вон там. Видишь? Теперь оно позади нас.

– Где? Я ничего не вижу. Господи, я вижу его.

– Кто это говорит? Мне нужна тишина на этом канале!

– Оглянись! Он позади тебя!

– Кто это сказал? – Сирокко покрылась испариной. Что-то ползло позади нее, она ощущала это, это было одно из тех существ, которые заползают к вам в спальню, как только выключается свет. Не крыса, хуже, что-то, что не имело лица,

лишь слизь, и холод, и смерть, холодные и влажные руки. Сирокко блуждала взглядом в красных потемках и вдруг увидела извивающуюся змею, ползущую через пятно солнечного света впереди нее.

Было очень тихо. Почему так тихо?

Ее рука обхватила что-то твердое. Она подняла его и начала рубить, еще и еще, пока существо вспыхивало в поле зрения.

Оно не было мертвым. Что-то обвилось вокруг ее талии и начало сдавливать.

Фигуры в костюмах подпрыгнули и кинулись врассыпную в тесном пространстве, но щупальца выстреливали волокнами, которые липли как горячая смола. Комната была опутана ими, что-то держало Сирокко за ноги и пыталось растянуть ее как дужку. Ее пронзала боль, какой она еще никогда не испытывала, но она продолжала рубить щупальца, пока сознание не покинуло ее.

Глава 4

Было темно.

Даже за этот кусочек негативных знаний можно было уцепиться. Осознание того, что обволакивающая темнота была результатом отсутствия чего-то, называемого светом, значило для нее больше, чем могла она когда-то поверить – тогда, когда время состояло для нее из последовательных моментов, подобных бусинкам, нанизанным на шнурок. Теперь же бусинки просыпались сквозь пальцы. Они переставлялись в бесплодной попытке обусловить причинную связь.

Ничто не требовало контекста. Для темноты ничего не значило воспоминание о свете. Это воспоминание угасло.

Это случилось раньше и повторялось сейчас. Иногда это отождествлялось с бесплотным сознанием. Гораздо чаще это было только осознание.

Она находилась в брюхе зверя.

(Вот только какого?)

Она не могла вспомнить. Это придет. Так обычно происходит, если ждать достаточно долго. И ожидание было легким. Тысячелетие было не хуже, чем миллисекунды нахождения здесь. Наслоение времени было гибелью.

Ее звали Сирокко.

(Что за Сирокко?)

«Шар-рок-о. Это горячий ветер из пустыни или старая мо-

дель „Фольксвагена“. Ма никогда не говорила мне, что она имела в виду». Это был ее стандартный ответ. Она вспомнила, как говорила это. Могла даже чувствовать движение губ, произносящих эти бессмысленные слова.

Зови меня «капитан Джонс».

(Капитан чего?)

Исследовательского космического корабля «Властелин Колец», корабля для глубокого исследования космического пространства, корабля, направляющегося к Сатурну с семьёю астронавтами на борту. Одна из них была Габи Плоджит...

(Кто...)

...и ...другой был... Билл...

(что опять за имя?)

Это вертелось на кончике ее языка. Язык был мягкий, толстый... его можно было обнаружить во рту, который был...

Он был у нее только что, но что это за «только что»?

Что-то вроде света. Все, что бы то ни было.

Темно. Была ли она здесь раньше? Да, разумеется, ну так что же; продолжать думать, не позволять мысли ускользнуть. Не было никакого света, не было больше ничего, но что такое «больше ничего?»

Ни запаха. Ни вкуса. Ни осязания. Никакого ощущения тела. Ни даже ощущения паралича.

Сирокко! Ее звали Сирокко.

«Властелин Колец». Сатурн. Фемида. Билл.

Все в одночасье вернулось, как будто она опять ожила. Она подумала, что сойдет с ума от нахлынувших впечатлений, и вместе с этим пришли другие, более поздние воспоминания. Это случилось раньше. Она вспоминала, но воспоминания ускользали от нее. Это сводило ее с ума, это повторялось вновь и вновь.

Она знала, что ее способность постичь происшедшее незначительна, но что еще она могла сделать. Она знала, где находится, и знала характер проблемы.

Этот феномен исследовался на протяжении последнего столетия. Человека помещали в неопреновый костюм, закрывали ему глаза, помещали руки и ноги в такое положение, что он не мог коснуться себя, устраняли все окружающие звуки и оставляли его плавать в теплой воде. Невесомость, даже лучше.

Результаты были удивительными. Многие из первых объектов были проходящие испытания пилоты – хорошо тренированные, полагающиеся на собственные силы, здравомыслящие люди. Двадцать четыре часа лишения органов чувств превращали их в людей с детской психикой. Дальнейшее пребывание в таком состоянии было опасным. Сознание постепенно начинало реагировать лишь на несколько раздражителей: сердцебиение, запах неопрена и тяжесть воды.

Сирокко была знакома с этими опытами. Она сама подвергалась на двенадцать часов потере чувственных восприятий. Она знала, что если хорошо постарается, то сможет вос-

становить дыхание. Это было нечто, что она была в состоянии контролировать; нарушить ритм при желании. Она попыталась дышать быстрее, попробовала кашлянуть, но ничего не почувствовала.

Потом пришло ощущение давления. Ничего больше. Сосредоточиваясь на одной мышце, тщательно представляя ее местоположение и назначение, она пыталась заставить ее двигаться. Безуспешно. Она ничего не может. На нее начал надвигаться страх смерти.

Она не хотела об этом думать. В то же время у нее в мозгу мелькнула мысль гораздо более страшная. А что, если люди вообще не умирают?

Что, если после смерти тела остается *это*? Может быть, существует вечная жизнь, и она протекает в вечном отсутствии ощущений?

Ей хотелось сойти с ума.

Попытки пошевелиться кончились неудачей. Она отбросила их и начала выискивать более свежие воспоминания, надеясь найти ключ к своему теперешнему состоянию в последних сознательных секундах на борту «Властелина Колец». Она бы рассмеялась, если бы могла напрячь мускулы. Если она не умерла, следовательно, она попала в брюхо зверя, достаточно большого, чтобы проглотить корабль со всей командой.

Вскоре Сирокко увидела привлекательную сторону происходящего. Если это в самом деле так, если она и в самом

деле съедена и до сих пор жива, то все равно придет смерть. Все что угодно было лучше кошмара вечности, безбрежная пустота которой расстилалась сейчас перед ней.

Она нашла возможность рыдать без участия тела. Без слез и всхлипываний, без спазмов в горле, с невыносимой болью внутри, Сирокко безнадежно рыдала. Она превратилась в ребенка в темноте. Она почувствовала, что рассудок опять покидает ее, и была рада этому.

Она прикусила язык.

Теплая кровь наполнила рот. Она плавала в ней с безнадежным страхом и жаждой, маленькая рыбка в странном соленом море. Слепой червь, просто рот с твердыми круглыми зубами и раздутым языком, ищущим прекрасного вкуса крови, который будил надежду.

Она опять неистово прикусила язык и была вознаграждена алой струей крови. «Можно ли ощущать на вкус цвет?» – спрашивала она себя. Но это ее не тревожило. Она чувствовала великолепную боль.

Боль перенесла ее в прошлое.

Она подняла лицо от разбитых циферблатов и разбросанных осколков ветрового стекла маленького самолета и почувствовала, как ветер холодит кровь ее открытого рта. Она поднесла руку ко рту и вынула два окровавленных зуба. Она смотрела на них, не понимая, откуда они появились. Несколькоми неделями позже, покидая госпиталь, она нашла их в кармане парки. Она держала их в коробочке на ноч-

ном столике в то время, пока просыпалась под мертво-тихий шепот ветра. *Второй двигатель мертв, вокруг и нет ничего, кроме снега и деревьев.*

Она брала коробочку и трясла ее. *Я осталась в живых.*

– Да, но это произошло несколько лет тому назад, – на помнила она себе.

Кровь пульсировала в висках. Ей сменяли бинты. Как кинематографично. Дьявольски жаль, что я не могу видеть этого. Вокруг выжидательные лица – между ними быстро снует камера – за кровать падает грязная марля, разматывается слой за слоем – и затем... почему... почему...

Доктор... она *прекрасна*.

Но это не так. Ей говорили то, что она хотела бы услышать. Два ужасных кровоподтека и вспухшая красная кожа. Само лицо было цело, никаких шрамов, но она была не красивее, чем всегда. Нос все так же напоминал тесак, ну и что? Он не был сломан, и гордость не позволяла ей подвергнуть его пластической операции.

(В душе она ненавидела свой нос и считала, что он наряду с ее высоким ростом способствовал назначению ее командиром «Властелина Колец». Женщин неохотно назначали на такие должности, но тот, кто решил поручить ей эту работу, считал, что это не относится к женщине ростом в пять футов и что такой можно доверить командование дорогостоящим космическим кораблем).

Дорогостоящий космический корабль.

Сирокко, ты опять отклоняешься в сторону. Прикуси язык.

Она так и сделала и почувствовала вкус крови... увидела перед собой стену замерзшего озера... подняла голову от разлетевшегося вдребезги стекла, осколки которого тут же обрушились в бездну. Пояс кресла удерживал ее над пропастью. Тело скользнуло через обломки, она потянулась к своим ботинкам...

Она прикусила язык еще раз, прикусила сильно, и почувствовала, как что-то коснулось ее колена. Она сложила два ощущения и поняла, что прикоснулась сама к себе.

Это была оргия в темноте, оргия, которой женщина предавалась сама с собой. Она иступленно любила свое вновь обретенное тело. Она туго скручивалась, лизала и кусала все части тела, которые только могла достать, одновременно щипая и дергая их руками. Она была гладкая и безволосая, скользкая, как угорь.

Когда она попыталась дышать, плотная, почти студенистая жидкость заструилась ей в нос. Это не было неприятно; она даже не испугалась, когда это произошло.

И появился звук. Он был очень тихий, это был стук ее сердца. Она не могла прикоснуться ни к чему, кроме собственного тела, как ни вытягивалась. Какое-то время она пыталась плыть, но не могла сказать, продвинулась ли куда-нибудь.

Раздумывая над тем, что ей следовало бы предпринять,

она заснула.

Процесс пробуждения был неопределенным, постепенным. Какое-то время она не могла понять, спит ли она еще или уже в сознании. Она могла немного поспать, разве нет?

Подумав об этом, она тут же пришла к мысли – как она может *спать* в такое время? После того, как эта мысль пришла ей в голову, она потеряла уверенность в том, что вообще спала. Разница в состоянии была крошечной, без ощутимых различий. Сон, сновидение, сон наяву, здравомыслие, сумасшествие, настороженность, дремота; она не могла дать определения ни одному из этих состояний. По учащению сердцебиения она поняла, что ей страшно. Она знала, что начинает сходить с ума, и цепко держалась за ту часть своего «я», которую могла воссоздать из вихря сумасшествия.

Имя: Сирокко Джонс. Возраст: тридцать четыре года. Раса: принадлежность: не черная, но, однако, и не белая.

Юридически она была американкой, но в действительности являлась членом многонационального объединения Третьей Культуры, не имеющих национальных корней, то есть – личностью без гражданства. В каждом большом городе Земли были американские гетто. Дома массовой застройки, английские школы, дешевые закусовые. Сирокко жила в большинстве из этих городов, они немного походили на военные поселения, но были менее безопасными.

Ее мать не вышла замуж. Она была инженером-консультантом, работала на энергетические компании. Она не со-

биралась заводить ребенка, но ее планы нарушил охранник арабской тюрьмы. Он проявил к ней сочувствие, когда она была арестована во время пограничного инцидента между Ираком и Саудовской Аравией. Пока посол вел переговоры о ее освобождении, родилась Сирокко. К тому времени на пустыню было сброшено несколько ядерных бомб, пограничный инцидент перерос в локальную войну, тюрьма была переполнена. Когда установилось политическое равновесие, Сирокко с матерью отправились в Израиль. Пятью годами позже мать заболела раком легких, причиной которого были радиоактивные осадки. Четырнадцать последующих лет она лечилась, и лечение было ненамного легче самой болезни.

Сирокко выросла большой и одинокой, ее единственным другом была мать. Они приехали в Соединенные Штаты, когда Сирокко было двенадцать лет. К этому времени она умела читать и писать, и американская система образования не повредила ей. Ее эмоциональное развитие было совершенно иным. Она нелегко находила друзей, но была преданным другом. У ее матери были твердые убеждения относительно того, как следует воспитывать молодую леди, они предусматривали наряду с танцами и вокалом занятия стрельбой и каратэ. Казалось, у Сирокко не было недостатка уверенности в себе. Никто не знал, насколько она ранима, она прятала это так глубоко, что ей даже удалось одурачить психолога НАСА, проходя тестирование на пригодность к командованию кораблем.

– Ну, и насколько все это было правдой? – спрашивала себя Сирокко. Она не лгала сама себе. Да, она страшилась ответственности, лежащей на командира корабля. Наверное, все командиры в душе сомневаются в себе, понимая, что не вполне соответствуют возложенным на них обязанностям. Но ее интересовало не это. Что, если остальных это не пугает? В таком случае ее секрет переставал быть секретом.

Она задавалась вопросом, как она пришла к командованию кораблем, если это было совершенно не то, чего она хотела. *А чего она на самом деле хотела?*

Я хотела бы выбраться отсюда, пыталась сказать она. Я хотела бы, чтобы что-нибудь произошло.

Вскоре в самом деле что-то произошло.

Она почувствовала левой рукой стену. А затем то же самое почувствовала правой. Стены были теплые, гладкие и упругие; и это соответствовало предположению, что она находится в желудке. Она чувствовала, как стены движутся мимо ее пальцев.

Потом они стали сближаться.

Она застряла головой вперед в неровном тоннеле. Стены начали сокращаться. В первое мгновение она ощутила клаустрофобию. До этого ее никогда не пугало ограниченное пространство.

Стены пульсировали, проталкивая ее вперед, пока голова ее не проскользнула через прохладную и грубую ткань. Ее сжало; из легких хлынула пузырящаяся жидкость, она за-

кашлялась; делая вдох, и обнаружила, что рот полон песка. Опять закашлялась, из легких хлынуло еще больше жидкости, но теперь уже ее плечи были свободны, и она нырнула головой в темноту, чтобы рот окончательно не забился песком. Она тяжело дышала и отплевывалась, потом начала мерно дышать носом.

Вышли наружу руки, затем бока, и Сирокко начала выкапываться из окружавшего ее пористого материала. Запах напоминал детство, когда они забирались в тесный подвал с земляными стенами, куда взрослые спускались лишь в случае прорыва водопровода. Стоял такой же запах, как когда ей было девять лет и она рылась в грязи.

Она освободила одну ногу, потом вторую и, судорожно дыша и свесив голову на грудь, начала отдышать.

Позади ее шеи крошилась и обваливалась земля. Она скапывалась по ее телу, пока почти полностью не засыпала ее. Она была зарыта в этой земле, но жива. Пора было пробиваться наружу, но не было сил пошевелить рукой.

Преодолевая нахлынувшую панику, она заставила себя подняться на ноги. Мышцы сводило, суставы скрипели, но масса над ней подалась.

Голова оказалась снаружи. Задыхаясь, отплевываясь, Сирокко вытащила из-под земли одну руку, затем вторую и схватилась за что-то, напоминавшее холодную траву. Она выползла из дыры на четвереньках и свалилась от изнеможения. Она врывалась пальцами в благословенную землю и

беззвучно плакала, пока не заснула.

Сирокко не хотела просыпаться. Она боролась с пробуждением, притворяясь спящей. Почувствовав, что трава исчезает и возвращается темнота, она быстро открыла глаза.

В сантиметре от ее носа расстился бледно-зеленый ковер, похожий на траву. Пах он тоже как трава. Это была разновидность травы, которую можно найти на лужайке для игры в гольф. Она была теплее, чем воздух, и Сирокко не могла определить, что это такое на самом деле. По всей вероятности, это вообще не трава.

Она потерла ее рукой и снова втянула воздух. Назовем это травой.

Она села. Что-то лязгнуло, сбив ее с толку. Вокруг ее шеи кругами обвивался блестящий металл, другие кольца, поменьше, обвивали руки и ноги. С основной металлической ленты свисало множество странных предметов, скрепленных проволокой. Она сбросила их, задаваясь вопросом, где видела это раньше.

Было удивительно тяжело сосредоточиться. То, что она держала в руках, было настолько запутанным, настолько разнообразным, что расфокусированные мозги не выдерживали.

Потом она сообразила. Это были остатки костюма. Большая часть костюма состояла из пластика. Не осталось ничего, кроме металла.

Она сложила железки в кучу и вдруг поняла, насколько

обнажена. Под слоем грязи тело ее было совершенно лишено волосяного покрова. У нее не стало даже бровей. Почему-то ей стало от этого грустно.

Она уткнулась лицом в ладони и расплакалась.

Сирокко трудно давались слезы, она плакала не часто. Она не была плаксой. Но слезы странным образом помогли вспомнить, кто она есть.

Теперь надо было узнать, где она находится.

Примерно через полчаса она почувствовала, что опять в состоянии двигаться. Но решение двигаться порождало кучу вопросов. Как выбрать направление?

Она намеревалась исследовать Фемиду, но это было тогда, когда в ее распоряжении был космический корабль и ресурсы земной технологии. Сейчас же у нее была лишь ее обнаженная кожа да несколько кусочков металла.

Она находилась в лесу, который состоял из травы и деревьев одного вида. Она назвала их деревьями на том же основании, на котором траву назвала травой. Если что-то растет вверх на высоту семьдесят метров, имеет коричневый круглый ствол и высоко вверху – что-то вроде листьев, то это, по всей видимости, деревья. Во всяком случае, не похоже, что они намерены при удобном случае сожрать ее.

Она заставила себя по возможности успокоиться. Глупо слишком уж тревожиться из-за того, что ты не в силах изменить. И надо помнить, что если ты осторожен, как того требует здравый смысл, то умрешь с голода в пещере.

Воздух был первый класс. Он мог содержать в себе яд.

– Так что сейчас же перестань дышать! – громко сказала она. Верно. По крайней мере, он пахнет свежестью, и она не кашляет.

Вода – вот о чем следовало позаботиться. Надо будет найти воду – это первый пункт в перечне действий, которые следует предпринять. Найдя воду, она, может быть, сможет развести огонь и вскипятить ее. Если же нет, она напьется и так.

Следующей проблемой была еда – это волновало ее больше всего. Даже если ничто не сожрет ее саму, как узнать, не ядовито ли то, что она сможет найти себе в пищу и вообще, питательнее ли оно, чем целлофан.

Можно было пойти на рассчитанный риск. Но как определить степень риска, когда даже эти деревья могут оказаться вовсе не деревьями?

Они и впрямь не слишком походили на деревья. Стволы их были как полированный мрамор. Ветви располагались параллельно земле на равном расстоянии друг от друга, образуя правильный треугольник. Плоские листья трех или четырех метров в поперечнике были похожи на белый след лапы.

Что такое безрассудство и что такое сверхосторожность? Это не объяснялось ни в одном учебнике. Опасность не имела опознавательных знаков. Но, не приняв решения, она не могла никуда двигаться, а двигаться было необходимо. Она начинала ощущать голод.

Она стиснула зубы и изо всех сил шлепнула ладонью по

стволу ближайшего дерева. Оно продолжало стоять, совершенно равнодушное к ее выпадку.

– Просто бессловесное дерево.

Она исследовала дыру, из которой выползла.

Свежая рана на аккуратном травяном покрове. Вокруг нее разбросаны куски дерна, скрепленные корневой системой. Сама по себе дыра глубиной всего с полметра; осыпавшиеся стенки заполнили остальное.

– Что-то пыталось съесть меня, – сказала вслух Сирокко. – Что-то съело все органические части моего костюма, все мои волосы, а затем извергло сюда шлаки, в том числе и меня. – Она порадовалась тому, что неизвестное существо классифицировало ее как шлак.

Это было дьявольское животное. Оно было достаточно велико, чтобы перехватить «Властелин Колец», находящийся на орбите, удаленной от него на четыреста километров. Сирокко много времени провела в его брюхе, но по какой-то причине осталась цела. Тварь прорылась через землю сюда и извергла ее.

Но все это не имело никакого объяснения. Существо смогло переварить пластик, так почему она оказалась неудобоваримой? Что, командиры космических кораблей слишком жесткие?

Оно сожрало целиком корабль и двигатели, мелкие осколки стекла и всякие железки, фигуры в космических костюмах с заостренными шлемами...

– Билл! – Сирокко вскочила на ноги, каждая мышца ее тела была напряжена. – Билл! Я здесь! Я жива! Где ты, Билл?

Она обхватила голову. Если бы только прошло помутнение в голове, когда мысли движутся так медленно. Она не забыла о своей команде, но до этого момента не объединяла их со вновь рожденной Сирокко, которая, нагая и безвольная, стояла на теплой земле.

– Билл! – снова закричала она. Она прислушалась, затем у нее подкосились ноги, и она рухнула на землю, судорожно хватая руками траву.

– Надо все обдумать. Предположим, существо обошлось с ним как с другими обломками. Но он был ранен.

Как и она – Сирокко только теперь подумала об этом. Она осмотрела себя, но не нашла даже синяков. Это не говорило ни о чем. Она могла пробыть внутри этого существа и пять лет, и несколько месяцев.

Любой из членов команды мог быть вытолкнут наружу в любой момент. Где-то внизу, примерно на глубине полутора метров, находилось отверстие для выделений этого существа. Если она подождет и если этой твари не понравится вкус человечины вообще, а не только одного человека по имени Сирокко, они опять будут вместе.

Она села на землю и начала дожидаться остальных.

Через полчаса (а может, прошло только десять минут?) она подумала, что это бессмысленно. Животное было *огромно*. Оно сожрало «Властелина Колец», как десерт. Оно,

должно быть, простиралось на изрядное расстояние под поверхностью Фемиды, и вряд ли это отверстие – единственное. Могут существовать и другие, и где они – неизвестно.

Немного погодя она подумала совсем о другом. Это были совершенно заурядные мысли: она хотела пить, она хотела есть, она была вся грязная. Больше всего хотелось пить.

Земля мягко шла под уклон. Сирокко готова была побиться об заклад, что где-то внизу должен быть ручей.

Она встала и толкнула ногой кучу металлических обломков. Их было слишком много, чтобы нести, но этот хлам был ее единственным орудием труда. Она взяла одно из меньших колец, затем подняла большее, которое было когда-то нижней частью ее шлема и до сих пор несло на себе электронные компоненты.

Этого было мало, но за неимением лучшего могло пригодиться.

Она вскинула большое кольцо на плечо и зашагала вниз с холма.

Озеро наполняла горная речка, падавшая с двухметрового уступа и бежавшая потом через небольшую долину. Огромные деревья образовывали над головой свод, полностью закрывая небо. Сирокко стояла на скале над озером, пытаясь определить глубину и размышляя, стоит ли прыгать в воду.

Но пока Сирокко ничего не предпринимала. Вода была чистой, но это ни о чем не говорило – в озере могло находиться что угодно. Она перепрыгнула гребень, образующий

водопад, и короткая прогулка привела ее к песчаному берегу.

Вода была теплой, душистой и пузырящейся – такой вкусной воды Сирокко еще не пробовала. Она напилась, затем присела на корточки и оттерла грязь песком, держась все время настороже. Водные глубины требовали осторожности. Наконец Сирокко почувствовала себя человеком. Она села на влажный песок и позволила себе поболтать ногами в воде.

Вода была холоднее, чем воздух или земля, но все равно удивительно теплая для горной речки. Потом Сирокко поняла, что это имеет смысл, если источник тепла на Фемиде, как они ранее пришли к выводу, находится внизу. На орбите Сатурна Солнце не прогрело бы землю. Но треугольные пластины радиатора находятся сейчас под ней и, по всей видимости, захватывают и сохраняют солнечное тепло. Сирокко представила себе огромные подземные реки горячей воды, протекающие в нескольких сотнях метров под поверхностью земли.

Теперь надо было двигаться вперед, но в каком направлении? Не исключено, что прямо. Идти против течения пришлось бы в гору. Вниз идти легче, и этот путь должен вывести на ровную местность.

– Решай, решай, – бормотала Сирокко.

Она посмотрела на спутанный хлам, который несла с собой. Что сейчас? Полдень? Утро? Здесь время не измерялось таким образом. Возможно было говорить лишь о про-

шедшем времени, но она не имела понятия, сколько времени прошло.

Она все держала в руках кольцо от шлема. Присмотревшись к нему повнимательней, Сирокко нахмурилась.

Когда-то в ее костюме было радио. Конечно, невозможно, чтобы оно осталось неповрежденным, но она все же поискала и нашла крошечную батарейку и остатки выключателя, который стоял на позиции «вкл». Большая часть радиоприемника состояла из кремния и металла, так что надежда была.

Она еще раз осмотрела кольцо. Где репродуктор? Это должен быть маленький металлический динамик, деталь головного телефона. Она нашла его и приложила к уху.

– ...пятьдесят восемь, пятьдесят девять, девяносто три...

– Габи! – Сирокко с криком вскочила на ноги, но знакомый голос продолжал счет, не обратив внимания на ее крик. Сирокко встала на колени и трясущимися пальцами разложила на камне остатки своего шлема, держа репродуктор у уха, одновременно шаря среди деталей. Она нашла булавоочную головку микрофона.

– Габи, Габи, ответь, пожалуйста. Ты слышишь меня?

– ...восемьдесят – Роки! Это ты, Роки?

– Да, это я. Где... где... – она заставила себя успокоиться, сглотнула и продолжала: – С тобой все в порядке? Ты видела остальных?

– О, капитан! Самое ужасное... – Она запнулась, и Сирок-

ко услышала рыдание. Габи извергла бессвязный поток слов: как она рада слышать голос Сирокко, как она была одинока, она была уверена, что единственная осталась в живых, пока не начала слушать радио и не услышала звуки.

– Звуки?

– Да, жив, по крайней мере, еще один человек, если только это плакала не ты.

– Я... Боже, я плакала совсем немного, но это могла быть я.

– Не думаю, – сказала Габи. – Я уверена, что это был Джин. А иногда он пел. Роки, как хорошо слышать твой голос!

– Я тебя понимаю. То же самое испытываю и я.

Сирокко глубоко вздохнула и расслабила пальцы, судорожно сжимавшие кольцо шлема. Габи взяла себя в руки, но Сирокко была на грани истерики. Ей это не нравилось.

– То что *случилось* со мной... – продолжала Габи, – капитан, я была мертва, Господи, я даже не религиозна, но я была...

– Габи, успокойся.

Последовало молчание, прерываемое вздохами.

– Теперь, я думаю, все будет в порядке. Извини.

– Вот и хорошо. Мы прошли через одно и то же, и я тебя понимаю. Ну, а теперь скажи, где ты сейчас находишься?

Последовало молчание, а затем раздалось хихиканье.

– Дело в том, что здесь нет указателей, – сказала Габи. –

Здесь не очень глубокий каньон, полно камней и течет речка. По обе стороны речки смешные деревья.

– Это очень похоже на ту местность, где нахожусь и я. Но что за каньон? – спросила Сирокко. – Куда ты идешь, куда ты отсчитывала шаги?

– Вниз по течению. Если я выйду из леса, я увижу половину Фемиды.

– Я думаю, что то же самое вижу и я.

– Нам просто необходимы вехи, по которым мы смогли бы определить, что находимся недалеко друг от друга.

– Я думаю, мы находимся по соседству, иначе мы не слышали бы друг друга.

Габи ничего не ответила, и Сирокко поняла свою ошибку.

– Хорошо, – сказала она. – Линия видимости.

– Проверим. Эти приемники действуют на достаточном расстоянии. Здесь горизонт изгибается вверх.

– Я скорее поверила бы в это, если бы сама видела. Там, где нахожусь я, справа волшебный лес из мира Диснея поздним вечером.

– Дисней делал вещи и получше, – сказала Габи. – В его лесу было больше деталей, и оттуда внезапно появлялись чудовища.

– Не говори так. Ты видела что-нибудь подобное?

– Пару насекомых. Наверное, это были они.

– Я видела крошечных рыбок. По крайней мере, они были похожи на рыбок. Да, кстати, не заходи в воду, это может

быть опасно.

– Я увидела их, когда уже вышла из воды, но они ничего мне не сделали.

– Проходила ты мимо чего-нибудь примечательного? Чего-нибудь, что выглядело бы необычно?

– Мимо нескольких водопадов, одного-двух поваленных деревьев.

Сирокко огляделась и описала озеро и водопад. Габи сказала, что на ее пути было несколько подобных мест. Возможно, это одно из них, но точно неизвестно.

– Хорошо, – сказала Сирокко. – Тогда мы сделаем вот что. Когда встретишь камень, обращенный лицом против течения, то сделай на нем отметку.

– Каким образом?

– Другим камнем. – Она нашла второй камень и выцарапала на том камне, на котором сидела, большую букву «С». Не было никакого сомнения в искусственном происхождении знака.

– Я сейчас занимаюсь этим.

– Делай отметки приблизительно каждые сто метров. Если мы находимся на одной реке, то один из нас будет идти за другим; и тот, кто идет впереди, подождет следующего.

– Звучит хорошо. Да, Роки, а как долго продержатся эти батарейки?

Сирокко поморщилась и потерла лоб.

– Наверное, с месяц использования. Это зависит от того,

как долго мы... Ты ведь не знаешь, сколько времени мы находились внутри. Я не имею насчет этого ни малейшего понятия, а как ты?

– Нет. У тебя остались какие-нибудь волосы?

– Ни пряди. – Она потеряла рукой голый череп и почувствовала, что кожа на голове уже не такая гладкая. – Но сейчас они уже отрастают, – сказала она.

Сирокко шла вниз по течению, держа на месте репродуктор и микрофон, чтобы они с Габи могли разговаривать.

– Когда я думаю о еде, то хочу есть еще сильнее, – сказала Габи. – А сейчас я думаю как раз о еде. Видела ты маленькие кусты с ягодами?

Сирокко огляделась, но ничего похожего не заметила.

– Ягоды желтого цвета и величиной примерно с фалангу большого пальца. Я сейчас держу в руках одну такую. Она мягкая и полупрозрачная.

– Ты собираешься ее есть?

Последовала пауза, потом Габи сказала:

– Я как раз хотела спросить об этом у тебя.

– Рано или поздно нам все равно придется сделать нечто подобное. Может быть, одной этой ягоды достаточно, чтобы убить тебя.

– Меня просто стошнит, – засмеялась Габи. – Как раз сейчас я надкусила одну. Внутри у нее плотное желе, похожее на мед с мятным привкусом. Она растворилась у меня во рту... ее не стало. Шкурка не такая сладкая, но я ее съем. Она мо-

жет быть питательна.

«Может быть», – подумала Сирокко. Она была довольна, что Габи так детально описала свои вкусовые ощущения, но она знала, зачем это сделано. Так обращались с бомбой со снятым взрывателем. Один стоит в стороне, пока другой по радио объясняет все свои операции. Если бомба взорвется, то оставшийся в живых приобретет некоторый опыт для следующего раза.

Когда они решили, что прошло достаточно времени без каких-либо последствий, Габи принялась есть ягоды. Вскоре Сирокко тоже нашла их. Они были почти такие же вкусные, как и впервые попробованная здесь вода.

– Габи, я валюсь с ног от усталости. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как мы проснулись?

Ответа не последовало, и немного погодя Сирокко опять обратилась к Габи.

– Хм! О, привет! Как я здесь очутилась? – голос звучал так, будто Габи слегка захмелела.

Сирокко нахмурилась.

– Габи, где ты? Что случилось?

– Я на минутку присела, чтобы ноги отдохнули. Я должна поспать.

– Попытайся взбодриться и найти подходящее место для сна.

Сирокко уже оглядывалась. Назревали проблемы. Она не видела никакого укрытия. Сирокко знала, что одна из худ-

ших идей – это лечь спать в одиночестве в незнакомой местности. Хуже только одно – пытаться не спать как можно дольше.

Она углубилась в заросли деревьев и изумилась, насколько мягка трава под ее босыми ногами. Намного лучше, чем камни. Было бы хорошо присесть здесь на минутку...

Она проснулась, быстро села и огляделась. Никакого движения.

Трава на метр во все стороны от того места, где она спала, стала коричневой, как будто выгорела на солнце.

Сирокко встала и посмотрела на большой камень внизу. Она подошла к нему со стороны течения, когда искала место, где можно было бы поспать. Сейчас она обошла вокруг него и на другой стороне увидела большую букву «Г».

Глава 5

Габи настояла на том, чтобы повернуть назад. Сирокко не протестовала; предложение Габи понравилось ей, хотя у самой у нее язык не поворачивался.

Она шла вниз по течению, минуя оставленные Габи знаки. В одном месте, обходя груды валунов, Сирокко увидела на траве серию овальных коричневых пятен. Они были расположены как следы ног. Сирокко встала на колени и потрогала их. Следы были сухие и ломкие, совсем как трава, на которой она спала.

– Я нашла твои следы, – сказала она Габи. – При ходьбе твои ноги касались земли не более секунды, и все-таки что-то в твоём теле убило траву.

– Я видела то же самое, когда проснулась, – сказала Габи. – Что ты думаешь об этом?

– Я думаю, мы выделяем что-то, что отравляет траву. Если это действительно так, то наш запах может не понравиться крупным животным, которые при обычных условиях заинтересовались бы нами.

– Это хорошая новость.

– Но что плохо для нас в этом случае – это то, что мы можем отличаться по биохимическому составу, а это создаст проблемы с питанием.

– Ты придаешь этому слишком большое значение.

– Это ты там впереди?

Сирокко прищурилась, вглядываясь в бледно-желтое пятно. На довольно большом отрезке река текла прямо, не сворачивая, и там, где она начинала изгибаться, стояла крошечная фигурка.

– Да, я, если ты машешь мне руками.

Габи вскрикнула от радости, в крошечных наушниках послышался болезненный звук. Секундой позже Сирокко услышала этот звук опять, теперь он был гораздо слабее. Она улыбнулась, потом почувствовала, как эта улыбка становится все шире и шире. Она не хотела бежать, это выглядело бы как в плохой кинокартине, но все-таки побежала, как, впрочем, и Габи. Они бежали, из-за низкой гравитации делая нелепые длинные прыжки.

Они столкнулись с такой силой, что у обеих на мгновение перехватило дыхание. Сирокко схватила в объятия маленькую Габи и подняла ее над землей.

– П-п-проклятье! Как ты хорошо выглядишь! – закричала Габи.

Одно веко у нее подергивалось, зубы стучали.

– Эй, что ты, успокойся, – уговаривала Сирокко Габи, поглаживая ее обеими руками по спине. Габи улыбалась широкой, трогательной улыбкой.

– Прости, но, кажется, у меня сейчас начнется истерика, разве это не смешно? – И она рассмеялась, но это был подавленный смех, он болезненно резал слух, и скоро Габи начала

дергаться и задыхаться. Она так крепко обхватила Сирокко, что могла сломать ребра. Сирокко неторопливо ослабила ее объятия, опустила с Габи на песок и держала ее, прижав к себе, пока на ее плечо из глаз Габи не закапали огромные слезы облегчения.

Сирокко не была уверена, что не последует новая вспышка. Довольно долго Габи была совершенно безразлична, и казалось вполне естественным держать ее в объятиях, легонько поглаживая, пока она не успокоится. Было также естественно, что Габи начала поглаживать ее в ответ и они плотнее придвинулись друг к другу. Сирокко почувствовала, что начинается что-то противоестественное, когда поняла, что целует Габи и та целует ее в ответ. Она подумала, что может прекратить это, но не хотела, потому что не знала, кому принадлежат слезы, которые она чувствовала на губах, – ей самой или Габи.

И кроме того, это никогда не превратилось бы в настоящее занятие любовью. Они поглаживали друг друга, целовались в губы, и когда наступил оргазм, то, что они делали до того, показалось несущественным. По крайней мере, так она говорила самой себе.

Когда все было кончено, кому-нибудь из них надо было что-нибудь сказать, и о том, что произошло, лучше было не упоминать.

– С тобой уже все в порядке?

Габи молча кивнула в ответ. Глаза ее все еще блестели, но

она улыбалась.

– У-гу. Хотя, наверное, не навсегда. Я просыпаюсь с криком. Я по-настоящему боюсь спать.

– Сейчас я тоже не назвала бы сон своим любимым занятием. Ты знаешь, что выглядишь как самое смешное создание, которое я когда-либо видела?

– Это потому, что у тебя нет зеркала.

Габи, если ее не остановить, могла говорить не один час. Она неохотно отпустила Сирокко. Они направились к менее открытой местности. Под деревьями Сирокко села, привалившись спиной к стволу, и Габи оперлась о нее.

Габи рассказывала о своем путешествии вниз по реке, но тем, к чему она все время возвращалась, от чего не могла избавиться, было то, что она пережила в брюхе животного. Сирокко словно слушала пересказ длинного сна, который имел небольшое сходство с ее собственным, возможно, лишь с некоторым несоответствием в изложении.

– Я несколько раз просыпалась в кромешной тьме, как и ты, – сказала Габи. – Проснувшись, я не могла ни видеть, ни слышать, ни ощущать, мне хотелось выбраться оттуда. Я мысленно возвращалась к своему прошлому. Картина была чрезвычайно яркая. Я... ощущала все виденное.

– То же самое было и со мной, но картины не повторялись, каждый раз это было что-нибудь новое. – Ты все время знала, кто ты есть на самом деле? Что было наихудшим для меня, то это воспоминание, а потом забывание. Я не знаю, сколько

раз это повторялось.

– Да, я всегда знала, кто я, но я очень уставала быть самой собой, если так можно выразиться. Возможности были так *ограничены*.

– Что ты хочешь этим сказать?

Габи нерешительно поднесла руку к уху, как бы пытаясь вынуть что-то оттуда. Затем она закрутилась в руках Сирокко, настойчиво пытаясь посмотреть ей в глаза. Затем положила руки между грудями Сирокко. Сирокко это смутило, но тепло и дружеская близость были слишком приятны, чтобы отказаться от них. Она посмотрела вниз на лысую голову Габи и подавила желание поцеловать ее.

– Я была там двадцать или тридцать лет, – тихо сказала Габи. – И не говори мне, что это невозможно. Я хорошо знаю, что этот промежуток времени – ничто для вселенной. Я не сумасшедшая.

– Я этого не сказала. – Габи начала дрожать. Сирокко погладила ее по плечам. Дрожь утихла.

– Ладно, я не должна была говорить, что я *не* сумасшедшая. Я никогда не была чьим-то ребенком, поэтому никогда раньше не плакала. Извини меня.

– Да ладно, – пробормотала Сирокко. И не солгала. Ей оказалось удивительно легко нашептывать другой женщине в ухо заверения:

– Габи, как бы то ни было, никто из нас не может пройти через это без конвульсий. Я плакала часами. Это может

произойти снова, и если я не смогу справиться, я обращусь к тебе.

– Я помогу, не беспокойся. – Казалось, она расслабилась немного больше.

– Настоящее время не имеет значения, – сказала наконец Габи. – Существует внутреннее время. И по этим часам я находилась внутри много лет. Я восходила к небесам по стеклянной лестнице – я вижу в своем воображении каждую ступеньку, я ощущаю облака, проносящиеся у моих ног и скрипящие о стекло. Это было небо Голливуда, с красным ковром на последних трех или четырех километрах, золотыми воротами, похожими на небоскребы и крылатыми людьми. Ты понимаешь, я верила этому и не верила. Я знала, что все это мне снится, знала, что это смешно, и в конце концов все исчезло.

Она зевнула и тихонько рассмеялась.

– Почему я рассказываю тебе все это?

– Наверное, чтобы избавиться от него. Тебе лучше?

– В некоторой степени.

Какое-то время она молчала, и Сирокко подумала, что Габи уснула. Но это было не так. Она пошевелилась и глубже зарылась в грудь Сирокко.

– У меня было время хорошенько посмотреть на тебя, – сказала она, глотая слова. – Мне это не понравилось. У меня появился вопрос, что мне делать с собой. Это никогда не заботило меня раньше.

– А что с тобой не так? – спросила Сирокко. – Ты мне всегда нравилась.

– Тебе? Я не знаю, почему. Да, в самом деле, я не причиняю никому больших проблем, я могу позаботиться о себе. Но что еще? Что во мне *хорошего*?

– Ты очень хороший работник. Это все, что в действительности мне от тебя требуется. Ты как нельзя лучше подходишь для своей миссии, иначе тебе бы не поручили ее.

– Почему-то это не впечатляет меня, – вздохнула Габи. – Я имею в виду, что, делая что-то хорошее, я бы жертвовала собой. Как я говорила, я исследовала свою душу.

– И что ты решила?

– Единственное, чем я занималась, так это астрономией.

– Габи...

– Это правда. И какого дьявола? Мы никогда не выберемся отсюда, здесь нет звезд, на которые можно было бы смотреть. Так или иначе, мне надо было найти еще какое-нибудь занятие. Это пришло не вдруг. У меня было *достаточно* времени, чтобы изменить свое сознание. Ты знаешь, что у меня на всем свете нет ни одного любовника? Нет даже ни одного друга.

– Я твой друг.

– Нет. Не такой, о каком я говорю. Люди уважают меня за мою работу, мужчины хотят мое тело. Но у меня никогда не было друзей, даже в детстве. Никогда не было никого, перед кем я могла бы открыть сердце.

– Ты слишком строга к себе.

– Надеюсь, что нет. Потому что я собираюсь стать совершенно другим человеком. Я собираюсь рассказать людям, какая я на самом деле. Впервые я могу сделать это, потому что впервые я в действительности познала себя. Я собираюсь любить. Я собираюсь заботиться о людях. И похоже, что это ты. – Габи подняла голову и, улыбаясь, посмотрела на Сирокко.

– Что ты имеешь в виду? – слегка нахмурившись, спросила Сирокко.

– Это смешно, но я поняла это, едва увидела тебя, – Габи опустила голову. – Я люблю тебя.

Какое-то мгновение Сирокко не была в состоянии вымолвить ни слова, потом через силу улыбнулась:

– Эй, голубушка, ты все еще в голливудских небесах. Любви с первого взгляда не бывает, для этого требуется время. Габи?

Сирокко несколько раз пыталась заговорить с ней, но Габи то ли спала, то ли притворялась, что спит. Сирокко уронила голову набок.

– О боже мой!

Глава 6

Кто-то придумал хорошую вещь: вывешивать часы. Борясь со сном, Сирокко спрашивала себя, почему с тех пор, как она попала на Фемиду, она сумела совершить так мало толковых дел. Им надо было приспособливаться к странному безвременью. Они не могли ходить до тех пор, пока не упадут с ног от усталости.

Габи спала, засунув в рот большой палец. Сирокко попыталась встать как можно осторожнее, чтобы не потревожить ее, но это было невозможно. Габи застонала и открыла глаза.

– Ты тоже хочешь есть, как и я? – спросила она Сирокко.

– Трудно сказать.

– Ты думаешь, это ягоды? Наверное, они нехорошие.

– На это нельзя ответить так быстро. Но погляди вон туда, это может быть завтрак.

Габи посмотрела туда, куда указывала Сирокко. У реки пило воду какое-то животное. Когда они глядели на него, животное подняло голову и посмотрело на них. От женщин его отделяло не более двадцати метров. Сирокко напряглась, готовая ко всему. Животное моргнуло и снова опустило голову.

– Шестиногий кенгуру, – сказала Габи, – и без ушей.

Это было беспристрастное описание. Животное покрывала короткая шерсть, у него было две задние ноги, хотя и не

такие большие, как у кенгуру. Четыре передние лапы были поменьше. Шерсть была зеленовато-желтая. С виду у животного не было никаких специальных органов защиты.

– Я хотела бы посмотреть на его зубы. Это сказало бы нам кое о чем.

– Лучше всего будет поскорее убраться отсюда, – сказала Габи. Она вздохнула и пошарила глазами по земле. До того, как Сирокко успела остановить ее, она встала и направилась к животному.

– Габи, оставь, – прошипела Сирокко, стараясь не вспугнуть зверя. Она увидела, что в руках у Габи камень.

Животное снова подняло голову. Его морда при других обстоятельствах показалась бы потешной. На круглой голове не было видно ни ушей, ни носа – только два больших ласковых глаза. Но пасть животного выглядела так, словно оно играло на огромной губной гармошке. Она дважды растянулась у него чуть ли не шире самой головы, словно в широчайшей глупой ухмылке.

Животное оторвало от земли все четыре передние лапы и подпрыгнуло метра на три. Габи подпрыгнула следом за ним, к удивлению Сирокко, так же высоко. Она дважды перевернулась в воздухе и приземлилась на пятую точку. Подбежав к ней, Сирокко попыталась отобрать у нее камень.

– Послушай, Габи, нам не надо этого мяса.

– Успокойся, – процедила Габи сквозь сжатые зубы, – я делаю это не только для себя, для тебя тоже. – Она вырвала

свою руку у Сирокко и помчалась вперед.

Существо сделало два прыжка, добрых восемь-девять метров каждый. Теперь оно стояло спокойно, передние лапы на земле, голова опущена. Оно щипало траву.

Оно выглядело совершенно безмятежным. Габи остановилась в метрах двух от него. Животное, казалось, совершенно не боялось Габи и продолжало пастись, когда подошла Сирокко и стала рядом с Габи.

– Ты думаешь, нам надо...

– Помолчи! – Мгновение Габи колебалась, затем подошла к зверю.

Она подняла руку с камнем и швырнула его в темя животному, сразу же отпрыгнув в сторону.

Животное издало кашляющий звук, зашаталось и упало на бок. Оно дернулось и затихло.

Какое-то время женщины молча смотрели на него, потом Габи подошла к нему и ткнула его ногой. Животное не шевелилось. Тогда она опустилась около него на одно колено. Жертва была с некрупную лань, не больше. Сирокко присела на корточки, уткнувшись локтями в колени и пытаясь сдерживать отвращение. Габи казалась совершенно спокойной.

– Как ты думаешь, оно мертво? – спросила она.

– Похоже на то.

Габи вытерла лоб, затем еще раз хлопнула камнем по голове животного. Потекла алая кровь. Сирокко вздрогнула. Габи отбросила камень и вытерла руки о бедра.

– Вот так. Знаешь, если насобирать сухих веток, я смогу развести огонь.

– Как ты собираешься сделать это?

– Не бери в голову. Просто собирай сучья.

Сирокко уже успела набрать сколько-то валежника, прежде чем у нее возник вопрос, почему Габи начала отдавать ей приказания.

– Да, теория – это хорошо, – сказала Габи угрюмо.

Сирокко опять рванула жилистое красное мясо, крепко приставшее к кости.

Габи уже час потела над куском своего комбинезона и камнем, который, как она надеялась, был кремнем, но не оказался таковым. У них была куча сухих дров, что-то вроде мха и щепки, при изготовлении которых пригодилась полоса металла от шлема Сирокко. У них были все необходимые ингредиенты для костра, за исключением искры.

За этот час мнение Сирокко по поводу совершенного Габи убийства сильно изменилось. К тому времени, как она содрала шкуру и Габи отказалась от попыток развести огонь, она знала, что съест мясо сырым и будет благодарна за это.

– В этом существе нет ничего от хищника, – сказала Сирокко с полным ртом. Мясо оказалось лучше, чем она ожидала, правда, неплохо было бы добавить соли.

– Да, оно действительно вело себя совершенно иначе, – согласилась Габи. Она присела на корточки с другой стороны

от туши, глаза ее блуждали поверх плеча Сирокко. В такой же позе находилась и Сирокко.

– Это может означать, что здесь нет крупных хищников, которые были бы опасны для нас.

Обед затянулся. От нечего делать они внимательно рассматривали тушу. Животное казалось неопытному глазу Сирокко ничем не примечательным. Она жалела, что рядом нет Калвина, который мог бы подсказать ей, в чем она не права. Мясо, шкура, кости и мех были самого обычного цвета и структуры, даже пахли они обычно. Были и органы, которые она не могла определить.

– Шкура могла бы нам пригодиться, – заметила Габи. – Из нее можно сделать одежду.

Сирокко сморщила нос:

– Если ты хочешь носить ее, то вперед. Скоро она будет, наверное, прилично вонять. А кроме того, здесь достаточно тепло, чтобы обходиться вообще без одежды.

Было неразумно бросать большую часть туши животного, но они пришли к выводу, что вынуждены это сделать. Женщины прихватили по мослу, которые собирались использовать в качестве оружия. Сирокко откромсала большой кусок мяса. Габи тем временем сделала из полоски необработанной шкуры пояс и повесила на него связку деталей комбинезона. После этого они с Сирокко двинулись вниз по реке.

Им попадалось много кенгуроподобных существ, они встречались и поодиночке, и группами от трех до шести жи-

вотных. Встречались и другие животные, помельче, которые с дикой скоростью носились по стволам деревьев и успокаивались только на берегу у воды. Ни одно из животных не позволяло приблизиться к себе. Когда древесные животные останавливались, можно было рассмотреть, что у них как будто нет головы. Они казались голубыми пушистыми мячами о шести когтистых лапах и передвигались с одинаковой скоростью в любом направлении, как вверх, так и вниз. Рот у них находился снизу, посередине между лапами.

Окружающая природа начала изменяться. Появились новые животные, новые растения. Сирокко и Габи продолжали брести вперед; сто тысяч шагов приходилось бы на двадцать четыре часа в сутки, но они скоро сбились со счета. Из-за зеленого шатра деревьев свет стал бледно-зеленым. Расступаясь, примитивные деревья давали место сотням различных видов растений – разнообразным цветущим кустарникам, вьющемуся винограду и растениям-паразитам. Единственное, что оставалось неизменным – это продолжающая свой путь река и все так же стремящиеся ввысь деревья Фемиды. На них не хватало табличек с названием и толп туристов вокруг, как в национальном парке секвой.

Кроме того, их перестала окружать мертвая тишина. На протяжении первого дня своего путешествия Сирокко и Габи слышали лишь звук собственных шагов да лязг металлических частей комбинезонов. Теперь же лес наполнился щебетом, отрывистыми звуками и гомоном.

Когда они остановились передохнуть, мясо оказалось еще вкуснее. Сирокко с Габи жадностью поглощали его, сидя спина к спине рядом с искривленным деревом, ствол которого был странно теплым. Кора у него была мягкая, скрученные в узел корни – больше домов. Ветви терялись в невероятном сплетении высоко над головой.

– Готова поклясться, – сказала Сирокко, – что там, в ветвях, гораздо больше жизни, чем здесь, на земле.

– Посмотри вон туда, вверх, – проговорила Габи, – я бы сказала, что кто-то сплел эти виноградные лозы нарочно. Оттуда протекает вода.

– Нам следует обсудить это. Как здесь насчет разумной жизни? Как это выяснить? Это одна из причин, почему я не хотела, чтобы ты убивала то животное.

Габи сосредоточенно жевала.

– Мне надо было сначала спросить тебя?

– Знаю, знаю. Я больше опасалась, что оно обернется и собьет тебя с ног. Но теперь, когда мы знаем, насколько они неагрессивны, нам, наверное, следует попытаться заговорить с одним из них.

– Ты говоришь глупости. У этого существа меньше мозгов, чем у коровы. Ты могла убедиться в этом собственными глазами.

– Наверное, ты права.

– Не наверное, а права. Зато ты права в том, что нам следует быть осторожными. Мне претит мысль, что я ем того, с

кем могла разговаривать. Эй, что это?

Это был даже не звук, а ощущение, что должен быть звук, но его пресекли. Тишину нарушал лишь плеск воды да шум листьев высоко над головой. Затем послышался протяжный стон.

Так мог бы стонать Господь Бог, если бы он терял все, что ему дорого, и если бы у него было горло как органная труба длиной в тысячу километров. Тот, кто издавал этот стон, умудрялся поднимать звук без какого-либо отклонения от нижнего предела слышимости. Звук вынимал душу и давил на глазные яблоки.

Он, казалось, заполнил уже всю вселенную и все же становился громче.

Сирокко подумала, что у нее сейчас лопнет череп. Она смутно сознавала, что Габи обнимает ее. Открыв рот, они изумленно смотрели на сыплющиеся сверху сухие листья. Кувыркаясь и кружась, с вершины дерева падали крошечные животные. Одновременно начала содрогаться земля, словно стремясь взлететь в воздух. Налетел дьявольский порыв ветра и разбилась об огромные суставы дерева, под которым, съежившись, сидели Сирокко и Габи. На них посыпались обломки.

Над их головами раздавался треск, ветер начал проникать вниз, к подножию деревьев. В середину реки вонзился массивный сук, деревья в лесу качались и протестующе скрипели.

Буря достигла плато и продолжала бушевать. Ветер налетал со скоростью не меньше семидесяти километров в час. Сирокко и Габи оставались внизу под защитой огромных корней дерева и оттуда наблюдали бушевавший вокруг ураган. Когда Сирокко обратилась к Габи, она вынуждена была кричать:

– Как ты думаешь, почему ураган налетел так внезапно?

– Не имею понятия, – прокричала в ответ Габи. – Местное нагревание или охлаждение, большие перепады давления. Но это только предположение, я не могу сказать наверняка.

– Думаю, худшее уже позади. Эй, да у тебя стучат зубы!

– Мне уже не страшно. Я просто замерзла.

Холодно было и Сирокко. Температура падала. Всего за несколько минут приятная прохлада превратилась в холод, и сейчас, по предположению Сирокко, температура опускалась ниже нуля. Если добавить к этому сумасшедший ветер, то было не до смеха. Они прижались друг у дружке, но теплее от этого не стало.

– Нам надо найти какое-нибудь укрытие! – прокричала она Габи.

– Да, но каким образом?

Ни одна из них не хотела покидать маленькое убежище под корнями огромного дерева. Они пытались прикрыть друг друга сухими листьями, но их тотчас сдувало.

Когда они уже уверились, что замерзнут до смерти, ветер

внезапно прекратился. Он не притих; он совершенно затих. У Сирокко заложило уши. Она ничего не слышала, пока не зевнула.

– Вот это да! Я слышала, что происходит при перепадах давления, но ничего подобного и представить не могла.

Лес опять стоял совершенно спокойный. Но, прислушавшись, Сирокко услышала замирающий отзвук завывания ветра. Это заставило ее вздрогнуть, как от холода. Она никогда не считала себя впечатлительной, но этот стон-вой звучал так по-человечески, что вызывал у нее желание лечь и умереть.

– Не спи, Роки, нас ожидает еще кое-что.

– Что там еще? – Сирокко открыла глаза и увидела красивый белый порошок, плывущий в воздухе. Он вспыхивал в бледном свете.

– Я бы назвала это снегом.

Они пошли как можно быстрее, чтобы не дать окончательно онеметь ногам. Сирокко понимала, что лишь тихая погода может спасти их. Было холодно; даже земля стала холодной. Сирокко почувствовала оцепенение. Это невозможно. Она капитан космического корабля; неужели ей суждено погибнуть, бредя обнаженной сквозь снежную бурю?

Но снег был мимолетным. Местами он достиг глубины нескольких сантиметров, но затем снизу пошло тепло, и он быстро растаял. Вскоре согрелся и воздух. Почувствовав, что опасность миновала, Сирокко и Габи нашли на земле ме-

стечко потеплее и уснули.

Когда они проснулись, от оставшегося мяса исходил не совсем приятный запах, как, впрочем, и от пояса Габи. Они выбросили мясо, помылись в реке. Затем Габи убила другое животное, похожее на кенгуру – они стали называть этих зверей «улыбчивыми».

После завтрака они почувствовали себя гораздо лучше, тем более что женщины дополнили его фруктами, которых кругом было в изобилии. Сирокко особенно понравился один – выглядел он как бугристая груша, но мякотью походил на дыню. На вкус же фрукт был острый, как чеддер.

Они были готовы идти вперед целый день, но обернулось по-иному. Их проводник, река, исчезла в большой дыре у основания холма.

Сирокко и Габи стояли на краю дыры и смотрели вниз. Там булькало, как в стоке ванны, через длинные интервалы времени раздавались всасывающие звуки, сопровождаемые утробной отрыжкой. Сирокко все это не понравилось, и она отошла подальше от края.

– Может быть, я сошла с ума, – сказала она, – но не здесь ли пьет воду существо, которое в свое время проглотило нас?

– Все может быть. Но я не собираюсь нырять туда, чтобы выяснить это. Ну, так что мы будем делать?

– Если бы я знала...

– Мы можем вернуться к тому месту, откуда пришли, и

ждать там.

Но, по всей видимости, Габи не вдохновляла эта идея.

– Проклятье! Я была уверена, что отойдя подальше, мы найдем место, чтобы оглядеться. Как ты думаешь, на Фемиде есть только одна большая лесная река?

Габи пожала плечами:

– Мне явно не хватает информации.

Сирокко задумалась. Похоже, Габи ожидала, что она примет решение.

– Ладно. Во-первых, нам нужно взобраться на этот холм и оглядеться. Если не увидим ничего стоящего, надо попытаться влезть на одно из деревьев. Может быть, нам удастся залезть достаточно высоко, чтобы увидеть что-нибудь. Как ты думаешь, сумеем?

Габи изучающе посмотрела на ствол дерева.

– Уверена, что это весьма опасно. Нет никакой гарантии, что мы не свернем шеи.

– Я знаю. Пойдем на холм.

Холм был круче тех, которые встречались им до сих пор. Кое-где им приходилось взбираться на четвереньках. Габи, как более опытная в скалолазании, шла впереди. Она была проворна, гораздо шустрее, чем Сирокко, и более гибкая. Вскоре Сирокко начала ощущать каждый месяц разницы в их возрасте.

– Черт побери! Посмотри сюда!

– Что там такое? – Сирокко шла в нескольких метрах по-

зади Габи. Подняв голову, она увидела лишь ноги и ягодицы Габи.

«Странное дело, – подумала Сирокко, – я видела обнаженными всю мужскую часть команды, но надо было попасть на Фемиду, чтобы увидеть голый зад Габи». Обнаженная безволосая Габи казалась странным созданием.

– Мы нашли сцену обзора, – сказала Габи. Она обернулась и подала Сирокко руку.

На гребне холма росли деревья, за ними разверзлась пропасть. Ее глубина значительно превышала высоту деревьев. Хотя они росли очень густо и были переплетены виноградом, ни одно из них не было выше десяти метров.

Сирокко хотела взобраться на холм, чтобы посмотреть, что находится на другой стороне. Теперь она знала это. Холм не имел другой стороны.

Габи стояла в нескольких метрах от края обрыва. С каждым шагом перед Сирокко все больше открывалось зияющее пространство, но и подойдя к Габи, она не могла увидеть дна пропасти, оставалось лишь догадываться о ее глубине. Она измерялась в километрах. Сирокко замутило.

Они стояли у естественного окна, образованного двадцатиметровой брешью между деревьями. Впереди не было ничего, кроме двухсоткилометрового пространства.

Сирокко и Габи стояли у кромки обрыва, оглядывая пространства Фемиды. Прямо была тонкая полоска тени – возможно, такая же скала, как и та, на которой они стояли. Над

полоской виднелась зеленая земля. Зелень постепенно блекла, переходя в белый, затем в серый цвет по мере того, как взгляд Сирокко блуждал от склона к полупрозрачному пространству, и превращалась наконец в сверкающий желтый.

Ее взгляд опять скользнул по удаленному изгибу скалы. Внизу поверхность ее была зеленее, обнимающие ее белые облака поднимались выше головы Сирокко. Как если бы она стояла на земной горной вершине – кроме одного. Земля казалась плоской, лишь пока она не смотрела влево или вправо.

Она накренилась. Сирокко сглотнула и, изгибаясь, вытянула шею, пытаясь придать земле горизонтальный вид, отказываясь верить, что вдали земля становилась выше, не поднимаясь.

Сирокко задыхалась и хваталась за воздух, затем опустилась на четвереньки. Так она чувствовала себя увереннее. Она подползла к краю и посмотрела налево. Над той стороной, которую она изучала, нависал затемненный участок. В ночи мерцало темное море, море, которое непонятно как оставалось в пределах своих берегов, разливаясь в ее сторону. По другую сторону от моря исчезло вдали другое световое пространство подобное тому, которое находилось впереди нее; видимость пересекала крыша – казалось, она вспухла навстречу земле. Сирокко понимала, что это оптический обман; крыша должна была казаться такой высоты только с того места, где она стояла.

Сирокко и Габи находились на границе постоянного дня. Справа над поверхностью земли начал появляться подернутый дымкой терминатор, он не был так резко и отчетливо очерчен, как терминатор планет. Он был шириной, как прикинула Сирокко, примерно тридцать-сорок километров. За пределами этой зоны царила ночь, но она не была непроглядной. В этой ночи находилось огромное море, оно было вдвое больше того, которое лежало в другой стороне. Море было таким ярким, будто его освещал яркий лунный свет, оно искрилось, как бриллиантовое.

– Не отсюда ли пришел ветер? – спросила Габи.

– Да, если только мы не вышли к излучине реки.

– Я не думаю. По мне, это похоже на лед.

Сирокко согласилась с ней. При входе в узкий залив лед ломался, в конечном итоге прилив превращался в реку, которая впадала в другое море. Местность была гористой, неровной, как гладильная доска. Сирокко не понимала, как река прокладывает свой путь через горы, чтобы слиться с морем по другую сторону хребта. В конце концов она решила, что ее вводит в заблуждение перспектива. Вода не может течь в гору даже на Фемиде.

За зоной льдов находилась зона дня, она была еще ярче и золотистой, чем та, которую Сирокко видала до сих пор. Она была похожа на пески пустыни. Чтобы добраться туда, надо было преодолеть замерзшее море.

– Три дня и две ночи, – сказала Габи, – это явно выходит за

пределы теории. Я говорила, что мы могли бы увидеть почти половину поверхности Фемиды, но такого я не ожидала.

Сирокко проследила за пальцем Габи, указывавшим на серию чего-то, что выглядело как канаты, которые брали начало на земле и под углом поднимались к крыше. Три каната находились на одной линии прямо напротив Сирокко и Габи, ближайший почти скрывал два остальных. Сирокко видела их раньше, но не обратила на них внимания, так как не поняла, что это такое. Теперь она рассмотрела их поближе и нахмурилась. Они были подавляюще огромны, как и многое на Фемиде.

По ближайшему канату можно было судить об остальных. Он находился километрах в пятидесяти, но было видно, что он состоит из по крайней мере сотни прядей, сплетенных вместе. Каждая прядь была толщиной двести или триста метров. Остальных деталей с такого расстояния видно не было.

Все три каната в ряду поднимались над морем километров на сто пятьдесят, если не выше, пока не соединялись с крышей в точке, где, как догадывалась Сирокко, должна была находиться одна из спиц, видимая изнутри. Это был конусообразный раструб, похожий на колокол трубы, который, расширяясь, превращался в крышу, и сторонами обода колеса. Приблизительно в пятистах километрах от колокола видны были еще канаты.

Слева от Сирокко тоже были канаты, но они поднимались вертикально к арочному потолку и исчезали, проходя сквозь

него. На некотором расстоянии от них находились и другие рамы канатов, которые под углом поднимались к отверстию, где находилась спица, не видимому Сирокко с того места, где она стояла.

В тех местах, где канаты соединялись с землей, они подтягивали ее к широкому горному основанию.

– Похожи на растяжки подвесного моста, – сказала Сирокко.

– Точно. И вот что я думаю. Здесь не нужны опорные столбы. Канаты, должно быть, закреплены в центре. Фемида – циркулярный подвесной мост.

Сирокко вытянула шею и посмотрела вниз на удаленную не менее чем на два километра землю.

Скала была почти отвесна, становясь более пологой лишь около дна.

– Тебе не приходило в голову спуститься вниз? – спросила Габи.

– Приходило, но мне становится не по себе при мысли об этом. Да и чем там лучше, чем здесь? Тем более что мы убедились – здесь можно жить.

Сирокко замолчала. Что же им делать дальше?

Можно, конечно, попытаться обеспечить себе сносное существование, если под этим понимать хижину из прутьев и диету из сырого мяса и фруктов. Но она сойдет с ума через месяц...

А земля внизу была прекрасна. Среди невероятно крутых

гор как самоцветы сверкали озера. Были видны волнующиеся луга, густые леса. Далеко на востоке нависало полуночное море. Было не ясно, какие опасности таит в себе эта земля, но она манила Сирокко.

– Мы можем спуститься по лозам, – сказала Габи, указывая в сторону возможного спуска.

Скалу покрывала растительность. Из обнаженной горной породы, крепко цепляясь корнями за камни, росли массивные деревья. Собственно поверхность скалы была видна лишь небольшими заплатами. Но даже они смотрелись совсем неплохо – базальтовые образования в форме столбиков с широкими шестиугольными платформами там, где столбики внезапно обрывались.

– Можем, – сказала наконец Сирокко, – хотя это будет трудно и опасно. Нужно хорошо подумать, прежде чем предпринимать такую попытку. – Она осознала, что ее влечет туда нечто большее, чем неопределенное желание.

– К дьяволу! Я тоже не хочу торчать здесь наверху, – с усмешкой сказала Габи.

– Следовательно, волнения позади, – раздался позади них спокойный голос.

Сирокко напряглась. Прикусив губу, она медленно отодвигалась от края пропасти, пока не очутилась на безопасном расстоянии.

– Привет. Я жду вас.

На ветке дерева метрах в трех над землей, болтая голыми

ногами, сидел Калвин Грин.

Глава 7

После того, как Сирокко более-менее успокоилась, они сели в кружок, и Калвин начал рассказывать.

– Я вылез из дыры недалеко от того места, где исчезает река, – рассказывал он. – Это произошло семь дней тому назад, вас я услышал на второй день.

– Но почему ты не позвал нас? – спросила Сирокко.

Калвин поднял остатки своего шлема.

– Потерялся микрофон, – объяснил он, распутывая оборванные провода. – Я вас слышал, но не мог ничего передать. Я ждал, питался фруктами – я просто не мог убить ни одного животного, – он растопырил широкие ладони и пожал плечами.

– Как ты определил, где нас ждать? – спросила Габи.

– У меня не было уверенности.

– Великолепно, – сказала Сирокко и, хлопнув ладонью по ноге, засмеялась. – Великолепно, все это, как в сказке. Надеюсь кого-нибудь найти, мы не надеялись, что это будешь ты. Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ведь так, Габи?

– А? О, конечно, это грандиозно.

– Я тоже рад вас видеть. Я слушал вас пять дней. Оказывается, это так приятно – слышать знакомые голоса.

– Это в самом деле продолжалось так долго?

Калвин похлопал себя по запястью, где были часы.

– Они до сих пор показывают точное время, – сказал он. –

Когда мы вернемся назад, напишу на завод письмо.

– Я бы высказала благодарность изготовителям ремешка.

Он был металлический, а мой кожаный.

Калвин пожал плечами.

– Я помню. Его стоимость больше, чем моя месячная зарплата интерна.

– И все равно кажется, что прошло слишком много времени. Мы спали всего три раза.

– Я знаю. Билл и Август испытывают те же трудности при определении времени.

– Билл и Август живы? – вскинула на него взгляд Сирокко.

– Да, я слышал их. Они внизу, на дне. Могу указать место. У Билла, как и у вас, сохранился приемопередатчик. У Августа цел только приемник. Билл описал бросающиеся в глаза вехи, по которым его можно найти. Он сидит там уже два дня, и Август довольно быстро нашла его. Сейчас он регулярно посылает позывные. А Август только спрашивает об Апрель и плачет.

– Боже, – выдохнула Сирокко, – я так и предполагала, что она будет так себя вести. Ты не представляешь, где могут быть Апрель или Джин?

– Я думаю, что однажды слышал Джина – он плакал, как уже говорила Габи.

Сирокко задумалась, нахмурившись.

– Но почему Билл не слышит нас? Ведь наши передатчики работают на одном канале.

– Может быть, дело в помехах окружающей местности, – сказал Калвин. – Вас отделяла скала. Только я слышал обе группы, но ничего не мог поделаться без передатчика.

– Следовательно, теперь он должен слышать нас, если...

– Не волнуйся. Сейчас они спят и не слышат тебя. Эти наушники жужжат не громче комара. Они должны проснуться через пять или шесть часов.

Калвин перевел взгляд с одной на другую.

– Люди, а нам ведь тоже не мешает поспать, вы шли двадцать пять часов.

Сирокко легко поверила ему. Несмотря на возбуждение, у нее слипались глаза. Но она еще крепилась.

– А как же ты, Калвин? Тебя ничего не беспокоит?

– Беспокоит? – переспросил Калвин, приподняв бровь.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Я не говорю об этом. Никогда, – сказал он, и у него, казалось, перехватило дыхание.

Сирокко не настаивала. Калвин казался спокойным, он как будто примирился с чем-то.

Габи встала и, потянувшись, зевнула во весь рот.

– Я за то, чтобы поспать, – сказала она. – Где мы ляжем, Роки?

Калвин тоже поднялся на ноги.

– У меня есть одно место, – сказал он. – Это здесь, на дереве, вы обе поместитесь. Я не буду ложиться, послушаю Билла.

Это было птичье гнездо, сплетенное из виноградной лозы. Калвин устлал его чем-то вроде перьев. Там было полно места, но Габи предпочла лежать поближе друг к другу, как они делали до этого. Сирокко заколебалась, но потом решила, что это не имеет значения.

– Роки?

– Что?

– Я хочу, чтобы ты была внимательна к нему.

– М-м-м? К Калвину? – сквозь сон пробормотала Сирокко.

– С ним что-то случилось.

Сирокко посмотрела на Габи покрасневшими глазами.

– Давай спать, Габи, ладно? – она вытянулась и похлопала Габи по ноге.

– Просто будь осторожнее, – пробормотала Габи.

«Если бы был хоть какой-нибудь признак утра, – зевая, подумала Сирокко, – вставать было бы гораздо легче. Что-нибудь вроде кукарекающего петуха или поднимающегося из-за склона солнца».

Габи все еще спала рядом с нею. Сирокко вылезла из гнезда и встала на широкой ветви дерева.

Калвина нигде не было видно. Завтрак находился на рас-

стоянии вытянутой руки: пурпурные плоды размером с ананас. Сирокко сорвала один и съела его вместе с кожурой. Она начала карабкаться вверх. Это оказалось неожиданно легко – она поднималась как по лестнице. Взбираться по этому дереву было одно удовольствие, ничего подобного она не испытывала лет с одиннадцати. За наросты на бугристой коре было удобно держаться. Сирокко добавила еще несколько царапин к имеющимся, но это была невысокая цена, и она охотно платила ее.

Впервые за все время пребывания на Фемиде она чувствовала себя счастливой. Встречу с Габи и Калвином она не считала, так как та радость граничила с истерией. Сейчас же это было просто ощущение радости.

Она никогда не была угрюмой личностью. У нее были хорошие минуты на «Властелине Колец», но это не было полной радостью. Пытаясь воссоздать то время, когда она испытывала всеобъемлющее счастье, она пришла к выводу, что это была вечеринка, во время которой она узнала, что после семи лет испытаний у нее есть команда. Сирокко улыбнулась при этом воспоминании; это была очень хорошая вечеринка.

Но вскоре она отогнала все мысли и позволила своей душе парить в свободном полете. Она не чувствовала своего тела. Взбираясь обнаженная на дерево, Сирокко испытывала ошеломляющее ощущение свободы. До сих пор нагота доставляла ей чувство досады и опасности, теперь же она наслаждалась ею. Она ощущала под пальцами грубую кору дерева и

гибкие ветви. Ей хотелось закричать по-тарзаньи.

Добравшись до вершины, она услышала звук, которого раньше не было. Это был повторяющийся треск, исходящий из точки где-то за желто-зелеными листьями. Это было впереди нее, несколькими метрами ниже. Она спустилась на горизонтальный сук и осторожно поползла в сторону от ствола.

Перед ней была серо-голубая стена. Она не имела понятия, что это. Треск слышался опять, теперь он стал громче и раздавался немного выше. Впереди передвинулся пучок сломанных веток и исчез. Затем неожиданно появился глаз.

– Ой! – завизжала Сирокко. Она не помнила как отскочила метра на три, глядя на приковывающий к месту чудовищный глаз. Он был величиной с обхват ее рук, он влажно поблескивал и был удивительно человеческим.

Он моргал.

Со всех сторон, как в отверстии кинокамеры, его окружала сокращающаяся тонкая пленка, затем опять слышался треск, такой же частый, как моргание.

Не чувствуя, как она расцарапывает колени, Сирокко бросилась вниз, не переставая громко вопить. Проснулась Габи. В руках у нее была бедренная кость убитого животного, и она была готова ее использовать.

– Вниз, вниз! – отчаянно кричала Сирокко. – Там, наверху, что-то такое... Ему это дерево – как нам зубочистка!

Она преодолела последние метры, прыгнула на землю на все четыре точки опоры, вскочила и помчалась прочь от де-

рева. Но тут она натолкнулась на Калвина.

– Ты что, не слышишь? Нам надо побыстрее убираться. Там это существо...

– Знаю, знаю. – Калвин успокаивающе выставил вперед ладони. – Нет никаких причин беспокоиться. Я просто не успел рассказать вам о нем раньше.

Сирокко чувствовала себя так, словно из нее вдруг выпустили воздух, но она далеко не успокоилась. Было ужасно пережить такое нервное потрясение и не получить никакой разрядки. Ногам хотелось бежать. Вместо этого она набросилась на Калвина.

– Ты, дерьмо! *Не успел* рассказать о существе, подобном *этому*? Что это такое и что ты о нем знаешь?

– Это способ покинуть скалу, – ответил Калвин. – Оно называется... – он сложил губы трубочкой и просвистел три отчетливые ноты с трелью в конце, – это трудно объяснить. Я назвал его «цеппелин».

– Ты назвал его «цеппелин»? – заторможенно повторила Сирокко.

– Это ему подходит. Он похож на дирижабль.

– Дирижабль?

Он странно взглянул на нее, и она показала в усмешке зубы.

– Он похож на дирижабль, но это не дирижабль, потому что у него нет твердого скелета. Я позову его, и ты увидишь.

Калвин вставил в рот два пальца и протяжно засвистел,

выводя сложную мелодию со странными музыкальными интервалами.

– Он зовет его, – сказала Сирокко.

– Я слышу, – ответила Габи. – С тобой все в порядке?

– Да, но я, наверное, поседею.

В ответ на призыв Калвина сверху раздалась серия трелей, но на протяжении нескольких минут все оставалось по-прежнему, никто не появлялся. Они ждали.

Цеппелин появился слева. Он был на расстоянии трехсот-четырехсот метров от поверхности скалы, летя параллельно ей, но даже с такого расстояния они видели лишь часть его. Он казался сплошной серо-голубой завесой, опущенной перед их взорами. Затем Сирокко увидела глаз. Калвин засвистел еще раз и глаз завращался, очевидно, разыскивая их. Калвин оглянулся через плечо на Сирокко и Габи:

– У него не слишком хорошее зрение. Поэтому я не стою на его пути. Как будто в соседнем графстве.

– Это не очень-то далеко, – со страхом сказала Габи. Этот осел может очутиться и в соседнем графстве.

Передняя часть существа исчезла, а оно продолжало парить, и парить, и парить... Казалось, ему не будет конца.

– Куда он собирается? – спросила Сирокко.

– Ему нужно время, чтобы остановиться, – пояснил Калвин. – Довольно скоро все будет в порядке.

Сирокко и Габи присоединились к Калвину, стоящему на краю утеса. Полная длина цеппелина составляла примерно

километр. Для полного сходства с увеличенным германским воздушным кораблем «Гинденбург» не хватало только свастики на корме.

– Нет, – подумала Сирокко, – этого не может быть. – Она была энтузиастом дирижаблестроения, активным участником проекта НАСА по строительству дирижабля почти таких же размеров, как цеппелин. Работая над проектом, она убедилась, что замысел LZ-129 вполне хорош.

Однако формой – удлиненный сигарообразный корпус, тупой нос, суживающаяся корма, слегка, пожалуй, сдвинутая к корме гондола – сходство с «Гинденбургом» исчерпывалось. Гладкой поверхностью цеппелин напоминал скорее старые дирижабли Гудериана. Серо-голубой, слегка маслянистый корпус радужно переливался.

И «Гинденбург» был без щетины. У цеппелина она была. Щетина тянулась вдоль середины брюха, становясь гуще и длиннее к середине корабля и постепенно сходя на нет к краям. Посредине брюха был нарост, с него свисал изящный завиток.

Еще у цеппелина были плавники и хвост. Вместо четырех перьев в хвосте цеппелина было лишь три: два горизонтальных и одно вертикальное – очевидно, рули поворота и высоты. Сирокко видела, как они изгибаются, когда чудовищное существо разворачивало к ним нос, одновременно подаваясь назад. Тонкие и прозрачные плавники были похожи на крылья летательного аппарата О'Нейла.

– Ты... ты разговариваешь с этим существом? – спросила Габи.

– Довольно свободно, – с улыбкой ответил Калвин. Сирокко еще не видела его таким счастливым.

– Этот язык легко выучить?

– Нет, – нахмурившись ответил Калвин, – я не думаю, что у тебя это получится.

– Как долго ты находился здесь? Дней семь?

– Я говорю тебе, что знаю, как разговаривать с ним. Я много о нем знаю.

– Ну так как ты узнал все это?

Казалось, вопрос обеспокоил его.

– Я проснулся, зная все это.

– Повтори.

– Я просто *знаю*. Когда я впервые увидел его, я уже все о нем знал. Когда он заговорил, я понял. Все произошло просто.

Но это было далеко не просто, Сирокко была в этом уверена. Но, по всей видимости, Калвин не хотел, чтобы на него давили.

Выбрав правильную позицию – на что ушел почти час – цеппелин стал потихоньку двигаться вперед, пока не оказался вплотную к скале. Во время этой операции Габи и Сирокко отодвинулись подальше. Они чувствовали себя лучше, когда видели его пасть. Это была прорезь в метр шириной, Смехотворно малая для такого существа, она нахо-

дилась метров на двадцать ниже уровня глаз. Под линией рта располагалось еще одно отверстие: сфинктерная мышца¹, действующая во время свиста как клапан.

Изо рта существа высунулся длинный негнувшийся предмет и уперся в землю.

– Пошли, – сказал Калвин, приглашающе махнув рукой, – поднимайтесь на борт.

Ни Габи, ни Сирокко не двинулись с места, они лишь изумленно смотрели на Калвина. Мгновение он выглядел раздраженным, но затем опять улыбнулся.

– Я понимаю, вам трудно поверить, но это правда. Я в самом деле много знаю об этих существах. Я уже катался на них. Они вполне доброжелательные; во всяком случае, он доставит нас куда нам надо. И это *безопасно*, они совершенно безвредные, питаются только растительной пищей и то в крайне малом количестве.

Калвин поставил ногу на длинный трап и направился ко входу.

– По чему это ты идешь? – спросила Габи. – Я подозреваю, что это его язык.

Она засмеялась, но смех звучал глухо и перешел в кашель.

– Не слишком ли это... я имею в виду... Господи! Калвин! Ты стоишь на языке этого проклятого существа и предлагаешь мне подняться по нему в пасть! Я полагаю, что затем...

---

¹ *Сфинктер* – круговая мышца, суживающая или замыкающая при сокращении наружное (например ротовое) отверстие.

можно назвать это глоткой? А за глоткой находится что-то, что является не совсем желудком, но предназначено для тех же целей. Там будут соки, которые будут омывать нас, но ты и для этого найдешь прекрасное, гладкое объяснение!

– Габи, честное слово, это так же безопасно, как...

– Нет уж, благодарю покорно! – закричала Габи. – Может быть, я и была у моей мамы Плоджит самой тупой дочерью, но никто еще не сказал, что я настолько глупа, что сама полезу в *пасть* этого дьявольского чудища! Боже! Да ты представляешь, *что ты предлагаешь!* За время путешествия меня уже однажды проглотили живьем и я совершенно не жажду повторения этой процедуры!

Она продолжала кричать, тело ее содрогалось, лицо покраснело. Сирокко была согласна со всем сказанным Габи на довольно высоком эмоциональном уровне. Тем не менее, она ступила на язык. Он был теплый, но сухой. Сирокко обернулась и протянула руку:

– Пойдем, коллега. Я верю ему.

Габи перестала трястись и ошеломленно посмотрела на Сирокко:

– Ты же не бросишь меня здесь одну?

– Нет, конечно. Ты отправишься с нами. Нам надо спуститься вниз, к Биллу и Август. Пойдем, я не сомневаюсь в твоей отваге.

– Это нечестно, – захныкала Габи. – Я не трусиха. Вы просто не можете просить меня об *этом*.

– Я *прошу* тебя. Есть только один способ справиться со страхом – это посмотреть ему в лицо. Пошли внутрь.

Габи еще долго не решалась, потом расправила плечи и пошла навстречу экзекуции.

– Я делаю это только ради тебя, – сказала она Сирокко, – потому что я люблю тебя. Я хочу быть вместе с тобой, куда бы ты ни пошла, даже если это означает, что мы должны умереть вместе.

Калвин странно взглянул на Габи, но ничего не сказал. Они вошли в рот существа и очутились в узкой полупрозрачной трубе с тонкими стенками, окруженной разреженным воздухом. Идти пришлось долго.

В середине корабля находился большой мешок, который они видели снаружи. Он был из плотного прозрачного материала, сто метров в длину и тридцать в ширину, с дном, покрытым измельченными ветками и листьями. Внутри находились животные: несколько улыбчивых, куча всякой мелкой живности, тысячи крошечных созданий с гладкой кожей, размером меньше землеройки. Как и все остальные животные Фемиды, они не обращали на людей ни малейшего внимания.

Посмотрев сквозь прозрачную стенку, они обнаружили, что находятся уже довольно далеко от скалы.

– Если это не желудок цеппелина, то что это? – спросила Сирокко.

Калвин выглядел озадаченным.

– Я никогда и не говорил, что это не желудок. Мы стоим на его пище.

Габи застонала и попыталась убежать по тому пути, по которому они пришли. Сирокко схватила ее и посадила рядом с собой.

Она вопросительно посмотрела на Калвина.

– Все в порядке, – сказал он. – Он может переваривать пищу только с помощью этих мелких животных. Он поедает их конечный продукт. Его пищеварительные соки не могут переварить ничего, кроме слабого чая.

– Слышишь, Габи? – прошептала ей на ухо Сирокко. – Все будет в порядке, успокойся, моя хорошая.

– Я с-с-слышу. Не сердитесь на меня, я испугалась.

– Я знаю. Давай, встань и посмотри вокруг. Это поможет тебе успокоиться.

Она помогла девушке подняться, и они неуклюже двинулись к прозрачной стене желудка. Ходьба здесь походила на ходьбу по трамплину. Габи прислонила нос и руки к прозрачной стене желудка-корзины и, всхлипывая, прикипела взглядом к пространству. Сирокко оставила ее одну и подошла к Калвину.

– Ты должен быть внимательнее по отношению к ней, – сказала Сирокко. – Время, проведенное в темноте, повлияло на нее сильнее, чем на нас. – Она прищурилась и изучающе посмотрела в лицо Калвина: – Правда, я не знаю, как обстоят дела у тебя.

– Со мной все в порядке, – сказал Калвин. – Но я не хочу говорить о моей жизни до моего второго рождения. С этим покончено.

– Это смешно, но Габи сказала мне то же самое. Я этого не чувствую.

Калвин пожал плечами – ему просто было неинтересно продолжать этот разговор.

– Ладно, – сказала Сирокко, – но я была бы тебе очень благодарна, если бы ты рассказал мне, что знаешь. Меня не интересует, как ты узнал это, если не хочешь – не говори.

Подумав, Калвин кивнул.

– Я не смогу быстро обучить тебя их языку. Это, в основном, модуляция и ее продолжительность, и я говорю только на смешанной версии, основанной на низких тонах, которые я могу слышать. Цеппелины бывают разных размеров – от десяти метров до слегка больших, чем этот. Они часто путешествуют стаями. Это животное сопровождают другие, более мелкие – их не было видно за этим. Вон некоторые из них, – Калвин указал на прозрачную стену, за которой летело еще шесть двадцатиметровых цеппелинов. Они толкались, пробивая себе дорогу, похожие на неуклюжих рыб. Сирокко был слышен пронзительный свист.

– Они дружелюбны и вполне разумны. Естественных врагов у них нет. Они генерируют водород и держат его под слабым давлением, а для балласта носят воду. Когда они хотят приземлиться, то выпускают водород, когда хотят под-

няться – сбрасывают воду. Кожа у них плотная, но если она прорвется, то они обычно погибают. Они не слишком маневренны, у них неважное управление, поэтому они долго готовятся, прежде чем отправиться в полет. Иногда они попадают в огневые ловушки, и если вовремя не выберутся, то взрываются как бомбы.

– А как насчет этих животных, которые находятся здесь? – спросила Сирокко. – Что, они все нужны, чтобы переваривать его пищу?

– Нет, только маленькие желтые существа. Они питаются тем, что приготовит для них цеппелин. Больше они нигде не встречаются, кроме как в желудке дирижабля. Остальные здесь вроде нас – путешественники или пассажиры.

– До меня не доходит. Зачем это цеппелину?

– Это симбиоз, комбинированный с разумным собственным выбором. Он делает то, что ему нравится. Кроме него, есть и другие виды живых существ, например, титаниды. Он помогает им, а они...

– Титаниды?

Калвин неопределенно улыбнулся и вытянул руки:

– Этим словом я заменил свист, которым они выражают это название. Я довольно смутно их себе представляю и детально описать не могу. Я только пришел к выводу, что у них по шесть ног и что это все женские особи. Я назвал их титанидами – так в греческой мифологии называли женщин титанов. Я многое назвал.

– Например?

– Районы местности, реки, горные цепи. Набрал названий в мифологии о титанах.

– Что... да, теперь я вспоминаю. – Хобби Калвина была мифология. – А кто были эти титаны?

– Сыновья и дочери Урана и Геи. Гея возникла из хаоса. Она дала жизнь Урану, создав его по своему подобию. Они произвели на свет титанов – шестерых мужчин и шестерых женщин. Я назвал дни и ночи их именами.

– Если ты назвал все ночи женскими именами, то я думаю придумать им собственные названия.

Калвин улыбнулся:

– Ничего подобного. Это происходило в основном наугад. Оглянись на замерзший океан. Он выглядит так, как должен был выглядеть бог Океан, так я его и назвал. Земля, над которой мы сейчас находимся над Гиперионом, а эта ночь впереди нас, с горами и нестандартным морем – Рея. Если встать лицом к Рее и спиной к Гипериону, то север будет по левую сторону, а юг – по правую. В конце концов, как ты понимаешь, ходя по кругу, я не видел большую часть остальной территории дней и ночей, но я знаю, что они есть, и я назвал их тоже – Криус, сейчас его видно, затем вокруг изгиба – Феба, Тефия, Мефис, Диона, Япет, Кронос и Мнемозина. Мнемозина видна по другую сторону Океана, это позади нас. Она похожа на пустыню.

Сирокко пыталась связать все в своей голове воедино.

– Я никогда не запомню всего этого.

– Сейчас для нас имеют значение только Океан, Гиперион и Рея. На самом деле не все эти имена принадлежат титанам. Какой-то из Титанов был Фемидой, и может произойти путаница. И... – застенчиво улыбаясь, Калвин отвел взгляд, – два имени я просто не вспомнил, поэтому использовал имена Мефиса, который является мудростью, и Дионы.

Сирокко это мало заботило. Названия были подходящими и, по ее мнению, обладали системой.

– А как насчет рек, здесь тоже мифология?

– Да. Девять самых больших рек Гипериона, их там, как ты видишь, дьявольски много, я назвал именами муз. Там, южнее – Урания, Каллиопа, Терпсихора и Эвтерпа с Полигимнией – вон там, в сумрачной зоне, ее поглощает Рея. А вон там, на северном склоне, течет на восток Мельпомена. Ближе к нам – Талия и Эрато, которые, похоже, образуют систему, а там, куда мы спускаемся, прямо под нами – приток Клио.

Сирокко посмотрела вниз и увидела голубую ленту реки, извивающуюся среди густого зеленого леса, проследила взглядом назад, к скале, оставшейся позади них, и задохнулась – так вот куда текла река.

Река, изгибаясь, стекала со скалы почти на полкилометра ниже того места, где они стояли. Поток воды выглядел сплошным и твердым, как металл, на протяжении где-то километров пятидесяти, а потом он начинал распадаться на от-

дельные струи, достигая земли мелким морозящим дождем.

Из скалы вытекало более дюжины других потоков, но ни один не был так близко к ним и ни один не был столь эффектен, хотя каждый сопровождался радугой. С ее пункта наблюдения радуги казались расположенными как крикетные воротца. Это выглядело потрясающе, слишком прекрасно, чтобы быть реальностью.

– Я хотела бы иметь концессию на производство открыток в этом месте, – сказала Сирокко. Калвин улыбнулся в ответ:

– Ты будешь продавать пленку для кинокамер, а я билеты на прогулки. Как тебе такое предложение?

Сирокко оглянулась на Габи, которая не могла оторваться от прозрачной стены.

– Устраивает. У нас с тобой одинаковая реакция на это. Как называется та большая река, которая присоединяется к остальным?

– Офион. Наиболее коварный северный ветер. Если посмотреть ближе, то видно, что он вытекает из маленького озера вон там, позади, в сумеречной зоне между Мнемозинной и Океаном. Озеро должно иметь источник, и я подозреваю, что это Офион, который течет под землей через пустыню, но нам этого не видно. Дальше он впадает в моря и вытекает из них на другой стороне.

Сирокко проследила взглядом за изогнутой спиралью реки и убедилась, что Калвин прав.

– Я думаю, что в соответствии с географией река не мо-

жет впадать в море и затем вытекать оттуда, – сказала Сирокко, – но эти правила распространяются только на реки Земли. Ладно, мы назовем ее круговой рекой.

– Там находятся Билл и Август, – сказал Калвин, указывая рукой. – Это примерно на полпути к Клио, около третьего притока.

– Билл и Август. Нам надо было попытаться связаться с ними. С этой суматохой при посадке на цеппелин...

– Я одолжил твое радио. Они уже проснулись и ждут нас. Если хочешь, можешь поговорить с ними.

Сирокко забрала у Габи свое кольцо от шлема с радио.

– Билл, ты слышишь меня? Это я, Сирокко.

– Да... да, я слышу тебя. Как у тебя дела?

– Примерно так, как ты ожидаешь, еду в желудке дирижабля. А как ты? С тобой все в порядке? Ты не ранен?

– Нет, со мной все в порядке. Послушай, я хочу... я хочу сказать, как приятно слышать твой голос.

Сирокко почувствовала слезу у себя на ее щеке и быстро смахнула ее.

– Как хорошо слышать *тебя*, Билл! Когда ты выпал из иллюминатора... проклятье! Ты не можешь этого помнить...

– Я многого не помню, – сказал Билл, – позже мы поговорим обо всем.

– Я до смерти хочу тебя видеть. У тебя растут волосы?

– Они растут по всему телу, но это все подождет. Нам о многом надо поговорить, мне, тебе, Калвину и...

– Габи, – подсказала Сирокко после продолжительной паузы.

– Габи, – повторил Билл неуверенно. – Видишь ли, меня смущают некоторые вещи. Но это не должно вызывать проблем.

– Ты уверен, что с тобой все в порядке? – Внезапно ее прошиб озноб, и она энергично потерла предплечья.

– Не сомневайся. Когда вы будете на месте?

Сирокко спросила Калвина, который, в свою очередь, просвистел короткую мелодию. В ответ прозвучала другая мелодия откуда-то сверху.

– У цеппелинов смутное представление о времени, – сказал Калвин. – Я бы сказал – через три-четыре часа.

– Нет ли здесь другой авиалинии?

Глава 8

Сирокко выбрала себе местечко ближе к дальней стенке гондолы – здесь она могла забыть, что находится в желудке, и сосредоточиться. Габи все еще находилась в оцепенении, а Калвин, рассказав все, что знал о цеппелине, не был склонен разговаривать. Он не хотел рассказывать о других вещах, которые интересовали Сирокко.

Пожалуй, здесь не помешали бы перила. До самого пола стены гондолы были прозрачные, как стекло. Если бы не полупереваренные листья, то прозрачным был бы и пол. Вид открывался ошеломляющий.

Они пролетали над густыми джунглями, которые были усеяны озерами. На всем протяжении внизу протекала, извиваясь, широкая желтая Клио: сброшенная со скалы водяная лента вилась где ей заблагорассудится.

Сирокко была поражена прозрачностью воздуха. Над северным побережьем моря Реи собрались грозовые облака, но Сирокко было видно пространство над облаками. Ей были видны границы изгиба Фемиды в обоих направлениях.

Стая больших цеппелинов парила на разной высоте вокруг ближайшего каната. Сирокко не могла бы наверняка сказать, чем они занимаются, но предполагала, что они могли там питаться. Канат был достаточно массивным, чтобы на нем могли расти деревья. Глядя прямо вниз, можно было

увидеть огромную скачущую тень цеппелина. Чем ниже они опускались, тем больше становилась тень. Через четыре часа она стала чудовищно огромной, а они все еще были над вершинами деревьев. Сирокко было интересно, как цеппелин предполагает приземлиться. Вдали не было видно достаточно большого пространства, пригодного для его посадки.

Она увидела две фигурки, стоящие на берегу реки, они махали ей руками. Сирокко помахала в ответ, хотя не была уверена, что они видят ее.

– Ну а как он приземлится? – спросила она Калвина.

Он поморщился:

– Я не думал, что тебе это понравится, поэтому ничего не говорил заранее. Не было смысла волновать вас раньше времени. Мы спустимся на парашюте.

Сирокко никак не отреагировала на это сообщение, и, казалось, Калвину полегчало.

– Это в самом деле надежно. Пустяки, безопасно, как и должно быть.

– Угу, Калвин. Мне нравится парашютный спорт. Я думаю, что получу море удовольствия. Но я предпочитаю проверять и упаковывать свой парашют самостоятельно. Мне хочется знать, кем он изготовлен и надежен ли.

Она огляделась вокруг.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но я не вижу на борту ничего похожего на парашют.

– У цеппелина они есть, – сказал Калвин, – и они никогда

не подводят.

Сирокко промолчала.

– Я пойду первым, – убедительно сказал он. – Вы должны видеть, как это делается.

– У-гу. Калвин, как я понимаю, это единственный путь вниз?

– Минимум в ста километрах отсюда, в восточном направлении находятся долины. Там цеппелин приземлится. Но возвращаться надо будет через болотистую местность.

Сирокко посмотрела вниз на землю, которая была едва видна. Она глубоко вздохнула и сказала:

– Ладно. Показывай эти парашюты.

Она подошла к Габи и тронула ее за плечо, мягко оторвав от стены. Сирокко повела Габи вглубь гондолы. Габи была послушна, как ребенок. Плечи ее были напряжены, она дрожала.

– Я не смогу показать тебе их сейчас, – сказал Калвин. – Не могу показать, пока не прыгну. Они образуются во время прыжка. Наподобие этого.

Он протянул руку и схватил горсть висящих белых завитков. Они вытянулись. Он начал рассоединять их, пока не получилась рыхлая сетка. Вещество было похоже на конфеты-тянучки, если его не растягивали, он сохранял свою форму. Калвин просунул ногу в ячейку сетки, затем вторую, затем натянул сеть на бедра и очутился словно бы в корзине. После этого он одна за другой просунул в ячейки руки и ока-

зался завернутым в кокон.

– Ты уже прыгала до этого и знаешь как это делается. А ты хорошо плаваешь?

– Великолепно, если от этого зависит моя жизнь. А как ты, Габи? Ты хорошо плаваешь?

Какое-то время казалось, что Габи где-то далеко от них, но затем в глазах девушки мелькнул интерес.

– Плавать? Конечно, я плаваю как рыба.

– Ладно, – сказал Калвин. – Следите за мной и делайте то же, что и я. Он свистнул и в полу перед ним засияла дыра. Калвин махнул рукой, ступил через край дыры и камнем упал вниз. Он падал не так быстро, как при земной гравитации, но все-таки с приличной скоростью. У Сирокко мелькнула мысль о неиспытанном парашюте.

За спиной Калвина как шелк паутины растянулся белый покров. Затем его закрыл появившийся плотно собранный в складки парус. Сирокко и Габи услышали щелчок и увидели, как парашют затрепетал на ветру. Калвин плавно опускался вниз, маша им рукой.

Сирокко, возбужденно жестикулируя, обсуждала прыжок, в то время как Габи натягивала на себя упряжь. Девушке так не терпелось поскорее выбраться отсюда, что она выпрыгнула раньше Сирокко, та даже не успела проверить ее снаряжение.

– Двое из троих уже выпрыгнули, – подумала Сирокко, продевая ноги сквозь третий комплект парашютного снаря-

жения из паутины. Она была теплой и эластичной, и натянув ее, она почувствовала себя комфортно.

Прыжок был обычным, если что-нибудь на Фемиде могло быть обычным. Парашют раскрылся над ней голубым кругом на фоне желтого неба. Он казался меньше, чем должен бы был быть, но, очевидно, этого было достаточно при низкой гравитации и высоком давлении. Зажав в руках концы раскинувшегося над ней покрывала, Сирокко направляла парашют к берегу реки.

Толчок, и вот она уже на земле и быстро стягивает с себя упряжь. Парашют обрушился на грязный берег, почти накрыв Габи. Сирокко стояла по колено в воде и наблюдала за приближающимся Биллом. При виде его трудно было не рассмеяться. Он выглядел как отважный бледный цыпленок с коротко отросшей щетиной на груди, ногах, руках, лице, голове.

Сирокко положила обе ладони на лоб и провела ими по пушистой голове, улыбаясь все шире по мере того, как Билл приближался к ней.

– Похожа я на ту, которую ты помнишь? – спросила она.

– Ты даже лучше, чем была. – Разбрызгивая воду, он сделал еще несколько шагов, разделяющих их. Билл обхватил ее, и они поцеловались. Она не плакала, она не чувствовала в этом необходимости, хотя счастье переполняло ее.

Билл и Август за эти семь дней, орудуя лишь острыми кра-

ями оставшихся от комбинезонов колец, сотворили нечто удивительное. Они построили две хижины; были готовы две стены и половина крыши третьей. Хижины были сделаны из связанных между собой ветвей, скрепленных грязью. Скошенные крыши были из тростника.

– Это все, что было в наших силах, – сказал Билл, показывая им свои творения. Я думал засушить саманных кирпичей, но грязь недостаточно быстро высыхает на солнце. Но эти строения защищают от ветра и, что важнее, от дождя.

Внутри хижины были два на два метра, пол был выстлан толстым слоем соломы. Сирокко не могла встать здесь в полный рост, но она считала это несущественным. Возможность спать не на улице перекрывала все неудобства.

– Мы не успели закончить третью хижину к вашему прибытию, – продолжал Билл. – С вашей помощью мы за день кончим ее. Габи, это для тебя и Калвина, мы с Сирокко займем хижину, в которой жила Август. Она сказала, что хочет перебраться в новую.

Ни Калвин, ни Габи ничего не сказали, но Габи придвинулась поближе к Сирокко.

Август выглядела как безумная. Она постарела не меньше чем на пять лет с тех пор, как Сирокко в последний раз ее видела. Она похудела, глаза у нее ввалились, руки постоянно дрожали. Девушка выглядела так, как будто у нее отрубили половину.

– У нас сегодня не было времени на охоту, – сказал Билл. –

Мы были слишком заняты строительством нового дома. Август, там достаточно осталось со вчерашнего дня? – спросил он девушку.

– Я думаю, что да, – ответила Август.

– Ты принесешь?

Август развернулась и пошла за мясом. Билл перехватил взгляд Сирокко и, поморщившись, медленно покачал головой.

– Ничего не слышно от Апрель, да? – тихо спросил он.

– Ни слова. Так же, как и от Джина.

– Я не знаю, что с ней будет.

После еды Билл вовлек их в работу по завершению строительства хижины. Имея навык строительства двух предыдущих, он занимался этим почти профессионально. Работа была скучной, но не тяжелой. Они с легкостью передвигали большие бревна, но ужасно много времени занимало перерезание даже самого маленького из них. В результате итог их труда выглядел не слишком привлекательно.

Когда хижина была готова, Калвин зашел в апартаменты Август, правопреемником которых он был, а Август переехала в новое жилище.

Габи оказалась растерянной, но в конце концов пробормотала, что собирается осмотреть окрестности и вернется не раньше, чем через несколько часов. С жалким видом она побрела от хижины.

Билл и Сирокко переглянулись. Билл пожал плечами и посмотрел на оставшуюся хижину.

Сирокко неловко села на пол. Она о многом хотела спросить Билла, но не решалась начать.

– Как ты перенес все это? – спросила она наконец.

– Если ты имеешь в виду время между столкновением и моим пробуждением здесь, то я тебя разочарую. Я ничего не помню.

Сирокко протянула руку и нежно пощупала лоб Билла.

– У тебя не болит голова? Нет головокружения? Необходимо, чтобы Калвин осмотрел тебя.

Билл нахмурился.

– Я что, был ранен?

– Довольно сильно. У тебя было в крови все лицо и ты был без сознания. Это все, что я могла рассмотреть за несколько секунд. Но я думаю, что у тебя мог быть проломлен череп.

Билл пощупал рукой свой лоб, пробежал пальцами по голове.

– Я не нахожу никаких болезненных мест. Нет и синяков.

Сирокко, я...

Она положила ему на колено руку.

– Называй меня Роки. Знаешь, Билл, ты единственный, в чьих устах мне нравится это имя.

Он нахмурился и посмотрел мимо нее.

– Ладно, Роки. Я все равно должен сказать тебе об этом. Это был не просто... темный период, как его называет Ав-

густ. Я не помню не только это. Для меня покрыты туманом многие вещи.

– Например?

– Например, я не помню, где я родился, сколько мне лет, где я рос или ходил в школу. Я помню лицо матери, но не помню как ее зовут, жива она или умерла. – Билл потер лоб.

– Она жива и распрекрасно живет в Денвере, там же ты и вырос, – спокойно сказала Сирокко, – она приглашала нас на твоё пятнадцатилетие. Ее зовут Бетти. Мы все любили ее.

Казалось, он почувствовал облегчение, но потом опять стал подавленным.

– Я догадываюсь, что это означает, – сказал Билл. – Я помню ее лицо, потому что это важно для меня. Я помню также тебя.

Сирокко улыбнулась, глядя ему в глаза:

– Но не мое имя. Это то, что волновало тебя и что ты не решался сказать мне?

– Да, – жалко улыбнулся Билл. – Ну разве это не дьявольщина? Август сказала мне твоё имя, но она не сказала мне, что я называл тебя Роки. Между прочим, это очень привлекательное имя, оно мне нравится.

Сирокко рассмеялась. – Я почти всю свою взрослую жизнь пыталась избавиться от этого имени, но я всегда слабела, когда кто-нибудь нашептывал мне его на ухо.

– Что ты еще помнишь обо мне? Ты помнишь, что я была капитаном?

– О, конечно. Я помню, что ты была первой женщиной, которая была *надо* мной.

– Билл, в невесомости не имеет значения, кто наверху.

– Это не то, что я... – Он улыбнулся, поняв, что Сирокко подшучивает над ним. – Насчет этого я также не был уверен. Мы... Я имею в виду, мы?..

– В смысле – трахались? – Она покачала головой, но не отрицательно, а удивленно. – Мы использовали каждый шанс. Как только я перестала гоняться за Джином и Калвином и заметила, что лучший мужчина на борту – мой инженер. Билл, я надеюсь, что не раню твои чувства, но я почти люблю тебя такого.

– Какого?

– Ты не решаешься спросить, были ли мы... в интимных отношениях. – Сирокко выдержала драматическую паузу, стыдливо опустив глаза. Билл засмеялся.

– Ты сейчас была такая, как до того, как мы узнали друг друга. Застенчивой. Я думаю, сейчас все будет как в первый раз, а первый раз всегда особенный, ты согласна?

Сирокко посмотрела на Билла из-под опущенных ресниц, выжидая, но он не двинулся. Тогда она подошла и тесно прижалась к нему. Это не удивило ее; у нее была потребность довольно откровенно проявлять свои чувства, это относилось и к первому разу.

Когда они прервали поцелуй, Билл посмотрел на Сирокко и улыбнулся.

– Я хотел сказать, что люблю тебя. Ты не давала мне на это времени.

– Ты никогда не говорил раньше такого. Вероятно, тебе не следует связывать себя обязательствами, пока к тебе не вернется память.

– Я думаю, что раньше я мог и не знать, что люблю тебя. А потом... единственное, с чем я остался – это с твоим лицом и моими чувствами к тебе. Это правда. И я намеренно сказал тебе это.

– Ммм... ты славный. Ты помнишь, как это делается?

– Я уверен, что это придет само собой, когда мы займемся этим.

– Ну так я думаю, что тебе пора опять заняться мной.

Это было так же восхитительно, как и в первый раз, но без неловкости, которая обычно при этом присутствует. Сирокко забыла все на свете. Ей хватало света в темной хижине, чтобы только видеть его лицо, солома, которой был устлан пол, под его тяжестью казалась мягче самого мягкого шелка.

Послеобеденное время на Фемиде было длинным при ее постоянном дне. Сирокко никуда не хотелось уходить, ей хотелось остаться здесь навсегда.

Сейчас было бы самое время закурить, – сказал Билл, – если бы здесь была хоть одна сигарета.

– И ты ронял бы на меня пепел, – поддразнила его Сирокко.

– Отвратительная привычка. Если бы у меня было немного кокаина... Он весь упал вместе с кораблем.

– Ты можешь прямо сейчас отправиться на его поиски.

Билл продолжал лежать, тесно прижавшись к ней. Сирокко вспомнила, как на «Властелине Колец» ей нравилось ждать, займутся ли они любовью опять. С Биллом это обычно происходило.

Сейчас все было немного по-другому.

– Билл, я опасаюсь, что у меня будет небольшое раздражение.

Он приподнялся на локте:

– Тебе царапает спину солома? Если ты хочешь, я могу лечь вниз.

– Это не солома, мой сладкий. И не моя спина. Это что-то более личное. Я боюсь, что у меня одно место как наждачная бумага.

– Да, это так, но мне было неловко сказать тебе об этом. – Он скатился с нее и положил руку Сирокко под плечи. – Смешно, но всего несколько минут назад я не замечал этого.

– Если бы у тебя были там шипы, я бы тоже не заметила несколько минут назад, – засмеялась Сирокко. – Но я все равно хочу, чтобы у нас побыстрее отросли волосы. А так я чувствую себя ужасно глупо, а кроме того, это дьявольски неудобно.

– Ты полагаешь, что они растут медленно? Я обрастаю ими весь, с головы до ног. Такое впечатление, что блохи пля-

шут кадриль на моей коже. Прости, если я царапаю тебя.

Это в самом деле было так, он царапал ее изрядно. Сирокко нежно провела пальцами по его спине.

– А-а-а! Я говорил, что любил тебя? Я был сумасшедшим, я не знал что такое любовь. Я только теперь *узнал*, что это такое.

Габи выбрала именно этот момент, чтобы войти в хижину.

– Извини, Роки, но я хотела спросить, будем ли мы что-нибудь делать с парашютами? Один из них уже плывет вниз по реке.

Сирокко быстро села.

– Что мы должны с ними делать?

– Спасать их. Они могут еще пригодиться.

– Ты... да, конечно, Габи. Ты права.

– Я просто подумала, что это было бы неплохо. – Габи водила по полу ногой и не поднимала глаз, она всего лишь однажды взглянула на Билла.

– Э... ладно. Я думала, что, может быть, я... могла бы сделать для тебя что-нибудь приятное. – И она бросилась наружу.

Билл сел, положив локти на колени.

– Я придаю этому слишком большое значение?

Сирокко вздохнула.

– Боюсь, что нет. У Габи назревают большие проблемы. Она думает, что тоже влюблена в меня.

Глава 9

– Что означает это «До свидания»? Куда ты собрался?

– Я все обдумал, – спокойно сказал Калвин. Он снял с руки часы и протянул их Сирокко. – Вы, люди, найдете им лучшее применение, чем я.

Сирокко готова была взорваться от отчаяния.

– И это все твои объяснения? «Я все обдумал». Калвин, все мы связаны. Мы все еще исследовательский отряд, а я все еще капитан. Мы должны трудиться все вместе ради спасения.

Калвин слабо улыбнулся:

– И каким образом вы собираетесь это делать?

Сирокко не хотела бы слышать от него этот вопрос.

– У меня не было времени разработать план, – неопределенно ответила она. – Мы ограничены в своих действиях.

– Вы сообщите мне, когда придете к какому-либо решению.

– Я приказываю тебе остаться с остальными!

– Как ты сможешь удержать меня, если я решил уйти? Нокаутировать и связать? Сколько усилий ты собираешься потратить на то, чтобы стеречь меня? Если я останусь здесь, то только по необходимости, а уйдя, я могу принести пользу.

– Что ты подразумеваешь под пользой?

– Вот что: цеппелины ведут разговоры по всей Фемиде.

Они переносчики новостей; все здесь слушают их. Если я когда-нибудь понадобится вам, я вернусь. Все, что мне надо сделать, так это научить тебя нескольким простым приемам. Ты умеешь свистеть?

– Ну так что из этого? – спросила Сирокко, раздраженно махнув рукой. Она потерла лоб и немного успокоилась. Если она хочет оставить его, то должна разговаривать с ним иначе, не удерживать его насильно.

– Я все-таки не могу понять, почему ты хочешь уйти. Тебе не хочется оставаться здесь вместе с нами?

– Я... нет, это не совсем так... Но я счастливее, когда я один. Слишком большое напряжение. Слишком большой груз отрицательных ощущений.

– Все мы прошли через это. Было бы лучше обо всем поговорить откровенно.

Калвин пожал плечами.

– Позже вы можете позвать меня и я попытаюсь вернуться. Но сейчас мне не нужна компания таких, как я. Цеппелины свободнее и мудрее. Я никогда не был счастливее, чем во время этого полета.

Сирокко не видела Калвина таким возбужденным с момента встречи на скале.

– Цеппелины очень старые, капитан, и сами по себе, и как вид. Этому цеппелину где-то три тысячи лет.

– Откуда ты знаешь это? Откуда он знает это?

– Существуют периоды тепла и холода. Я сделал вывод,

что это происходит из-за того, что Фемида постоянно остается направленной в одном направлении. Оси, так как это происходит сейчас, расположены близко к солнцу, но каждые пятнадцать лет, пока происходит движение Сатурна и к Солнцу не окажется повернут другой полюс, обод колеса блокирует солнечный свет. Здесь это исчисляется годами, но каждый из них включает в себя пятнадцать земных лет. Этот цеппелин пережил двести таких периодов.

– Хорошо, хорошо, – сказала Сирокко. – Потому-то ты и нужен нам, Калвин. Кто-то рассказал тебе обо всем этом, сумел каким-то образом сделать это, ты все узнал. Кое-что из этого может оказаться полезным для нас. Например, эти шестиногие существа, как ты назвал их?..

– Титаниды. Я ничего больше не знаю о них.

– Да, но ты можешь узнать больше.

– Капитан, и так стало известно очень много. Ты прошла уже по большей части гостеприимной территории Фемиды. Оставайтесь на месте, и все будет в порядке. Не надо идти к Океану, или даже в Рею. Это опасные места.

– Разве? А как мы смогли бы узнать об этом? Вот видишь, ты нам необходим.

– Ну как ты не понимаешь, я не смогу ничего больше узнать, пока не увижу собственными глазами. Мне в большей части недоступен диапазон языка цеппелинов.

Сирокко ощущала захлестнувшую ее изнутри горечь поражения. К дьяволу все, Джон Уэйн рассчитался бы с мети-

сом. Чарльз Лафтон заковал бы его в кандалы.

Сирокко знала, что ей было бы гораздо легче, если бы она сразу же предоставила этому упрямому сукиному сыну полную свободу действий. Она еще никогда не командовала подобным образом. Она побеждала и пользовалась уважением команды, демонстрируя ответственность, и потому, что благодаря своему уму могла найти выход из любой ситуации. Она умела смотреть фактам в лицо и знала, что Калвин уйдет от них, но это же просто недопустимо.

– А почему? – спросила себя Сирокко. – Потому, что это умаляет ее авторитет?

Частично, наверное, дело в этом, а частично в том, что она чувствует за него ответственность. Но это привело ее к проблеме, которая стояла перед ней в начале ее командования: отсутствию для нее образца как для капитана-женщины. В то время она решила рассмотреть все особенности, присущие этой должности и отобрать лишь те, которые, как она чувствовала, должны быть присущи ей. Если что-то было правильно для адмирала Нельсона в военно-морском флоте Британии, то не обязательно оно правильно и для нее.

Конечно же должны были присутствовать дисциплина и авторитет. Капитаны военно-морских сил требовали и заставляли соблюдать эти требования на протяжении тысячелетия, и она не была намерена отменить весь приобретенный опыт. Там, где авторитет капитана был под вопросом, обычно возникали различные беды.

Но космос не был тем же самым, что и военно-морские силы, поколения писателей-фантастов описывали обратное. Люди, исследовавшие космическое пространство были высоко интеллектуальными, одаренные, они были лучшим, что могла предложить Земля. В этом случае должна была присутствовать гибкость в отношении с командой, и требования НАСА для путешествий в дальнем космосе допускали это.

Существовал еще один фактор, который она никогда не могла забыть: у нее больше не было корабля. С ней произошло худшее, что может случиться с капитаном. Она потеряла свою команду. Это останется горьким привкусом у нее во рту на всю оставшуюся жизнь.

– Ладно, – сказала она. – Ты прав. У меня нет ни времени, ни энергии охранять тебя, у меня нет чувства, что я готова убить тебя, разве только в переносном смысле. – Она заставила себя замолчать, обнаружив, что скрежещет зубами, расслабила челюсти. – Я говорю тебе, что если мы вернемся, я обвиню тебя в неповиновении. Уходя, ты поступаешь вопреки моей воле и вопреки интересам нашей миссии.

– Я принимаю это, – спокойно ответил Калвин. – Хотя ты убедишься, что в последней части ты не права. Я принесу больше пользы, если я уйду, чем если останусь. Но мы не вернемся на Землю.

– Посмотрим. А теперь – почему бы тебе не научить кого-нибудь звать цеппелины? Мне бы не хотелось находиться сейчас рядом с тобой.

В конце концов учить свист-код пришлось Сирокко, так как у нее оказались наибольшие музыкальные способности. У нее был почти абсолютный слух, а это было решающим моментом в речи цеппелинов.

Надо было выучить только три музыкальных фразы, самыми длинными были семь нот и трель. Первая означала – «Хорошего подъема» – и была попросту вежливым приветствием. Вторая – «Мне нужен Калвин», и третья – «Помоги!»

– И помни – никогда не зови цеппелин, если разводите огонь!

– Как ты оптимистичен.

– Довольно скоро у вас будет огонь. Да, я хотел спросить... Хотите, я заберу с собой Август? Может быть, со мной она будет чувствовать себя лучше. Мы сможем преодолеть большие пространства в поисках Апрель.

– Мы должны сами заботиться о пострадавших, – холодно ответила Сирокко.

– Любое твоё решение – наилучшее.

– Во всяком случае, она с трудом осознает, что ты уходишь. Просто подальше с моих глаз, верно?

Август оказалась не в таком коматозном состоянии, как предполагала Сирокко. Когда она услышала, что Калвин уходит, то настояла на том, чтобы присоединиться к нему. После короткой баталии Сирокко сдалась, хотя с еще большими

ми опасениями, чем раньше.

Цеппелин опустился довольно низко и начал выбрасывать канат. Они смотрели, как он колеблется в воздухе.

– Почему он делает это? – спросил Билл. – Какой ему от этого прок?

– Он любит меня, – просто ответил Калвин. – А кроме того, он привык перевозить пассажиров. Другие виды отплачивают за перевозку тем, что передвигают пищу из его первого желудка во второй. У него нет для этого мышц. Он остерегается лишнего веса.

– И все здесь проходит так мирно? – спросила Габи. – Мы не встречали здесь ничего похожего на плотоядных животных.

– Здесь есть плотоядные животные, но их немного. Основной жизни является симбиоз. Это и почитание. Цеппелин говорит, что все высшие формы жизни поклоняются богине и что богиня эта находится в ступице колеса. Я думал о богине, которая управляет всем кругооборотом этой земли. И назвал ее на греческий манер – Гея.

Сирокко помимо воли заинтересовалась.

– Что за Гея, Калвин? Какая-то примитивная легенда, или же существует контрольный пункт, управляющий всем этим?

– Я не знаю. Фемида намного старше цеппелина, и ему многое неизвестно.

– Но кто всем движет? Ты говорил, что здесь существует

много видов. Но что они собой представляют? Они сотрудничают?

– И этого я не знаю. Ты читала истории о кораблях, на которых происходит какая-то неисправность и все оказываются опять в дикости? Мне кажется, что-то подобное происходит и здесь. Я знаю, что где-то что-то работает. Может, машины, а может, виды, которые остаются в ступице. Там может находиться источник поклонения. Но цеппелин уверен, что колесом управляет какая-то рука.

Сирокко нахмурилась. Как она может позволить ему уйти, когда он обладает такой информацией? Все это было довольно неопределенно, и невозможно было узнать, насколько это соответствует действительности, но это было все, что они имели.

Но было слишком поздно что-либо менять. Его нога была уже в стремени длинного каната. К нему присоединилась Август, и цеппелин начал сматывать канат.

– Капитан! – закричал Калвин перед тем как исчезнуть в цеппелине. – Габри, не следует называть это место Фемидой. Называйте ее Геей.

Сирокко грустно размышляла об их отъезде, погружаясь в депрессию. Она сидела на берегу реки и ломала голову, что она могла сделать и не сделала, чтобы предотвратить этот отъезд. И не находила правильного ответа.

– А как же клятва Гиппократа? – спросила она Билла. – Он

ведь был послан в экспедицию с одной целью – заботиться о нашем здоровье, если это потребуется.

– Все мы изменились, Роки.

«Все, но не я», – подумала Сирокко, но ничего не сказала. Насколько она могла судить, ее страдания прошли без последствий. Было странно, что пережитое так сказалось на остальных. В крайнем случае, оно должно было повергнуть их в оцепенение. Вместо этого произошла амнезия, возникли навязчивые желания, у женщины появились подростковые влечения, у мужчины – любовь к живому воздушному кораблю. С трезвой головой осталась только она – Сирокко.

– Брось обманывать себя, – пробормотала она. – Другим ты, наверное, кажешься такой же сумасшедшей, как и они тебе.

Но Сирокко отбросила и эту мысль. Билл, Габи и Калвин – все они знали, что пережитое изменило их, хотя Габи не согласилась бы признать, что ее любовь к Сирокко является побочным эффектом случившегося. Август слишком отвлечена своей потерей, чтобы думать о чем-либо еще.

Сирокко опять подумала об Апрель и Джине. Живы ли они еще, и если живы, то как перенесли все это? Сумели ли они найти друг друга?

Они постоянно слушали приемник и посылали позывные, пытаясь связаться с Апрель и Джином, но из этого ничего не выходило. Никто больше не слышал плачущего мужчину, никто не слышал Апрель.

Шло время, хотя и без каких-либо признаков движения. У Сирокко были часы Калвина и она говорила, когда было пора спать, но трудно было приспособиться к постоянному дневному свету. Сирокко никогда не подозревала, что это может так действовать, хотя на «Властелине Колец» группа людей жила в искусственном окружении, где день определялся бортовым компьютером и мог быть при желании изменен.

А в остальном жизнь была легкой. Все фрукты, которые они пробовали, были съедобны и казались им питательными. Если бы в них не хватало витаминов, то они заметили бы это по виду друг друга. Одни фрукты были солеными, другие, как они надеялись, были насыщены витамином С, так как имели специфический привкус. Дичи было в изобилии и охотиться на нее было легко.

Они были приучены к строгому режиму астронавтов, где все дела определялись наземной службой управления. Во время отдыха они ворчали, как это невыносимо, но тем не менее, продолжали делать все, что им было предписано. Они были подготовлены к борьбе за выживание во враждебной обстановке, но Гиперион был не враждебнее зоопарка Сан-Диего. Они ожидали, что станут Робинзонами Крузо, или, по крайней мере, чем-то наподобие, но Гиперион был пирожным со взбитыми сливками. Они еще не приспособились мыслить с точки зрения своей миссии.

Через два дня после ухода Калвина и Август Габи пред-

стала перед Сирокко в одежде, сделанной из брошенных парашютов. Сирокко глубоко тронуло выражение лица Габи, когда та примеряла обновку.

Костюм состоял из туники и просторных штанов. Материал был тонким, но удивительно плотным. Габи немало помучилась, пока раскроила его и сшила иглами из шипов.

– Если ты еще соорудишь что-нибудь вроде мокасин, то при возвращении на Землю я повышу тебя сразу на три звания.

– Я работаю над ними, – Габи светилась после этого целый день и была игривой, как щенок. Она слегка задевала Сирокко своей красивой одеждой и небрежно извинялась. Она была трогательна в своем стремлении сделать приятное.

Сирокко сидела на берегу реки. На этот раз она была одна и радовалась этому обстоятельству. Быть яблоком раздора между двумя влюбленными было не в ее вкусе. Билла начинало раздражать поведение Габи и, похоже, он был готов что-то предпринять.

Сирокко легонько водила по воде длинным шестом и наблюдала за маленьким деревянным поплавком. Она обдумывала, каким образом содействовать какой-нибудь спасательной команде, которая может придти им на помощь. Что можно предпринять, чтобы выбраться отсюда?

Нет никакой возможности сделать это самостоятельно. Самое большее, что можно сделать, это попытаться войти в

контакт со спасательным отрядом. Она не сомневалась, что такой отряд появится, но надежда на то, что им удастся выполнить свою миссию сразу же, была слабой. Ей необходимо послать сообщение, в котором описать, как «Властелин Колец» разлетелся на куски, передать чудовищность всего происшедшего.

Конечно же полагают, что команда «Властелина Колец» должна была погибнуть, но Фемида-Гея не должна быть забыта. Корабль вскоре появится и он должен попытаться приземлиться.

– Ладно, но на Гее должны быть средства связи. Наверное, они в ступице. Даже если там находятся и двигатели, центральное расположение ступицы кажется логическим местом для расположения там средств управления. Там могут быть люди, которые осуществляют все операции, а может и нет. Попасть туда, по всей вероятности, непросто. Центр управления должен тщательно охраняться от непрошенных гостей и от диверсионных актов.

Но если там есть радио, то надо подумать, как туда пробраться. Она зевнула, почесала бок и лениво поводила по воде ногами. Задергался поплавок. Пора, наверное, вздремнуть.

Поплавок опять дернулся и исчез под мутной водой. Сирокко непонимающе посмотрела на него, потом сообразила, что это поклевка. Она поднялась на ноги и начала тянуть удочку.

Рыба была без глаз, без чешуи и без плавников. Сирокко с любопытством осмотрела ее. Это была первая пойманная рыба.

– На какого дьявола она мне нужна? – вслух спросила Сирокко и швырнула рыбу обратно в воду. Затем свернула удочку и пошла вдоль берега к лагерю.

Пройдя полпути, она побежала.

– Прости меня Билл, я знаю, что ты здесь много работаешь. Но когда они прилетят за нами, я буду работать так тяжело, как только смогу, чтобы мы выбрались отсюда, – сказала Сирокко.

– В основном я с тобой согласен. Что ты задумала?

Сирокко объяснила ему свои мысли по поводу ступицы, что если существует центральный технологический пункт управления всей этой громадной системой, то он должен находиться именно там.

– Я не знаю, что мы там найдем. Может быть ничего кроме паутины и пыли и все происходит по инерции. А может быть, нас ожидает там команда с капитаном, которые готовы развеять нас на части за то, что мы вторглись на их корабль. Но нам необходимо убедиться во всем самим.

– Как ты предлагаешь добраться туда?

– Я еще точно не знаю. Я полагаю, что мы не сможем сделать это с помощью цеппелина, или же они знают о этой богине больше, чем говорят. Там между спицами может не ока-

заться никакого воздушного пространства.

– Это придало бы им некоторую жестокость, – заметила Габи.

– Мы ничего не можем наверняка знать, пока сами не увидим. Дорогу к вершинам спиц могут указать поддерживающие канаты. Они должны тянуться все время вверх, прямо к вершине.

– Боже мой, – пробормотала Габи. – Только их склоны тянутся вверх на сотню километров, но это только до свода, а оттуда еще пятьсот километров до ступицы.

– У меня ноет спина, – вздохнул Билл.

– Что с тобой? – спросила Сирокко. – Я не сказала, что нам придется карабкаться вверх. Мы решим, когда хорошенько обдумаем. Все, что я хотела сказать, это то, что мы не знаем местности. Почему я знаю, может быть, существует экспресс-подъемник, сидящий в болоте, который мог бы поднять нас к вершине. Мы никогда ничего не узнаем, если будем сидеть на месте и не оглядимся по сторонам.

– Не волнуйся, – сказал Билл. – Я с тобой.

– А как ты, Габи?

– Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошла, – как само собой разумеющееся ответила Габи. – Ты сама это знаешь.

– Ладно. Тогда вот, что я думаю. На западе, по направлению к Океану, есть канат. Но река течет другой дорогой. Мы можем использовать ее как транспортное средство. Так мы сможем добраться до следующего ряда канатов быстрее,

чем если будем пробиваться через заросли. Я считаю, что мы должны идти на восток, по направлению к Рее.

– Калвин сказал, что мы должны держаться подальше от Реи, – напомнил Билл.

– Я не сказала, что мы пойдем прямо туда. Если существует что-то, что труднее преодолеть, чем постоянный день, то это постоянная ночь, так что меня не тревожит, какой мы выберем путь. Но между той местностью, где мы находимся сейчас, и той, куда мы собираемся, пролегает большое пространство. Мы будем иметь возможность увидеть его.

– Согласись, Роки, ты в душе турист.

Сирокко мимо воли улыбнулась.

– Виновата. Я только недавно думала о том, в какие потрясающие места мы попали. Мы знаем, что здесь существуют десятки разумных видов. А что мы делаем? Сидим и ловим рыбу. Нет, это не по мне! У меня ощущение, что мы находимся под предохранительным колпаком. И что они все это оплачивают, и черта с два, если мне это нравится! Наверное, мне хочется приключений.

– Боже мой, – проговорила Габи со сдержанным смешком, – тебе хочется еще приключений? Тебе недостаточно того, что случилось?

– Приключения имеют свойство оборачиваться неприятной стороной, – сказал Билл.

– Будто я не знаю. Но тем не менее, мы отправимся вниз по этой реке. Я бы хотела, чтобы мы отправились после то-

го, как поспим. У меня такое ощущение, что я одурманена наркотиками.

Билл на мгновение задумался.

– Ты думаешь, это возможно? Какие-то фрукты действуют как наркотики?

– Хм, ты, наверное, читал слишком много научной фантастики, Билл.

– Послушай, не трогай мое чтение, и я не буду обращать внимания на твои глупые фильмы.

– Но это ведь искусство. Ну да ладно. Не обращай внимания. Возможно, мы съели какой-нибудь транквилизатор, но, скорее всего, это попросту старомодная лень.

Билл поднялся на ноги и потянулся за несуществующей трубкой. В раздражении он опять забыл, что ее нет. Отряхнув руки, он сказал:

– Потребуется время, чтобы построить плот.

– А зачем плот? Как насчет этих стай огромной кожуры семян, плывущих по реке? Они достаточно большие, чтобы выдержать нас.

Билл нахмурился.

– Да, по-видимому так и есть. Но как ими управлять в бурной реке? Я хотел бы посмотреть на дно, прежде...

– Управлять? Ты думаешь, что плот будет лучше?

Билл посмотрел на Сирокко сначала с удивлением, потом разочарованно.

– Тебе виднее. Вперед, командир.

Глава 10

Семена росли на вершинах самых высоких в лесу деревьев. На каждом дереве вызревало лишь одно семя, и когда оно достигало зрелости, то взрывалось подобно пушечному выстрелу. Они слышали эти выстрелы через продолжительные интервалы времени. То, что оставалось после выстрела, походило на скорлупу грецкого ореха, гладко разделенную пополам.

Увидев плывущую мимо такую скорлупу, они подплыли к ней и подтащили ее к берегу. Пустая, она высоко плыла над водой. У грузной – еще порядочная часть борта оставалась над водой.

Они задержались на два дня, готовя снаряжение и пытаюсь приладить руль. Они приладили длинную жердь с лопастью на конце и понадеялись, что этого будет достаточно. У каждого было примитивное весло, на случай если они будут идти по бурной воде.

Габи отшвартовалась от берега. Сирокко, не жалея сил, отталкивалась шестом, направляя скорлупу на середину реки, затем она заняла свой пост на корме, положив руку на румпель. Подул ветерок, и она опять ощутила отросшие волосы. «Как приятно, когда ветер треплет волосы. Это одна из тех мелочей, которые мы утратили», – подумала Сирокко.

Габи и Билл были возбуждены, они забыли свою враждеб-

ность, сидя у противоположных бортов лодки, наблюдая за простирающейся перед ними рекой и выкрикивая Сирокко предупреждения об опасности.

– Запевай морскую песню, капитан! – закричала назад Габи.

– Ты все перепутала, глупышка, – засмеялась Сирокко. – Это вы, бедняги, откачиваете там в кубрике воду и поете песни. Ты что, не видела «Морского колдуна»?

– Нет, это какой-то триллер?

– Это экранизация шедевра старины Джона Уэйна. «Морской колдун» – это название корабля.

– А я подумала, что это капитан. И ты просто выбрала себе такое прозвище.

– Следи за собой, не то я сброшу тебя за борт.

– А как мы назовем наш корабль, Роки? – спросил Билл.

– Эй, а и правда, ведь у него же должно быть название, верно? Я так была занята поисками шампанского для ланча, что совершенно позабыла об этом.

– Ты, кажется, упомянула шампанское? – простионала Габи.

– Есть какие-нибудь предложения? У тебя есть шанс продвинуться по службе.

– Я знаю, как назвал бы его Калвин, – неожиданно сказал Билл.

– Не напоминай мне о Калвине.

– Тем не менее, мы приняли для наименований греческую

мифологию. Корабль следовало бы назвать «Арго».

Сирокко, казалось, сомневалась.

– Это что-то, связанное с поисками золотого руна? Да, да, я сейчас вспоминаю кинофильм про это.

– Мы ничего не ищем, – заметила Габи, – мы знаем, куда нам надо идти.

– Ну тогда как насчет... – Билл помолчал, сосредоточенно глядя перед собой. – Я думаю об Одиссее. У его корабля было название?

– Не знаю. Мы потеряли нашего специалиста по мифам. Но если бы он и был здесь, то не думаю, что захотел использовать это название. Одиссей не означает ничего, кроме волнений.

– Ты суеверна, капитан? Вот никогда бы не подумал, – улыбнулся Билл.

– Это море, парень. Оно чуждо человеку.

– Ну тогда давайте назовем эту лодку «Титаник». Это название было бы по тебе.

– Еще лучше. Не искушай судьбу, приятель.

– А мне тоже нравится такое название, – засмеялась Габи. – Кто поверит, что такое прославленное название дали лодке, сделанной из скорлупы ореха?

– Пусть будет по-вашему, – задумчиво посмотрев на них, сказала Сирокко. «Титаник» так «Титаник». Попутного ему ветра, вам надо прокричать это, иначе не будет счастливого путешествия.

Команда прокричала приветствие три раза, Сирокко с улыбкой поклонилась.

– Долгой жизни капитану! – прокричала Габи.

– Послушайте, – сказала Сирокко. – Ведь теперь надо написать название на борту, или холера его знает где еще.

– На чем? – с шокированным видом спросила Габи.

– Тебе хорошо сейчас говорить, – улыбнулась Сирокко, но я ничего не знаю об этих дерьмовых лодках. У кого есть опыт мореплавания?

– Я немного плавала, – сказала Габи.

– Ну так будешь корабельным лоцманом. Поменяешься со мной местами. – Она оставила румпель и осторожно пошла вперед. Она привалилась к спине Габи, обняла ее за шею и скрестила руки у нее под головой.

– Я принимаю важное командирское решение, – сказала она, зевая во весь рот. – Побеспокойте меня только в случае шторма. – Под громкие восклицания команды она закрыла глаза.

Клио была длинной, извилистой, с медленным течением. На середине реки четырехметровый шест не доставал дна. Опуская шест в воду, они чувствовали, как об него ударяются какие-то речные существа. Они никогда их не видели. Они держали «Титаник» между серединой реки и правым берегом.

Сирокко решила, что они будут останавливаться и выхо-

дить на берег только для того, чтобы собрать фруктов – это никогда не занимало больше десяти минут. Но что касается несения вахты, то здесь было не все в порядке. «Титаник» слишком часто садился на мель и приходилось будить спящих. Когда «Титаник» застревал в тине, вытягивать его оттуда приходилось всем вместе. Они быстро поняли, что «Титаник» довольно неповоротлив, и при приближении мели двоим приходилось отталкиваться шестами от опасного места.

Они решили останавливаться на привал каждые двенадцать-пятнадцать часов. Сирокко составила расписание, по которому во время плавания два человека обязательно должны были бодрствовать, а во время стоянки – один.

Клио извивалась на почти плоской местности подобно змее, одурманенной нембуталом. Стоянка могла находиться лишь в полукилометре от предыдущей, если мерить по прямой. Они бы уже заблудились, если бы не канат в центре Гипериона. Сирокко знала, что пока они не приплывут к реке Офион, канат должен находиться к востоку от них.

Возвышаясь как невообразимый небоскреб, канат все время служил им маяком. Поднимаясь, он, казалось, тянулся к ним, пока не исчезал за пределами крыши. Они должны были проплыть мимо него, следуя к расположенным под углом поддерживающим канатам, ведущим к спице над Реей. Сирокко надеялась посмотреть на них вблизи.

Жизнь вошла в однообразное русло. Вскоре они стали безупречной командой, они понимали друг друга без слов.

Работы было мало, в основном это были тревоги по поводу преград в виде песчаных отмелей. Габи и Билл тратили много времени на внесение исправлений в одежду друг друга. Оба они ловко управлялись с иглами из колючек. Билл, помимо этого, постоянно чинил руль и старался придать большую комфортность лодке.

Сирокко проводила большую часть времени дремля и наблюдая за проплывающими облаками. Она размышляла о путях и методах достижения ступицы, пытаясь предугадать ожидавшие их трудности, но это было бесполезное занятие. Возможности были слишком разнообразны, чтобы их можно было спланировать. Сирокко больше нравилось витать в облаках.

В конце концов она запела, чем немало удивила и Габи, и Билла. В детстве она десять лет училась вокалу и игре на фортепиано, и до того, как посвятила себя космосу, собиралась стать певицей. До путешествия на «Титанике» никто и не подозревал об этом – она считала пение несовместимым со своим имиджем. Сейчас же ее мало заботили проблемы имиджа, а пение сблизило их еще больше. Сирокко обладала богатым, чистым контральто, который звучал особенно хорошо при исполнении народных песен, баллад и песен Джуди Гарланд.

Билл смастерил из скорлупы ореха, парашютной ткани и кожи улыбчивого лютню. Он научился на ней играть, к нему присоединилась Габи, сделавшая из ореховой кожуры бара-

бан. Сирокко обучила их песням и определила, какими голосами им петь: у Габи было вполне приличное сопрано, у Билла – не различающий звуковых оттенков тенор.

Они распевали песни завсегдатаев пивных баров времен О'Нейла², песни из хит-парадов, из мультиков и старых кинофильмов. Одна из песен быстро стала их любимой – она соответствовала обстоятельствам, в которых они очутились. В ней говорилось о желтой кирпичной дороге и о удивительном колдуне Оз. Они горланили ее каждое утро, стоило им лишь продрать глаза. Они вопили все громче и громче, и лес эхом откликался на пронзительный крик.

Прошло несколько недель, прежде чем они достигли Офиона. Лишь дважды неожиданные происшествия нарушали однообразное, мирное путешествие. Первый инцидент приключился на третий день плавания: менее чем в пяти метрах от «Титаника» из воды появился длинный стебель с глазным яблоком на конце. Не было никакого сомнения, что это глаз, так же как это было в случае с цеппелином. Это был шар двадцати сантиметров в диаметре, он сидел на гибком зеленом щупальце, которое на первый взгляд казалось рукой с зелеными пальцами, которые держали глаз сзади. Сам по себе глаз светился изнутри зеленым светом, на нем ярко выделялся широкий зрачок. Заметив глаз, они начали отталкиваться шестами по направлению к берегу. Глаз без

---

² *О'Нейл* – Гут (Хью), граф Тирон (ок. 1540—1616), глава одного из крупных ирл. кланов; рук. антиангл. восстания 1595—1603 гг.

всяких эмоций, не проявляя никакого интереса продолжал пристально их рассматривать. Он никак не реагировал на их поспешное бегство. Две-три минуты он продолжал смотреть им вслед, затем исчез так же бесшумно, как и появился.

Единственное, что они могли сделать при этих обстоятельствах, так это дружно грести к берегу. Существо не пыталось напасть на них, но из этого нельзя было делать вывод, что оно ничего не предпримет в будущем. Но они не могли прервать свое путешествие только потому, что в реке водилась какая-то большая рыба.

Позже они снова встречали такие глаза и постепенно начали привыкать к ним. Они очень походили на перископы, вследствие чего Билл назвал их «Подводными лодками».

Когда случилось второе происшествие, то оно не застало их врасплох, так как они были морально готовы к нему: подобное они уже в свое время пережили. Это был обширный ревущий ветер, который Калвин окрестил «Плач Геи».

Перед тем, как добраться до берега в поисках убежища от жесточайшего ветра, они спрятались за подветренным бортом лодки. Сирокко не пряталась под деревья; у нее еще живо было воспоминание, как во время предыдущей бури летели с деревьев за землю огромные сучья.

Ветер яростно хлестал в лицо, низко над головой проносились рваные облака; в такой обстановке было тяжело осматриваться по сторонам, но Сирокко разглядела, что ураган пришел со стороны Океана. Он обрушился сверху. Облака

лавиной срывались с огромной спицы и неслись над замерзшим морем подобно морозному дыханию богини. Разбиваясь о ледяной покров, ветер превращался в смерчи, казавшиеся крошечными с такого огромного расстояния, но в действительности, они должны были быть чудовищными.

Сквозь стремительно мчащиеся к Гипериону облака были видны изогнутые под углом канаты, которые тянулись над Океаном от земли к небу. Если они и приходили в какое-то движение от ветра, то на таком далеком расстоянии этого нельзя было рассмотреть. Кроме того, канаты были скрыты плотным слоем тумана. Он медленно перемещался вниз в узкие углы, образованные канатами у основания, сливаясь с землей. Постепенно облака закрыли всю видимость и пошел снег. Вскоре заволновалась река, волны почти достигали вытянутый на берег «Титаник». Сирокко показалось, что она чувствует движение земли.

Она понимала, что видит в действии часть системы воздушного круговорота Геи, ей было интересно, каким образом воздух затягивается в спицу и что за механизм выталкивает его потом оттуда. Сирокко кроме того интересовало, почему этот процесс происходит так яростно. Если считать по часам Калвина, то со времени последнего «Плача Геи» прошло семнадцать дней; она надеялась на то, что следующий интервал будет, по крайней мере, не меньше.

Как и раньше, холод не продолжался более шести-семи часов и снег не долго продержался на земле. На этот раз они

перенесли непогоду легче – одежда, сшитая из парашютов, защищала гораздо лучше, чем это могло показаться на первый взгляд, она совершенно не пропускала ветер.

Тридцатый день их появления на Гее был отмечен двумя событиями: одно из них произошло, второе – нет.

Во-первых, они достигли слияния двух рек: Клио и могучего Офиона. К этому времени они находились далеко на юге Гипериона, на равном расстоянии между вертикально расположенным центральным канатом и вторым, находившемся южнее, оба они башнями возвышались перед ним.

Вода в Офионе была зелено-голубая, река эта была шире, чем Клио, и течение в ней было быстрее. Путешественников вынесло на середину, поначалу они были неосторожны, но измерив своими шестами глубину, они по прошествии некоторого времени решили, что могут безопасно продолжать свое плавание по середине реки. По размерам и скорости течения Офион напоминал Сирокко и Биллу Миссисипи, исключение составляла более буйная растительность и высокие деревья, растущие вдоль берегов. Земля была сплошными джунглями, но Офион был широким и глубоководным.

Сирокко была более озабочена тем, что не произошло, то, чего она ожидала каждый день. На протяжении двадцати двух лет менструация у нее была регулярной, как морские приливы и отливы, и вот эта-то регулярность была нарушена.

– Ты знаешь, что сегодня тридцатый день? – спросила Си-

рокко вечером у Габи.

– Разве? Я об этом не задумывалась, – нахмурилась Габи.

– Да. И это не просто задержка. У меня всегда было двадцать девять дней; иногда на день раньше, но никогда не позже.

– Ты знаешь, у меня тоже задержка.

– Я думала, что у тебя была.

– Боже, но это же немыслимо.

– Как ты предохранялась на «Властелине Колец»? Ты не забыла об этом?

– Обычно Калвин выдавал мне ежемесячно пилюли.

Сирокко вздохнула.

– Я всегда надеялась, что они не вполне надежны, что касается меня, то я не могу употреблять пилюли, у меня от них отеки. Я пользовалась постоянным противозачаточным резиновым колпачком и на «Властелине Колец» постоянно была с ним. Был он у меня и тогда, когда мы потерпели катастрофу. Мне не пришло в голову проверить, на месте ли он, пока... ну, а после того, как мы встретились с Август и Биллом, могло быть уже слишком поздно.

Она колебалась, обсуждать ли этот вопрос с Габи. Ни для кого не было секретом, что они занимались любовью с Биллом, как и то, что на «Титанике» для этого не было ни времени, ни места, да и Габи все время находилась поблизости.

– Как бы то ни было, а его не стало. Я полагаю, что его тоже съело существо, которое съело наши волосы. Между прочим,

при этой мысли у меня по коже бегут мурашки.

Габи поежилась.

– Но это мог быть и Билл. Сейчас я ни в чем не уверена.

Она встала и подошла к спящему на земле Биллу. Разбужив его, Сирокко подождала, пока он придет в себя и сказала.

– Билл, мы обе беременны.

Билл еще не окончательно проснулся. Сначала он непонимающе заморгал, потом нахмурился.

– Не надо так смотреть на меня. Даже тебе. Последний раз я был с Габи вскоре после того, как мы покинули Землю. А кроме того, я предохранялся.

– Я не это имела в виду, – успокоила Билла Сирокко.

– С Габи? Даже так? – подумала про себя Сирокко. Она не знала об этом и подумала, оказывается она знала не обо всем, что происходило на «Властелине Колец». – Определенно, продолжает происходить нечто очень странное. Кто-то или что-то играет с нами хорошую шутку, но мне что-то совершенно не смешно.

Калвин сдержал слово. Через два дня после того, как Сирокко позвала цеппелин, тот парил над головой и под его брюхом распускался голубой цветок парашюта странствующего хирурга. Следом за ним спускалась Август. Они приземлились в воду прямо около берега.

Сирокко вынуждена была признать, что выглядит Калвин хорошо. Он улыбался, походка у него была пружинистая. Он

искренне приветствовал всех и начал было тут же расспрашивать о путешествии, но Сирокко была слишком встревожена и хотела сразу же выслушать его мнение о сложившейся ситуации. Еще задолго до того, как она закончила свой рассказ, Калвин очень посерьезнел.

– А у тебя была менструация за то время, пока мы находились здесь? – спросил он у Август.

– Нет, не было.

– Уже тридцатый день, – сказала Сирокко. – У тебя такое бывало?

Увидев широко открытые глаза девушки, Сирокко уточнила свой вопрос:

– Когда у тебя последний раз были половые сношения с женщиной?

– Никогда.

– Так я и думала.

Какое-то время Калвин сидел молча, обдумывая полученную информацию. После этого он нахмурился еще сильнее.

– Что я могу сказать? Все вы знаете, что у женщин могут быть задержки по разным причинам. У спортсменок это обычное явление, хотя мы не знаем точно, почему это происходит. Причиной также может быть стресс, как эмоциональный, так и физический. Но по моему мнению, такая причина как стресс маловероятна для всех троих одновременно.

– Я склонна согласиться с тобой, – сказала Сирокко.

– Причиной может быть и диета. Нет способа узнать это.

Я могу сказать также, что у всех вас троих... и у Апрель, может происходить процесс конвергенции.

– Что это такое? – спросила Габи.

– Это иногда случается с женщинами, живущими вместе, например, на космическом корабле, где они тесно общаются. Определенные гормональные сигналы имеют тенденцию синхронизировать их менструации. Апрель и Август постоянно общались между собой на протяжении длительного времени, Сирокко только непродолжительное время находилась вне круга их общения. Габи, ты сама всегда была равнодушна к сексу, как ты помнишь.

– Я никогда не придавала ему большого значения, – сказала Габи.

– Да, так было. Но я не могу знать, произошли ли здесь какие-то изменения. Я только строю предположения из того, что здесь произошло. Есть вероятность, что у всех вас просто задержка.

– Есть такая вероятность, что нас всех обрюхатили, и я содрогаюсь при мысли о том, кто может быть отцом, – кисло сказала Сирокко.

– Да это просто невозможно, – возразил Калвин. – Если ты имеешь в виду, что существо, которое съело нас, сделало это... это непостижимо. Даже на Земле не существует животного, способного оплодотворить человека. Ты можешь сказать, как оно могло это сделать?

– Я не знаю, – сказала Сирокко. – Я не знаю, что оно из

себя представляет. Но я убеждена, что оно проникло к нам внутрь и сделало что-то, что представляется для него совершенно приемлемым и естественным, но недоступно нашему пониманию. И мне все это совершенно не нравится, и мы должны знать, что нам следует делать, если мы беременны.

Калвин потер густые завитки на своем подбородке, затем слабо улыбнулся.

– В медицинском институте меня не учили, что следует делать при непорочном зачатии.

– Мне не до шуток!

– Извини. Ты и Габи, во всяком случае, не девственницы. – Он недоуменно покачал головой.

– Надо немедленно что-то предпринять, – сказала Габи. – Нам не нужны эти младенцы или какая другая чертовщина.

– Послушай, а почему не подождать еще тридцать дней, прежде чем начать волноваться? Если у вас не наступит вторая менструация, то дайте мне об этом знать.

– Мне бы хотелось покончить с этим сейчас, – сказала Си-рокко.

В первый раз Калвин выглядел расстроенным.

– Я никогда не занимался этим. Это слишком рискованно. У меня нет стерильного инструмента, расширителя, зеркала и думать, что все это можно смастерить на скорую руку и расширять с помощью этого инструмента шейку матки – равносильно ночному кошмару.

– Я и так чувствую себя как при ночном кошмаре при мыс-

ли, что растет в моем животе, – хмуро сказала Сирокко. –
Калвин, я не хочу сейчас даже человеческого младенца, не
говоря уже о том, что это может быть. Я хочу, чтобы ты сде-
лал операцию.

Габи и Август поддержали Сирокко, хотя Габи выглядела
при этом неважно.

– А я говорю вам, чтобы вы подождали еще месяц. Это
не имеет никакого значения. Операция будет все та же – на-
до будет соскабливать стенки матки. Но за этот месяц вы,
может быть, найдете способ разводить огонь и кипятить во-
ду. Мы сможем простерилизовать инструменты. Разве в этом
нет смысла? Я уверяю тебя, что смогу оперировать с наи-
меньшим риском только стерильным инструментом.

– Я просто хочу покончить с этим, – сказала Сирокко. –
Я не хочу, чтобы это существо находилось во мне.

– Капитан, успокойся. Сядь и спокойно обо всем подумай.
Если произойдет заражение, я буду бессилён. На востоке
раскинулась другая местность. Возможно, там вы найдете
огонь. Я тоже буду искать его. Когда ты позвала меня, я на-
ходился прямо над Мнемозиной. Там может находиться кто-
нибудь, кто пользуется инструментами и сможет изготовить
нам подходящий расширитель и зеркала.

– Ты опять покидаешь нас? – спросила Сирокко.

– Да, потом я расскажу обо всем, что видел.

– Я снова прошу тебя, не уходи, останься с нами.

– Прости меня, я не могу.

Что бы ни говорила Сирокко, на Калвина не действовали никакие доводы, он стоял на своем. Сирокко опять пришлось сдаться. Кроме того, ей еще после первого его ухода пришла в голову мысль, что с таким большим другом, как цеппелин, Калвин всегда будет в безопасности.

Калвин объявил, что несмотря на задержку у женщин, все в хорошем состоянии, здоровы. После этого он оставался с ними еще на протяжении нескольких часов, но, казалось, даже это короткое время тяготило его. Он рассказал им, что их ожидает в путешествии.

Океан – ужасное место – морозное и неприятное. Им надо миновать его как можно быстрее. Там внизу обитают человекоподобные существа, но цеппелин не опускался настолько низко, чтобы рассмотреть их. Они швыряют вверх камни из деревянных катапульт даже тогда, когда цеппелин находится сверху над ними на расстоянии километра. Калвин сказал, что по очертанию они похожи на людей, покрытых длинными белыми волосами. Они сначала стреляют, а потом уже задают вопросы. Он назвал их йети.

– Мнемозина – это пустыня, – рассказывал Калвин. – Она выглядит несколько странной, так как дюны на ней гораздо выше, чем на Земле. Очевидно, это из-за низкой гравитации. На некотором расстоянии видна растительность. Когда мы опускались ниже, я видел небольших животных и что-то похожее на руины города и несколько небольших поселков.

Видел возвышающиеся на скале рассыпающиеся шпидли, которые тысячи лет назад могли венчать крыши укрепленных замков. Для того, чтобы возвести их в таком неприступном месте, должно было потребоваться сотни лет тяжелой работы кули или же достаточно хорошие вертолеты.

– Я думаю, – сказал Калвин, – что здесь произошло что-то нехорошее. Все превращается в пыль. Мнемозина могла выглядеть когда-то так, как эта местность, но сейчас берега реки пустынной, из песка торчат засохшие остовы деревьев. Что-то изменило здесь весь климат или снесло все строения с лица земли.

– По-видимому, это тот червяк, которого мы видели. Цеппелин говорит, что это был один из них. Мнемозина слишком большая для одного. Если их было двое, то они боролись до конца и победили. Это произошло много лет назад. Теперь здесь остался только червяк дедушка. Он настолько огромен, что в состоянии съесть цеппелин как оливку.

Сирокко Билл одновременно подняли на Калвина взгляд, как только он упомянул про гигантских червей.

– Я никогда не видел его целиком, но не удивлюсь, если он окажется двадцать километров длинной. Это попросту большая, длинная труба с отверстиями с двух сторон, отверстия такие же огромные, как и этот дьявольский червь. Он делится на сегменты и тело выглядит твердым, словно покрытое броней. Пасть у него похожа на пилу, зубы расположены как на внутренней, так и на наружной стороне. Он находится под

песком, но иногда недостаточно глубоко и время от времени выходит на поверхность. Мы наблюдали его в одно из таких появлений на поверхности.

– Подобный червь описывался в одной из книг, – сказал Билл.

– И про него снят фильм, – добавила Сирокко, – он называется «Дюна».

Калвин казался раздраженным, что его перебили, он оглянулся чтобы посмотреть, находится ли поблизости цеппелин.

– Так или иначе, – сказал он, – меня интересовало, не червь ли является причиной теперешнего бедственного положения вида Мнемозины. Можете представить, что он мог сделать с корнями деревьев? За пару лет он мог разрушить всю территорию. Деревья умирают, довольно скоро пропадет вся почва, вода больше не сможет удерживаться на поверхности и вся уйдет под землю. Вы знаете, что так и должно случиться; Офион протекает через Мнемозину. Вы могли видеть, где она исчезала, и где появилась опять. Течение не прерывается, но Мнемозине от этого не легче.

– Я думал о том, что тот, кто планировал создание этой местности, не мог поместить здесь ничего подобного этому червю. Он, должно быть, не любит темноты, иначе он отправился бы прямо через Океан и уничтожил бы все. Я думаю, что это просто счастье, что этого не произошло, но это не может продолжаться долго. Это существо является мутантом,

а из этого следует, что никто из окружающих не может не убить, не изгнать его. Я боюсь, что строители тоже вымрут или вернуться в дикое состояние, как в тех историях, что вы, Билл, рассказывали нам.

– Да, это возможно, – согласился с ним Билл.

Сирокко фыркнула.

– Конечно, это может быть. Также возможно и то, что вы придаете слишком большое значение этому червяку. Может быть здешние люди любят червяков и не могли перенести разлуку с ними. А он рос и рос, пока ему не потребовался большой дом, и они отдали ему Мнемозину. Как бы там ни было, мы все еще пытаемся добраться до ступицы.

– Да, это так, – согласился Калвин. – Я собираюсь облететь вокруг обода колеса и посмотреть, кто там внизу еще остался жив. Строители с их высокой технологией в состоянии создать радио. Если это действительно так, я скажу вам об этом и вы, люди, сможете свободно отправиться домой.

– Вы, люди? – переспросила Сирокко, – Продолжай, Калвин. Мы попали сюда все вместе. То, что ты не хочешь быть здесь вместе с нами, еще не означает, что мы оставим тебя здесь.

Калвин насупился и не сказал больше ни слова.

Перед отправлением Калвин выбросил несколько привязанных к парашютам улыбчивых. Он использовал их как груз для доставки самих парашютов, так как парашютная ткань

была самым полезным предметом из тех, которые им удалось пока найти.

Габи тщательно сложила парашюты, обещая себе, что она оденет Сирокко как королеву. Сирокко покорила этому. Это делало Габи счастливой.

«Титаник» снова спустили на воду, на этот раз с новой целью. Надо было войти в контакт с племенами, достаточно продвинутыми в своем развитии, чтобы помочь путешественникам с антисептической хирургией или же найти способ добычи огня, и сделать это надо было как можно скорее. Существо в ее животе не ждало.

В последующие дни Сирокко много думала об этом. Отвращение внутри ее было подобно сжатому кулаку. В основном это отвращение было направлено против неизвестного зверя, поместившего в нее свое семя.

А кроме того, она в любом случае была настроена на аборт, даже если бы плод в ее утробе был человеческий. Она не имела ничего против идеи материнства вообще; она планировала стать матерью когда уйдет из НАСА, в возрасте сорока – сорока пяти лет. В ее распоряжении была дюжина замороженных клеток, готовых к оплодотворению и имплантации, ожидающих, пока она почувствует, что готова родить. Это была обычная среди астронавтов и даже лунян и колонистов L5 предосторожность – защита против враждебного воздействия радиации на воспроизводительную биологическую ткань. Сирокко планировала вырастить девочку и

мальчика до того, как совсем состарится, чтобы быть им бабушкой.

Но она должна была выбрать для этого время. Она должна контролировать свои воспроизводящие органы на тот случай, если отцом ребенка мог стать человек и любовник, или бесформенный монстр из недр Геи. А кроме того, Гея вообще не место для вынашивания ребенка, ей еще необходимо сделать много дел и попытка заиметь ребенка нигде не встретила бы столько проблем, сколько здесь. Она окончательно и бесповоротно намерена выбросить из себя это существо.

Глава 11

Поддерживающие канаты были расположены в пять рядов, по пятнадцать кабелей в каждом ряду, три ряда стояли в стороне.

К наступлению каждой ночи в регионе имели отношение пятнадцать канатов. Каждые пять вертикальных канатов ряда тянулись вверх в рупорообразное отверстие в крыше являвшегося внутренней частью одной из спиц колеса Геи. Два из них опускались к земной поверхности в горной местности и были, в сущности, частью стены, один северной, а другой южной. Один появлялся на полпути между самыми удаленными канатами, два других были расположены на равном расстоянии между центральным и крайним канатами.

Дополнительно к этим центральным канатам, в ночном регионе имелось еще два ряда по пять канатов в каждом, радиально расходящихся от спиц, но они были связаны с дневной территорией, один ряд был отклонен на двадцать градусов на восток, а другой – на двадцать градусов на запад от отношения к центральному ряду. Спица над Океаном, например, направляла канаты в Мнемозину и Гиперион. Комплект из пяти канатов поддерживал участок земной поверхности равного более сорока градусов окружности Геи.

Канаты, которые тянулись из дневного света через зону полумрака и в ночь образовывали с земной поверхностью

острый угол, по мере набора высоты этот угол все увеличивался, пока не достигал семидесяти градусов в точке соединения с крышей.

Затем следовали ряды, состоящие из трех канатов, относящиеся исключительно к дневной территории. Эти канаты были вертикальными, они поднимались прямо вверх, пока не пронизывали крышу и не выходили в пространство. Команда «Титаника» приближалась к среднему ряду из трех канатов, расположенных в Гиперионе.

С каждым днем, по мере приближения, он становился все более величественным и устрашающим. Даже когда они были на месте стоянки Билла, он, казалось, нависал над ними. Наклон сейчас увеличивался еще сильнее, но кроме того, все это еще и выросло в размере. На это невозможно было смотреть, сознавая, что только одна из этих колонн составляет пять километров в диаметре и сто двадцать километров в высоту. А она была не одна.

У основания канатов-колонн Офион делал большую петлю, направляясь на юг, затем продолжая свой путь в северном направлении, постепенно возвращаясь к своему восточному направлению. Эту особенность течения реки они увидели, находясь еще на значительном расстоянии от канатов. Что было неприятным во время путешествия по Гее, так это то, что ландшафт хорошо просматривался на большом расстоянии и это вводило в заблуждение относительно расстояния. Чем ближе они приближались, тем более определенные

черты приобретала перспектива, пока, наконец, не приобрела свой естественный вид. Местность, по которой протекало их путешествие, выглядела такой же плоской, как и Земля. Лишь далеко впереди она начинала изгибаться.

– Ты не хочешь еще раз объяснить мне, зачем мы это делаем? – прокричала Габи сидящей впереди Сирокко. – Я не совсем это поняла.

Путешествие к спице было тяжелее, чем они того ожидали. До этого они плыли по реке, пролегающей через джунгли. Они путешествовали как по шоссе. Теперь же Сирокко осознала настоящее значение слова «непроходимый». Земля была покрыта почти сплошной стеной зарослей, а их единственным орудием были заостренные кольца шлема. Как бы усугубляя их трудности, по мере их приближения к канату земля все время поднималась.

– Не ворчи, – ответила Сирокко Габи. – Ты же знаешь, нам необходимо сделать это. Скоро должно стать легче.

К этому времени они кое-что узнали. Наиболее важным из этого было то, что канат в самом деле был сплетен из отдельных прядей. Этим прядей было около двухсот, каждая из которых была хороших двести метров в диаметре.

Пряди были плотно сплетены в большей части длины каната, но в полукилометре от земли они начинали расходиться и встречались с землей уже отдельными прядями. Основание каната превращалось вместо одной громадной башни в целый лес башен.

Наиболее интересным было то, что несколько прядей было сломано, были видны болтающиеся вверху две дальние пряди с закрученными расщепленными концами, как на рекламе шампуня. Прорвавшись на открытое пространство, Сирокко увидела, что сделанные из шершавого материала канаты прикрепляются концами к чему-то, находящемуся под почвой и натягиваются. Каждая прядь каната выходила из конуса, конуса были присыпаны песком. Между наружными прядями можно было рассмотреть лес других прядей, который постепенно уменьшаясь тянулся в темноту.

Земля между ними и канатом была покрыта песком с огромными, разбросанными по всей поверхности валунами. Песок был красно-желтого цвета, камни были с острыми краями, частично они были изъедены эрозией. Создавалось впечатление, что их яростно повырывали из земли.

Билл запрокинул назад голову, следя взглядом за канатом и переведя затем взгляд на сверкающую полупрозрачную крышу.

– Боже мой, вот это вид! – выдохнул он.

– Подумай, как на это должны смотреть аборигены, – сказала Габи. – Протянутые из неба канаты, поддерживающие мир.

Сирокко прикрыла глаза.

– Не интересно, что они думают о живущей там наверху богине, – сказала она. – Подумай о хозяине марионеток, который дергает за все веревки.

Когда они начали карабкаться вверх по склону, земля оказалась твердой, но чем выше они поднимались, тем больше начинали скользить. Здесь ничего не росло, не за что было ухватиться. Склон был песчаный – сухой внизу и влажный выше. Он был покрыт коркой, под их ногами эта корка раскалывалась на непрочные движущиеся пластины, которые неслись позади них.

Сирокко шла впереди всех, полная решимости добраться до пряди самостоятельно, но не задолго до цели она скатилась вниз на то же расстояние, которое с таким трудом преодолела, она находилась всего в двухстах метрах от вершины. Билл и Габи попятились и наблюдали за ее попыткой зацепиться за сыпучий песок. Это было бесполезно. Она упала лицом вниз и покатилась назад. Сирокко приподнялась и свирепо посмотрела на канат, который, казалось, дразнил своей близостью.

– Почему я? – спросила она, ударив кулаком по земле. Она выплюнула изо рта песок.

Сирокко встала, но ее ноги опять заскользили. Габи протянула ей руку и Билл чуть не упал на них сверху, когда попытался помочь. Они потеряли еще метр.

– Ну все, хватит, – устало сказала Сирокко. – Но я все же хочу осмотреться вокруг. Кто-нибудь со мной пойдет?

Никто не проявил особого энтузиазма, но они безропотно последовали за Сирокко вниз по склону и вошли в лес, образованный прядями каната. Вокруг основания каждой пря-

ди была насыпана своя куча песка. Они с трудом пробирались по извилистой тропе между этими кучами. У основания громадных холмов на плотном песке росла жесткая, ломкая трава.

По мере того, как они продвигались вперед, становилось темнее, темнее и намного тише, чем было на протяжении нескольких недель их путешествия по реке. Где-то вдалеке слышалось завывание, похожее на завывание ветра в заброшенном доме, а высоко над головой перезвон качающихся на ветру колокольчиков. Они слышали звуки своих собственных шагов, скрип песка под ногами, слышали дыхание друг друга.

Невозможно было избавиться от ощущения, что находишься в кафедральном соборе. Сирокко видела подобное место среди огромных секвой в Калифорнии. Там было больше зелени, не так тихо, но было такое же спокойствие и ощущение затерянности в огромном, равнодушном мире. Она знала, что если бы увидела паутину, то бежала бы не останавливаясь, пока не достигла бы дневного света.

Они начали замечать, что у них над головами висит что-то вроде обрывков гобелена. Они были неподвижны в застывшем мертвом воздухе и казались иллюзорными в сумрачном свете высоко над головой. На них скопилось порядочно пыли, которая маленькими водоворотами крутилась вокруг них, поднимаемая легчайшим ветерком.

Габи легонько коснулась руки Сирокко. Сирокко под-

прыгнула от неожиданности, потом посмотрела, куда показывала Габи.

На одной стороне пряди, метрах в пятидесяти над песчаным холмом, было что-то прицеплено. Сначала Сирокко подумала, что это «что-то» держится на выступе, затем предположила, что это может быть какой-нибудь вид растительности.

– Как морская уточка³, – сказал Билл.

– Или целая колония их, – прошептала Габи, потом нервно закашлялась и снова повторила то же самое.

Сирокко понимала, что чувствует девушка; казалось, что они здесь обязаны говорить шепотом.

– Это напоминает мне скалу в Аризоне, – покачив головой, сказала Сирокко.

Несколькими минутами позже они обнаружили еще такие же места, большинство из них были расположены гораздо выше и были более отчетливыми. Было это чье-то пристанище, или же были паразиты? Этого невозможно было сказать.

Сирокко напоследок еще раз огляделась вокруг, и ей показалось, что она что-то видит вдаль, прямо на границе сплошной темноты.

Это было строение. Вскоре она поняла, что это руины. Вокруг было нанесено порядочно песка.

---

³ *Морские уточки* – подотряд усконогих ракообразных. Тело покрыто двухстворчатой раковиной, прикрепляется стебельком к плавающим предметам. Согласно средневековой легенде, птицы превращаются в этих ракообразных. Отсюда название.

Тот факт, что они нашли нечто похожее на творение человеческих рук, подействовало на них почти ободряюще. Строение своими размерами походило на самый маленький дом в индейских поселениях в Колорадо, он и в самом деле был похож на такой дом. Он состоял как бы из трех ярусов, на каждом ярусе была шестиугольная комната без видимых дверных проемов, комнаты располагались одна над другой и каждая последующая была чуть больше находящейся под ней. Сирокко подошла поближе и коснулась рукой стены. Это был прохладный камень, камни были вырезаны, обтесаны и подогнаны друг к другу без применения цемента, так делали кладку Инки.

Рассмотрев дом поближе, Сирокко обнаружила, что ярусов в самом деле было пять, но два нижних были гораздо меньше верхних, которые она видела с расстояния, сложены они были из меньших камней. Сирокко отмела в сторону песок от основания стены и увидела шестой, а затем и седьмой ярусы, каждый из них был все меньше находившегося сверху.

– Что ты об этом думаешь? – спросила Сирокко Билла, который стоял рядом, опустившись на колени, пока она рыла песок.

– Станный способ строительства.

Сирокко продолжала рыть глубже, но вскоре песок начал осыпаться в вырытую яму с такой же скоростью, с какой она выкапывала его оттуда. Комната нижнего яруса, который она

откопала, была не более полуметра в высоту и столько же в ширину, камни в кладке были величиной с кирпич.

Они обошли вокруг строения и нашли место, в котором оно разрушилось. Массивные камни, расположенные наверху, раздавили более мелкие, лежавшие снизу. Одна комната была не разрушена, но у нее отсутствовала стена. Внутри они не обнаружили никаких дверей, снаружи тоже не было ничего похожего на вход в дом.

– Почему здесь нет дверей?

– По-видимому, они заходили снизу, – высказала предположение Габи.

– Без бульдозера мы никогда об этом не узнаем. Сирокко подумала о снаряжении, которым был оборудован опускаемый аппарат космического корабля и вздрогнула, опять вспомнив обломки своего корабля и крушение в космосе.

– Интересно, какое отношение имеет эта постройка к канату? – сказал Билл. – Интересно, был он построен для обслуживания рабочих, или возведен позже, после того, как все начало рушиться?

– Мы должны придти к выводу, что существа, построившие все это, уничтожены? – приподняв брови спросила Сирокко.

– Ты что, не видишь, указал рукой Билл, – что дом не ремонтируется. Ты видела оборванные пряди канатов...

Сирокко знала, что в словах Билла есть резон. Из темноты ниже каната поднимались зловонные испарения от забро-

шенного разлагающегося хлама. Это был затхлый тяжелый запах костей или еще чего-то.

Но даже в упадке Гея была прекрасной. Воздух был свежим, вода чистой. Правда, большие территории стали теперь пустыней или замороженной пустошью, и трудно было поверить, что так и было задумано. Кроме того, Сирокко чувствовала, что экологические системы будут разрушаться и в дальнейшем, если там наверху нет кого-то, контролирующего эти системы.

– Гея неуправляемая, – сказала Габи, как бы отвечая на мысли Сирокко. – Как по мне, то это строение выглядит довольно старым. Ему не меньше тысячи лет.

– У меня тоже такое ощущение, – согласился Билл с Габи.

– Я знаю кое-что о сложности биосистем, – продолжала Габи. – Гея больше, чем О'Нейл-1 и это делает ее более податливой. Но на протяжении нескольких столетий живые существа без регулирования погибают. Но они не погибают полностью.

– Это могут быть роботы, – сказал Билл.

– Мне это подходит, – сказала Сирокко. – Если за этим стоит разум, я вступлю с ним в контакт и попрошу о помощи. С компьютером дело иметь легче.

Билл, который начитался научной фантастики, мог выдвинуть кучу теорий относительно Геи. В одной из них бедственные изменения, произошедшие на Гее он относил на счет пришельцев, которые убили достаточное количество

строителей, чтобы оставить Гею в руках роботов.

– Клянусь, что она брошена, – говорил им Билл, – точно так же, как корабль из романа Хайнлайна «Пасынки Вселенной». Люди покинули Гею тысячи лет назад. Корабельный компьютер вывел ее на орбиту Сатурна, отключил двигатели и до сих пор производит кругооборот воздуха и ожидает дальнейших указаний.

Они изменили маршрут, сделав это отчасти из-за того, что невозможно было сказать, как им взбираться дальше. Сирокко не волновалась, так как пока они шли по направлению к свету, все было в порядке. Они вышли к солнечному свету гораздо севернее того места, откуда они вошли в сумрачную зону. Только теперь они заметили кое-что, скрытое до того от них самим канатом. Это была лежащая на земле оторванная прядь каната.

Сначала Сирокко подумала, что это гигантский песчаный червь, о котором рассказывал Калвин. Прядь была похожа на живое существо сверкающее в желтом свете. Сирокко вспомнила бразильские трубопроводы, которые она видела на тренировках по выживанию: огромные серебряные трубы, прорезавшие тропический лес, как будто это было ничтожное препятствие.

Во время падения огромная прядь расчистила себе место, повалив высочайшие деревья, безжалостно круша все на своем пути. За время, прошедшее после падения, джунгли

вплотную подступили к ней, но огромная масса до сих пор выглядела так, будто готова была в любой момент встать и отряхнуть с себя обвивший ее дикий виноград, как спички разбросать деревья.

Пятьюстами метрами выше от каната был отогнут мощный верхний конец пряди, конец у него был зазубрен. Сквозь блестящее отверстие была видна внутренняя часть отсвечивающаяся сине-зеленой медью. На обрубке выросли серые пятна, похожие на покрытый плесенью хлеб, из ее нижней части на подступившую вплотную разросшуюся из лесу растительность стекала вода. Шум воды был изрядный, но вытекая из огромной, искривленной пряди, она выглядела не чем большим, как капелью из сломанной трубы.

Подойдя поближе к упавшей пряди, они увидели, что она состоит из множества шестиугольных граней, которые были всего несколько миллиметров в ширину, из-под поверхности проглядывали золотые прожилки. Они были похожи на тусклые зеркальные отражения глаз огромных насекомых.

Они спустились с холма и углубились в джунгли, чтобы рассмотреть другой конец оборванной пряди, но вокруг нее выросло столько кустарника и дикого винограда, что подойти к отверстию было невозможно.

– Что бы там ни находилось внутри, растениям оно нравится, – сказала???

Сирокко промолчала. Продолжающееся состояние распада действовало угнетающе. Открытый конец пряди каната

был таким громадным, что сквозь него спокойно мог пролететь «Властелин Колец». Это был малый масштаб Геи, всего лишь одна двухсотая часть одного каната. И этот чудовищный по своей величине обломок скоро должен был превратиться в труху. Когда он оторвался от каната, вся поверхность Геи должна была содрогнуться.

И никто ничем не мог помочь.

Сирокко ничего не сказала, но было невыносимо тяжело смотреть на эти останки и чувствовать, что кто-то все еще следит за машинами.

Глава 12

Два дня спустя после того, как они нашли и исследовали внутреннюю часть каната, команда «Титаника» выбралась из тропического леса. Там где находился канат, поверхность была холмистая, но когда они миновали территорию, прилегающую к канату, земля стала гладкой как бильярдный стол и Офион растянулся на многие километры в обоих направлениях. Наверное, нигде больше не существовало такой длинной береговой линии. Единственным признаком окончания реки и начала болотистой местности была вкоренившаяся в дно высокая трава да встречающиеся время от времени грязевые наносы метровой высоты. Водная поверхность раскинулась во все стороны, редко где глубина была более десяти сантиметров; исключение составляли извилистые лабиринты низин, заполняемых приливом, заболоченных рукавов реки, небольшие бухты и заводи. Вода здесь была чистой и большие угри и одноглазые ильные рыбы размером с гипопотама выдолбили дно поглубже.

Деревья здесь были трех видов, они росли разбросанными группами. Внимание Сирокко привлекли деревья, выглядевшие как стеклянные изваяния, у них были прямые прозрачные стволы и систематически расположенные ветви в хрустальном оформлении. Самые маленькие ветви были как волосок в лампе накаливания, который мог быть использован

в волоконной оптике. Порывы ветра обламывали самые слабые веточки. Обмотав их с одной стороны парашютной тканью, можно было получить отличные ножи. При малейшем движении волокна на деревьях сверкали, Габи называла эти деревья рождественскими елками.

Два других вида понравились Сирокко меньше. Одно крупное растение, было бы ошибкой назвать его деревом, хотя своими размерами этот вид походил на деревья – напоминало кучу, которую можно видеть на скотоводческом ранчо. Билл назвал эти растения навозными деревьями. Подойдя поближе, можно было рассмотреть внутреннюю структуру этих деревьев, но никому не захотелось этого сделать, так как запах, исходящий от деревьев слишком напоминал то, на что они были похожи.

Были тут еще и деревья, которые лучше было рассматривать по частям. Было в них одновременно что-то от кипарисов и от ив, все это было беспорядочно переплетено гирляндами ползучих растений, изнуряющих деревья, на которых они паразитировали.

Это делало их путь более неприятным, чем это было в высокогорье. Там джунгли мало чем отличались от тех, которые находились у Амазонки или Конго. Здесь же все было иначе, все было искажено и несло угрозу.

Стоянка была невозможна. Они начинали привязывать лодку к деревьям и спать прямо в ней. Каждые десять-двенадцать часов шел дождь. Они сделали из парашютной ткани

навес над носом лодки, но вода все равно натекала в лодку и на дне образовывались лужи. Вода была теплой, но влажность была настолько высокая, что ничего не сохло.

От постоянной грязи, жары, сырости и пота они становились все раздражительнее. Они недосыпали, часто не спали и половину того, что было необходимо, просыпаясь раньше времени из-за тесноты на скользком дне «Титаника».

Сирокко проснулась в разгар привидевшегося ей кошмара, какое-то мгновение она была не в состоянии дышать. Она села, почувствовала, что тело ее покрывает липкая испарина.

Габи кивнула ей и продолжала смотреть на реку.

– Роки, – спросил Билл, – что бы тебе хотелось...

– Нет, нет, – предостерегающе подняла она руки, – Черт возьми, я ужасно хочу кофе! Я бы убила за чашечку кофе!

Габи улыбнулась, но улыбка выглядела натянутой. Они уже изучили Сирокко и знали, что она начинает заводиться.

– Ничего смешного. – Она уныло смотрела на землю, которая выглядела такой разрушающейся и приходящей в упадок, как и ее настроение.

– Подожди еще немного перед тем, как начать задавать мне вопросы, – сказала Сирокко Биллу. Она стащила с себя прилипшую к телу одежду и прыгнула в воду.

Стало легче, но не намного.

Она держалась за борт лодки и подпрыгивала в воде, мечтая о кусочке мыла. Но тут ее ноги коснулись чего-то скользкого. Она не стала выяснять что это могло быть, а подтянув-

шлись за борт, забралась в лодку, стекая с нее, вода образовала лужицы у ее ног.

– Ну, а теперь говори, что ты хотел у меня спросить.

Билл указал рукой в сторону северного берега. – Вот там мы видели дым. Ты и сама можешь увидеть его сейчас, это левее вон той группы деревьев.

Сирокко оперлась о край борта и посмотрела в ту сторону, куда показывал Билл: на фоне далекой северной стены вырисовывалась серая полоска.

– Давайте пристанем к берегу и посмотрим, что это может быть.

Это был длинный, изнурительный путь по колено в грязи и стоячей воде. Билл шел впереди. Они заволновались, когда обошли большое навозное дерево, закрывавшее вид. Сирокко заметила дымок над самым вонючим деревом и скользя по земле устремилась вперед.

Когда они вышли к огню, начался дождь. Он был не сильным, но и огонь был небольшим. Казалось, он состоял из одной сажки, следы от которой оставляли их ноги.

Огонь неравномерно покрывал площадь величиной с квадратный гектометр, судорожно тлея по краям. По мере того как шел дождь, серый дым стал превращаться в белый. Затем языки пламени начали лизать нижнюю часть кустарника, расположенного в нескольких метрах.

– Найдите что-то сухое, – приказала Сирокко. – Все равно, что. Немного этой болотной травы и прутьев. Поживей, а то

мы упустим его!

Билл и Габи бросились в разных направлениях, в то время как Сирокко стала перед кустарником на колени и начала раздувать огонь. Она не обращала внимания на евший глаза дым и дула, пока не закружилась голова.

Вскоре около нее была уже внушительная горка сухого дерева. Наконец Сирокко смогла откинуться назад и передохнуть, она была уверена, что огонь уже не загаснет. Это была маленькая победа, но весила она очень много.

Когда дождь прекратился, пламя все еще разгоралось.

Теперь проблема состояла в том, как сохранить этот огонь.

Они обсуждали ее на протяжении нескольких часов, пытаясь найти решение и отменяя одно за другим возникающие предложения.

Поиск решения задачи занял остаток дня и значительную часть следующего. Они сделали из болотной глины два шара, хорошенько обожгли их, затем насушили большое количество наиболее медленно горящего дерева. Когда все было готово, они разожгли в каждом из шаров небольшой огонь. Благоразумие подсказывало иметь запасной огонь. Кто-то должен был постоянно поддерживать пламя: пока не будет найдено лучшее решение, необходимо было сохранять огонь таким трудоемким образом.

Пока они возились с этой работой, подошло время сна. Сирокко хотела сначала испытать новые приспособления

для того, чтобы подсушить землю, она не верила, что с их помощью они разведут костер. Но Билл предложил в первую очередь добыть дичь.

– Мне уже изрядно надоели эти дыни, – сказал он, – последняя, которую я ел, была прогорклая.

– Да, но здесь нет улыбчивых, за все эти дни я не видела ни одного.

– Значит, нам надо пристукнуть еще что-то. Нам необходимо мясо.

Они и в самом деле питались не важно. На болоте не было такого изобилия фруктов, которое они встречали в лесу. От одного растущего здесь похожего на манго растения, которое они попробовали, у них начался понос. На лодке это было подобно аду. После этого они полагались только на имеющиеся запасы провизии.

Они пришли к выводу, что наиболее подходящей добычей будет большая ильная рыба. Как и все животные, которых они встречали на Гее, рыба практически не обращала на них внимания. Все остальное в реке было или слишком маленьким и быстрым, или слишком большим, как, например, гигантский угорь.

Ильная рыба любила сидеть зарывшись мордой в ил, шевеля выставленным наружу хвостом.

Вскоре Сирокко, Габи и Билл окружили одну из таких рыб. Впервые они видели ее с такого близкого расстояния. Сирокко никогда не приводилось встречать более уродливое

создание. Она была три метра в длину, плашмя лежала на дне, от середины ее тупорылой морды до опасного на вид хвостового плавника тянулась выпуклость. Вдоль спины тянулся длинный серый гребень, он был мягкий и неплотный как гребень петуха, но в отличие от петушиного был покрыт слизью. Он ритмично раздувался и сплющивался.

– Ты уверен, что тебе хочется ее съесть?

– Если она достаточно долго не будет шевелиться.

Сирокко стояла в четырех метрах от рыбы, пока Габи и Билл подступали к ней с боков. У всех троих в руках были шпаги, сделанные из ветвей рождественской елки.

У ильной рыбы был один глаз величиной с блюдо для пирога. Один край глаза приподнялся, наблюдая за Биллом. Она издала звук, как будто принюхивалась. Билл замер.

– Билл, мне это не нравится.

– Не волнуйся, она мигает, видишь? – Из отверстия над глазом бьет струей поток жидкости, производя сопящий звук, который ты слышала. Эта жидкость поддерживает в глазе влажность. Никаких век.

– Ну, если это так... – Она махнула руками, и рыба перевела взгляд с Билла на нее. Сирокко не была уверена, что сделала лучше, но шагнула вперед, как будто была хозяином положения. Рыба отвела глаз в сторону, ей надоело все это.

Билл бросился вперед и вонзил свою шпагу в рыбину прямо позади глаза, навалиясь при этом на шпагу. Рыба двинулась и отскочила в сторону, как только Билл отпустил шпагу.

Ничего не произошло. Глаз больше не двигался и гребень на спине не раздувался. Сирокко расслабилась, Билл ухмыльнулся.

– Все произошло слишком легко, – сказал он. – Когда нам здесь бросят вызов? – взяв шпагу за рукоятку, он выдернул ее из рыбины. Ему на руки струей хлынула темная кровь. Рыбина изогнулась, коснулась мордой хвоста, затем взмахнула хвостом из стороны в сторону и вниз, прямо по голове Билла. Проворно зачерпнув неподвижное тело, она швырнула его в воздух.

Сирокко не увидела даже, куда он упал. Рыбина изогнулась опять, на этот раз балансируя на брюхе, в то время как морда и хвост ее находились в воздухе. Первое, что увидела Сирокко, так это пасть рыбы. Она была круглая, как минога, с двойным рядом зубов, которые вращались в разных направлениях и лязгали. Рыбина ударила хвостом по илу и бросилась на Сирокко.

Она нырнула прямо в ил, взрывая его подбородком, рыба бултыхнулась вслед за ней, изогнулась и подбросила пятьдесят килограмм ила в воздух, одним сумасшедшим ударом хвоста. Острый плавник срезал землю перед ее лицом и поднялся для второй попытки. Сирокко подхватила на четвереньки и все время скользя, попыталась подняться на ноги.

– Роки! Прыгай!

Сирокко прыгнула и едва не осталась без руки, когда рыбина снова ударила хвостом по земле.

– Держись, держись! Я иду за тобой!

Оглянувшись, Сирокко увидела лишь вращающиеся зубы. Она слышала только их лязганье. Это означало, что рыба хочет сожрать ее.

Она была по колени в болоте и с головой под водой, что было для нее не лучшим положением, но Сирокко пыталась увернуться от взмахов хвоста. Вскоре она ничего не видела от поднятого в воде ила. Сирокко поскользнулась и прежде чем она успела вскочить, хвост задел ее по голове. Сирокко была в сознании, но в ушах у нее звенело когда она перевернулась и нащупала свою шпагу. Ил уже начал засасывать ее. Рыбина находилась в метре от Сирокко, она изгибалась для прыжка, который сокрушил бы Сирокко. В это время появилась Габи, ее ноги едва касались земли. Она налетела на Сирокко так, что едва не вышибла у нее зубы, рыба прыгнула и они все втроем пробуксовали метра три по илу.

Сирокко смутно почувствовала под ногой скользкую влажную стену и лягнула по ней. Рыба опять ринулась на них, в то время как Габи тянула Сирокко, плывя сквозь взбаламученный ил. Наконец Габи выпустила Сирокко из рук и та, задыхаясь, высунула голову из воды.

Она увидела спину Габи, стоящую перед рыбиной. Рыба хлестала хвостом из стороны в сторону как раз на уровне шеи Габи, эти взмахи были смертельны как взмахи косой, но Габи поднимая вверх шпагу ловко увертывалась от ударов. Шпага была обломана почти до рукоятки, но острым кон-

цом Габи удалось отсечь порядочный кусок плавника. Рыбине это, по всей видимости, не понравилось. Габи опять прыгнула вперед, прямо к ужасным челюстям, и вскочила рыбе на спину. Она вонзила рукоятку шпаги прямо в ее глаз, но в отличие от резкого колющего удара Билла, она ударила с плеча, расплосовав рану. Рыбина сбросила Габи со спины, но теперь ее хвост беспорядочно бил по земле без определенного направления. Пока рыбина яростно колотила хвостом по илу, Габи выискивала место, куда бы теперь нанести удар.

– Габи! – закричала Сирокко, – пусть уходит, не надо рисковать, а то она еще прибьет тебя!

Габи оглянулась назад и поспешила к Сирокко.

– Пусть уходит. Ты можешь ходить?

– Конечно, я... – Земля поплыла у нее под ногами. Она ухватилась за рукав Габи, чтобы не упасть.

– Цепляйся за меня. Это чудище приближается.

У Сирокко не было возможности увидеть, что имеет в виду Габи, так как та подняла ее прежде чем Сирокко поняла, что случилось. Она была слишком слаба чтобы сопротивляться, когда Габи перекинула ее на плечи и понесла из болота.

Сирокко почувствовала как ее осторожно положили на траву и увидала над собой склоненное лицо Габи. Она нежно ощупывала голову Сирокко, по щекам у нее текли слезы, затем девушка припала к ее груди.

– Ой! – вздрогнула Сирокко от боли, – у меня наверное

сломано ребро.

– О, Боже! Это наверное случилось, когда я поднимала тебя? Прости, Роки, я...

Сирокко коснулась ее шеи. – Нет, чучело. Это случилось когда ты налетела на меня как танк. И я рада, что ты это сделала.

– Я хочу осмотреть твои глаза. Я думаю, ты...

– Нет времени. Помоги мне встать. Надо разыскать Билла.

– Сначала займемся тобой. Ляг на спину. Ты не должна...

Сирокко отбросила ее руку и резко попыталась встать, но у нее подкосились ноги и нахлынула тошнота.

– Видишь, что я имела в виду? Тебе надо спокойно лежать.

– Хорошо, – закашлявшись, сказала Сирокко. – Иди и найди его, Габи. Позаботься о нем. Принеси его сюда, живого.

– Дай я сперва осмотрю тебя...

– Иди!

Габи прикусила губу, оглянулась на рыбину, которая все еще билась вдали, у нее был вид мученицы. Затем она вскочила на ноги и побежала, как надеялась Сирокко, в правильном направлении.

Сирокко сидела, держась за живот, и тихо ругалась, пока не вернулась Габи.

– Он жив, – сказала Габи. – Он без сознания, думаю, что ранен.

– Насколько?

– У него кровь на ноге и на руках, впереди он тоже весь залит кровью. Частично это кровь рыбы.

– Я же сказала тебе, чтобы ты принесла его сюда, – проворчала Сирокко, пытаясь подавить новый приступ тошноты.

– Тс-с-с, – Габи успокаивающе провела ладонью по лбу Сирокко. – Я не могу этого сделать, пока не смастерю носилки. Во-первых, сначала я хочу отнести тебя в лодку и уложить тебя там. Помолчи! Если потребуется, я сделаю это насильно. Ты ведь не хочешь удара в челюсть, не так ли?

Сирокко почувствовала желание самой дать Габи в челюсть, но новый приступ тошноты заставил ее покориться. Она села и Габи подхватила ее на руки.

Сирокко представила себе, какую потешную картину они представляют: Габи, которая была в высоту сто пятьдесят сантиметров держит на руках ее, рост которой равен ста восьмидесяти пяти сантиметрам. При низкой гравитации Геи Габи должна была передвигаться осторожно, но вес проблемы не составлял.

Когда Сирокко закрыла глаза, голова стала кружиться меньше. Она положила голову на плечо Габи.

– Спасибо тебе за то, что спасла мне жизнь, – сказала она и потеряла сознание.

Она очнулась от пронзительного мужского крика. Она бы не хотела услышать подобный звук когда-либо еще.

Билл был в полубессознательном состоянии. Сирокко села и осторожно коснулась головы. Она все еще болела, но звон в ушах прошел.

– Подойди сюда и помоги мне, – сказала Габи, – нам надо перевернуть его, иначе он сам себя ранит.

Сирокко поспешила к Габи. – Как он?

– Его состояние и в самом деле паршивое. Сломана нога. Ребра, по всей вероятности, тоже, но при кашле крови нет.

– Что сломано?

– Малая берцовая или большая берцовая кость. Я не уверена, что именно. Я думала, что это просто рваная рана, пока не положила его на носилки. Когда я клала его, он начал сопротивляться и кость высунулась из раны.

– Боже мой.

– Но по крайней мере, он не потерял много крови.

Сирокко почувствовала как у нее опять сократился желудок когда она обследовала глубокую рваную рану на ноге Билла. Габи промывала ее прокипяченными тряпками из парашютной ткани. Каждый раз, когда она прикасалась к ране, Билл хрипло кричал.

– Что ты собираешься делать? – спросила Сирокко, смутно сознавая, что она должна не спрашивать, а сама говорить Габи, что следует делать.

Габи, казалось, была в отчаянии. – Я думаю, тебе следует позвать Калвина, – сказала она.

– А что толку? О, да, я конечно позову его. Но ты видела,

как долго мы ждали его в прошлый раз. Если Билл умрет, пока он появится здесь, я убью его!

– Тогда нам надо поставить кость на место.

– А ты знаешь, как это делается?

– Однажды я видела, – сказала Габи, – с анестезией.

– Что у нас есть, так это тряпье, которое, как я надеюсь стерильное. Я буду держать его за руки. – Подожди минутку. Она подошла к Биллу сбоку и, склонившись, посмотрела на него. Глаза его ничего не выражали, лоб, когда она коснулась его, был горячим.

– Билл! Послушай меня, Билл. Ты ранен.

– Роки?

– Да, это я. Все будет в порядке, но у тебя сломана нога. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – прошептал Билл и закрыл глаза.

– Билл, очнись, Билл! Мне нужна твоя помощь. Тебе надо потерпеть. Ты слышишь меня?

Билл поднял голову и посмотрел на свою ногу.

– Да, – сказал он, вытирая лицо грязной рукой. – Я потерплю, приступайте.

Сирокко кивнула Габи, которая сморщившись, дернула ногу.

Было предпринято три попытки, каждая из которых заставляла женщин содрогнуться. Во время второго рывка конец кости с влажным звуком высунулся из раны и заставил опять подскочить Сирокко. Билл терпел, дыхание со свистом

вырывалось из его груди, мышцы шеи напряглись как веревки, но он не издал ни звука.

– Вот так работа! – сказала Габи, когда все было кончено, и вдруг начала плакать.

Сирокко оставила ее в покое и начала накладывать на ногу Билла шину. Все это время он был без сознания. Сирокко встала и протянула окровавленные руки в сторону Габи. – Нам надо двигаться отсюда, – сказала она. – Здесь нехорошее место. Нам надо найти сухую стоянку и дожидаться, пока ему не станет лучше.

Его, наверное, не следует двигать.

– Ты права, – вздохнула Сирокко, но у нас нет выхода. На следующий день мы должны выбраться на более возвышенную местность, которую мы уже видели ранее. Давай двигаться.

Глава 13

Поиск нового места занял не один, а два дня и это были ужасные дни.

Они часто останавливались, чтобы простерилизовать бинты для Билла. Шары, которые они использовали для нагревания воды, были далеки от керамического горшка; шар расслаивался и готов был раствориться в воде, сама вода становилась мутной. Для того, чтобы вскипятить воду, уходил почти час, так давление на Гее было выше атмосферного.

Габи и Сирокко спали урывками, стараясь выбирать время когда река была широкая и спокойная. Но когда они вышли на опасное пространство, им необходимо было обеим стать настороже, чтобы не посадить лодку на мель. Регулярно продолжал идти дождь.

Билл спал и когда он впервые проснулся после двадцати четырехчасового беспробудного сна, он выглядел, по крайней мере, на пять лет постаревшим. Лицо его приобрело землистый оттенок. Когда Габи меняла повязку на ране, то она ей совершенно не нравилась. Нижняя часть ноги и большая часть ступни были почти вдвое меньше нормального размера.

Когда они отплыли от болота, он был в бреду, сильно потел, был весь в жару...

Рано утром следующего дня Сирокко позвала цеппелин,

в ответ тот просвистел ей:

– Ладно, я передам ему. Но Сирокко начала опасаться, что уже слишком поздно. Она наблюдала как цеппелин спокойно уплывает по направлению к замерзшему морю и казнила себя за то, что настояла покинуть лес. Если это даже было необходимо, то почему нельзя было проделать это на цеппелине, пролетев над всей этой территорией, на расстоянии от этого ужасного существа похожего на рыбу, которое они не сумели убить и которое чуть не погубило их всех, и неизвестно еще, что будет с Биллом?

Сейчас ее доводы были такими же вескими, как и тогда, когда они начинали свое путешествие к ступице, но это не мешало Сирокко винить себя. Габи не выносила полета на цеппелине, но они должны были найти выход. И выход этот должен был быть более приемлемым, она не имела права рисковать жизнями людей, Сирокко было тошно от чувства своей вины. Ей хотелось умереть, хотелось, чтобы кто-нибудь принял на себя ее ношу. Как могло прийти ей в голову, что она может быть капитаном? Что она совершила как капитан с тех пор как приняла командование «Властелина Колец»?

То, чего ей в самом деле хотелось, было незамысловато. Ей хотелось любви, обычной человеческой любви. Билл говорил, что любит ее; почему она не могла сказать ему то же самое? Она думала тогда, что когда-нибудь скажет ему это, но теперь он умирал, и она была за это ответственна.

Ей хотелось также приключений. Стремление к приключениям преследовало ее на протяжении всей жизни, начиная с первых комиксов, которые она прочитала, с первых документальных фильмов о космосе, которые она смотрела широко открыв детские глаза, поверх черно-белых на плоских экранах и полномасштабных цветных вестернов, которые она смотрела в кино. Ее никогда не покидала жажда совершить что-нибудь скандальное и героическое. Это стремление толкнуло ее от карьеры певицы, которую прочила ей ее мать, ей претила роль домашней хозяйки. Она хотела налететь на базу воздушных пиратов вооруженной сверкающим лазером, или пробираться сквозь джунгли с бандой свирепых революционеров для рейда на вражескую крепость, или в поисках чаши Грааля, или разрушения Смертельной Звезды. Со временем на место детских мечтаний пришла определенная цель – она усердно работала в колледже и тренировалась, чтобы быть лучшей, когда появится шанс; они должны будут выбрать ее для выполнения миссии по исследованию Сатурна. Но за всем этим, что привело ее на борт «Властелина Колец», стояла все та же жажда путешествий, желание увидеть незнакомые места, стремление делать то, чего никто до нее не делал.

Теперь она имела то, к чему стремилась. Она плыла вниз по реке в лодке-скорлупе, находясь внутри наиболее колоссальной структуры виденной когда-либо человеком, рядом умирал любимый ею человек.

Восточный Гиперион представлял из себя местность с плавными холмами и раскинувшимися равнинами, усеянными открытыми ветрам деревьями; все это напоминало африканскую саванну. Офион стал уже, течение стало стремительным, вода стала на удивление более холодной.

Пять или шесть километров они плыли положившись на волю течения, минуя нависшие над берегом низкие скалы. «Титаник» на большой скорости был неуправляемым. Сирокко ждала, когда река опять станет шире и высматривала место для остановки.

Наконец Сирокко нашла подходящее место и они потратили два часа, чтобы причалить к скалистому берегу, с помощью шестов и самодельных байдарочных весел борясь с бурным течением. И Сирокко и Габи были на грани изнеможения. Наиболее угрожающим было то, что в лодке не осталось провизии, а Восточный Гиперион не казался плодородной землей.

Они подтянули «Титаник» к берегу, скользя, вылезли на упавший сглаженный водой камень, предварительно убедившись, что это безопасно. Билл не осознавал, что его переносят, он уже долгое время не разговаривал.

Сирокко сидела рядом с Биллом, пока Габи спала мертвецким сном. Чтобы не уснуть, она обследовала место стоянки в радиусе сотни метров.

Метрах в двадцати от реки была невысокая насыпь. Сирокко взобралась на ее вершину.

Восточный Гиперион потрясающе подходил для фермерского хозяйства. Широко раскинувшиеся земли выглядели как канзасские желтые пшеничные поля. Это впечатление портили ржаво-красные участки, а также бледно-голубые перемешанные с оранжевыми. Все это слегка было подернуто рябью от небольшого ветерка, так колышутся высокие травы. Медленно проплывали тени, некоторые облака находились так низко, что образовывали над руслом реки полосу тумана, не проходящую даже при солнечном свете.

На востоке холмы тянулись в сумеречную зону Западной Реи, постепенно они приобретали зеленый цвет, должно быть это леса, затем зелень терялась в темноте и холмы превращались в сплошные каменистые горы. На западе земля выравнивалась, появлялись небольшие озера и болота, трясины – прибежища ильных рыб. Они сверкали как от солнечного света. Вдали виднелась более темная зелень тропических лесов, за которыми опять тянулись равнины, которые терялись из виду в полумраке Океана с его замерзшим морем.

Скользя взглядом по далеким холмам, Сирокко заметила группу животных, они казались черными точками на желтом фоне. По все вероятности, две или три точки были крупнее остальных.

Сирокко уже собиралась вернуться на стоянку, когда вдруг услышала музыку. Звуки были такими слабыми и далекими, что Сирокко сообразила, что слышит их уже на протя-

жении некоторого времени, не осознавая что это такое. Было похоже, что играет струнный инструмент, быстрые звуки сменялись протяжной нотой, музыка была мелодичная и светлая. Она навевала мысли о тихих, спокойных местах и душевном покое, который, как подумала Сирокко, ей уже никогда не суждено обрести. Эта мелодия напоминала ей колыбельную, слышанную в детстве.

Сирокко обнаружила, что тихо плачет, она чувствовала себя умиротворенной, насколько это только было возможно в теперешнем ее положении, ей хотелось, чтобы эта мелодия всегда была с ней. Но она вдруг исчезла.

Титанида нашла их, когда Сирокко и Габи сняли навес, чтобы перенести на нем Билла. Она стояла на вершине насыпи, на которую накануне взбиралась Сирокко. Сирокко не двигалась, ожидая, чтобы титанида сделала первое движение. Титанида, по всей вероятности, ждала того же от Сирокко. Наиболее подходящим словом для определения стоящего перед ними существа было бы, очевидно, кентавр. Нижняя часть его походила на лошадь, а верхняя половина настолько была похожа на человеческую, что становилось страшно. Сирокко не была уверена, что все это ей не мерещится.

Это не был кентавр, нарисованный воображением Диснея, но не был он похож и на классический греческий образец кентавра. У него были густые пышные волосы, кроме волос бросалась в глаза обнаженная бледная кожа. С головы, хвоста, передних ног и предплечий существа обильным кас-

кадом ниспадали цветные волосы. Наиболее странный вид имели волосы между двумя передними ногами, в этом месте, как старалась припомнить Сирокко, у нормальных лошадей не было ничего, кроме гладкой кожи. В руках у существа был пастуший посох, украшенный орнаментом, одежды на существе не было никакой.

Сирокко была уверена, что это одна из титанид, о которых упоминал Калвин. Эти кентавры были все женского рода, но у них было не шесть ног, как сказал Калвин, а шесть конечностей.

Сирокко сделала шаг навстречу титаниде, та в ответ приложила руку к губам и быстро выбросила ее вперед.

– Осторожнее! – закричала она. – Пожалуйста, будь осторожнее!

На какую-то долю секунды Сирокко заинтересовалась, что имеет в виду титанида, но уже в следующее мгновение у нее осталось лишь изумление. Титанида не говорила по-английски, по-русски или по-французски – на языках, которые Сирокко знала.

– Что... – она запнулась, прочищая горло. Некоторые слова произносились очень высоко. – Что случилось? Мы в опасности? Вопрос дался Сирокко нелегко. В произношении слов использовалась сложная музыкальная орнаментика.

– Я почувствовала тебя, – пропела титанида. – Я почувствовала, что ты наверняка должна погибнуть. Но ты должна знать, как тебе следует поступать для собственного благопо-

лучия.

Габи удивленно смотрела на Сирокко.

– Какого дьявола, что здесь происходит? – спросила она.

– Я понимаю ее, – ответила Сирокко, не желая вдаваться в подробности. – Она сказала, что мы должны быть внимательнее.

– Внимательнее... *почему?*

– Каким образом Калвин понимал, что говорит цеппелин?

В наше сознание были посланы какие-то сигналы, моя милая. Это происходит и сейчас, так что помолчи пока.

Сирокко поспешила предотвратить следующие вопросы Габи, на которые она не знала ответа.

– Вы люди из болот? – спросила титанида, – или же вы пришли из замерзшего моря?

– Ни то, ни другое, – издала в ответ трель Сирокко. – Мы пробирались через болота к... к морю бедствия, но один из нас был ранен. Мы не намерены причинять вам никакого вреда, никакой обиды.

– Вы огорчите меня, если пойдете к морю бедствий, вы там погибнете. Вы слишком большие, чтобы быть ангелами, потерявшими свои крылья, и слишком красивы, чтобы быть морскими созданиями. Признаюсь, что мне никогда не доводилось видеть никого похожего на вас.

– Мы... не могли ли бы вы присоединиться к нам на берегу? Моя песня слабая; ветер не поднимает ее.

– Я буду около вас через мгновение.

– Роки! – зашипела Габи, – осторожнее, она опускается! – Роки стала перед Сирокко держа наготове шпагу из стеклянных волокон.

– Я знаю, – сказала Сирокко, выхватывая шпагу из рук Габи. – Я попросила ее об этом. Убери эту штуку подальше, пока она не подумала чего плохого и стань в сторонку. Если что-то произойдет, я закричу.

Спускаясь со скалы, титанида ступала вперед передними ногами, балансируя при этом руками. Она проворно, словно танцуя, перебирала ногами по небольшой лавине камней, образованной ею во время спуска. Через мгновение она уже рысью приближалась к ним. При этом раздавался знакомый стук копыт о камни.

Титанида была на тридцать сантиметров выше Сирокко. Когда титанида подошла поближе, Сирокко мимо воли отступила на шаг назад. За свою жизнь она редко встречала женщин выше себя ростом, но это женоподобное существо возвышалось над ней как игрок профессиональной сборной по баскетболу. Вблизи она смотрелась еще более чужеродной именно из-за того, что отдельные части ее тела были совсем как у человека.

Серия красных, оранжевых и голубых полос, покрывающих большую часть лица и груди титаниды оказались не естественными, как вначале подумала Сирокко, а нарисованными. Четыре полосы украшали ее живот прямо над тем местом, где должен быть пупок.

У нее было довольно широкое лицо, нос и рот соответствовали этому лицу. Глаза у титаниды были огромные и широко расставлены. Радужка была ярко-желтая, на ней радиально вокруг большого зрачка располагались зеленые полоски.

Глаза были настолько изумительные, что Сирокко почти не замечала большинство нечеловеческих черт ее лица. Она подумала, что это похоже на то, как если бы два удивительных цветка были спрятаны у ушей титаниды, которые потом сами собой превратились в глаза. Остроконечные уши венчали ее голову.

– Меня звать До Диез... – пропела титанида. На самом деле это была серия музыкальных нот в музыкальном ключе до диез.

– Что она сказала? – шепотом спросила Габи.

– Она сказала, что ее звать... – Сирокко пропела ее имя, и титанида при этом насторожила уши.

– Я это не выговорю, – протестующе сказала Габи.

– Называй ее просто До Диез. Можешь ты помолчать и дать мне возможность поговорить с ней? – Сирокко опять повернулась к титаниде.

– Меня звать Сирокко, или капитан Джонс, – пропела она. – А это мой друг Габи.

Уши титаниды опустилась к ее плечам, Сирокко едва заметно улыбнулась. Выражение лица титаниды не менялось, но ее уши были красноречивее всяких слов.

– Просто «шиир-о-ко-ка-пи-тан-жонс»? – на свой манер изменила она монотонное пение Сирокко. Когда титанида вздыхала, ее ноздри с силой расширялись, но грудь при этом оставалась неподвижной.

– Это очень длинное имя, но не лишено серьезности, прошу извинить меня. Вы что, такой безрадостный народ, что называете себя такими именами?

– Мы не сами выбираем себе имена, их выбирают для нас, – пропела в ответ Сирокко, чувствуя непонятное смущение. Ее имя и в самом деле звучало скучно по сравнению с весело пропетым именем титаниды.

– Наша речь отличается от вашей, она не такая певучая. До Диез улыбнулась, и это была совершенно человеческая улыбка.

– Ты разговариваешь голосом тонким, как тростник, но ты нравишься мне. Если ты не против, я хотела бы пригласить тебя к нам домой.

– Мы бы с радостью приняли твое приглашение, но один из нас ранен. Нам необходима помощь.

– Кто из вас? – вопросительно пропела титанида, уши ее при этом тревожно затрепетали.

– Это не я и не Габи, а третий из нас. У него сломана кость ноги.

Во время разговора Сирокко заметила, что язык титаниды включает женские и мужские местоимения. Фрагменты песенного языка включали понятия матери мужского и жен-

ского рода, в голове Сирокко мелькали даже менее похожие понятия.

– Сломана кость ноги, – пропела До Диез, уши ее при этом произвели сложные движения как при сигнализации флажками. – Если я не ошибаюсь, это довольно серьезно для таких людей как вы, не имеющих запасных ног. – Она подняла свой посох и коротко пропела в небольшой выступ на его конце.

У Габи от удивления округлились глаза.

– У них есть радио? Роки, объясни мне, что происходит?

– Она сказала, что позвала доктора, и что у меня скучное имя.

– Билл нуждается в докторе, но это должен быть настоящий врач.

– Ты думаешь, я не знаю этого? – сердито прошипела в ответ Сирокко. Но, черт побери, Билл выглядит слишком плохо. Если даже у этого доктора нет ничего, кроме пилюль для лошадей, то хуже Биллу от того что он осмотрит не будет.

– Что у вас за речь? У вас респираторное расстройство? – спросила До Диез.

– Нет, мы таким образом разговариваем. Я...

– Пожалуйста, простите меня. Моя мама говорит, что я должна учиться тактичности. Я просто... – Она пропела мелодию, которую Сирокко не сумела перевести, конец фразы был: есть многое, чему надо учиться, чего невозможно получить в утробном развитии.

– Я понимаю, – пропела в ответ Сирокко, хотя поняла она далеко не все. – Мы должны казаться странными тебе. А ты, конечно, в свою очередь, нам.

– Я? – Тональность ее песни выдала, что эта мысль была для нее новостью.

– Для тех, кто никогда не видел ничего похожего.

– Должно быть, ты права. Но если вы никогда не видели титанид, то откуда вы пришли на великое колесо мира?

Сирокко запуталась из-за того, что ее сознание наверно перевело песню До Диез. Это произошло тогда, когда она услышала ноту «откуда» которую она восприняла как синоним двухнотного слова, которое До Диез употребляла как выражение вежливости, используемое в обращение более молодых к более старшим.

– Совсем не из колеса. За стенами этого мира есть еще больший мир, который ты не можешь видеть...

– О, вы с *Земли*!

Она не сказала слово Земля, также, как и не называла себя титанидой. Но связь этого слова с третьей планетой от солнца поразила Сирокко как никогда в жизни. Поза До Диез менялась по мере изменения темы разговора – она то следовала за Сирокко, то выступала перед Сирокко с менторской речью. Она заметно оживилась, и будь ее уши немного пошире, она бы уже взлетела в воздух.

– Я смущена, – пропела она. – Я думала, что Земля, это выдумка для подростков, болтовня около бивачного костра.

И я думала, что Земляне такие же, как титаниды.

Сирокко снова прислушалась к последнему слову, задаваясь вопросом, не следует ли его перевести как «люди». Как в выражении «вы люди, вы варвары». Но шовинистического подтекста здесь не было. Она разговаривала как один из многих видов живых существ Геи.

– Мы впервые попали сюда, – пропела Сирокко. – Я удивлена, что вы знаете о нас, в то время, как мы до настоящего момента ничего не знали о вас.

– Вы не пели о наших великих делах, как мы пели о ваших?

– Боюсь, что нет.

До Диез оглянулась через плечо. На вершине утеса стояла другая титанида. Она была похожа на До Диез, хотя с некоторыми тревожащими отличиями.

– Это Си Бемоль... – пропела она с виноватым видом, снова приобретая официальный вид.

– До его прибытия я хочу задать вопрос, который жжет мою душу с первого мгновения, как я увидела тебя.

– Ты не должна обращаться ко мне как к старшей, – пропела Сирокко. Ты можешь быть старше, чем я.

– О, нет. По меркам Земли мне только три года. Что я хочу знать, надеясь, что вопрос не покажется тебе дерзким, как ты можешь так долго стоять и не опрокидываться?

Когда вторая титанида подошла к ним поближе, отличие ее от предыдущей стало очевидно и это еще больше привело

Сирокко в замешательство. Между ее передних ног, в том месте, где у До Диез находился пучок волос, у Си Бемоль был настоящий человеческий пенис.

– Боже мой, – прошептала Сирокко, подталкивая Габи локтем.

– Тебя это не волнует? – спросила Сирокко. – Это заставляет меня сильно нервничать.

– Ты волнуешься? А что я могу сказать? Я ничего не понимаю, о чем вы там поете, но звучит это неплохо, Роки. Ты в самом деле хорошо понимаешь.

Не считая мужского полового органа, во всем остальном Си Бемоль была почти что копией До Диез. У обеих были высокие конические груди и бледная кожа. Лица у обеих были женские, они были большеротые и безбородые. Если бы не пенис, то их было бы трудно отличить друг от друга.

Из складки кожи на месте их отсутствующего пупка торчал конец деревянной флейты. Очевидно там был карман.

Си Бемоль сделала шаг вперед и протянула руку. Сирокко отступила назад, но Си Бемоль быстро приблизилась к Сирокко и положила ей руки на плечи. На секунду Сирокко испугалась, но потом поняла, что Си Бемоль разделяет опасения До Диез, она посчитала, что Сирокко упадет навзничь и решила поддержать ее.

– Со мной все в порядке, – нервно запела Сирокко, – я могу стоять на ногах.

Руки у него были большие, но абсолютно как челове-

ские. Было довольно странно ощущать их прикосновение. Одно дело видеть невероятное существо, а другое дело – ощущать теплоту его тела. Это усиливало ощущение первого контакта с чужой цивилизацией. От него исходил запах корицы и яблок.

– Скоро появится лекарь. – Он пел в одной тональности с Сирокко, хотя и в официальной форме.

– Между тем, вы уже ели?

– Мы бы должны были сами предложить вам это, – пропела Сирокко, – но, по правде говоря, у нас кончилась вся провизия.

– И моя сестра ничего не предложила вам? – Си Бемоль бросил на До Диез укоризненный взгляд, та удрученно повесила голову. – Она любопытная и импульсивная, но не внимательная. Пожалуйста, простите ее.

Слова, которые использовал Си Бемоль для описания проступка До Диез были сложными, Сирокко поняла их дословный перевод, но она не полностью поняла смысл в целом.

– Она была очень любезна.

– Ее матери будет приятно об этом узнать. Вы присоединитесь к нам? Я не знаю какой вид пищи вы предпочитаете, но если мы располагаем нечто подобным, то оно в вашем распоряжении.

Он сунул руку в сумку на поясе, это была обернутая вокруг талии полоса кожи, а не часть его тела, и вынул оттуда что-то красно-коричневое, похожее на копченую ветчину.

Он держал ее как индюшачью ножку.

Легко и ловко подогнув ноги, титаниды сели, Сирокко и Габи присоединились к ним. Титаниды с нескрываемым интересом наблюдали, как они это делали.

Мясо пошло по кругу. До Диез вынула с дюжину зеленых яблок. Титаниды клали их в рот целиком. Раздавался хруст, и яблоко исчезало.

Габи, насупившись, сидела над фруктами. Она приподняла бровь, когда Сирокко надкусила одно. Вкус был зеленого яблока. Внутри яблоко было белое и сочное с маленькими коричневыми семечками.

– Наверное, мы позже все выясним, – сказала Сирокко.

– Кое-что я хотела бы узнать прямо сейчас, – возразила ей Габи.

– Никто не поверит, что мы сидели с телесного цвета кентаврами и ели эту дерьмовую зеленую песенку.

– Та, что зовется Га-а-би, очень воодушевленно поет, – рассмеялась До Диез.

– Она что, говорит обо мне?

– Ей нравится как ты поешь.

Габи застенчиво улыбнулась.

– Это совсем не Вагнер, который выходит под твоим руководством. Как ты их понимаешь? Как тебе их вид? Я слышала о параллельных эволюциях, но чтобы *только выше талии*? Я могу поверить в гуманоидов. Я была готова ко всему, ко всякому виду – от капель желе до гигантских пауков. Но

они *слишком* похожи на нас!

– Но большая их часть не похожа на нас.

– Верно! – опять перешла на крик Габи. – Но посмотри на это лицо! Отбрось ослиные уши. Рот у них широкий, глаза большие, нос выглядит так, как будто по нему заехали лопатой, но все похожее ты можешь найти и на Земле. Посмотри ниже, если решишься. – Сирокко лишь пожала плечами. – Посмотри на это, – продолжала Габи, – и попробуй сказать, что это не человеческий пенис!

– Спроси ее, можем ли мы присоединиться к ней, – искренне пропел Си Бемоль. – Мы не знаем слов, но мы можем сопровождать ее импровизируя.

Сирокко пропела, что ей надо еще немного поговорить со своим другом, а позже она все переведет. Он согласно кивнул ей, но продолжал внимательно следить за разговором.

– Габи, пожалуйста, не кричи на меня.

– Прости меня. – Габи опустила взгляд на свои колени и попыталась успокоиться. – Мне нравится когда вещи имеют смысл. Человеческий пенис на этом существе не имеет смысла. Ты видела их руки? На их пальцах есть отпечатки, я заметила это. ФБР не упустил бы случая иметь их в своем досье.

– Я видела.

– Если бы ты сказала, как ты с нами разговариваешь...

– Я не знаю, – выбросила вперед руки Сирокко, – все происходит само собой, как будто этот язык всегда был в моем

сознании. Петь тяжелее, чем слушать, но это лишь потому, что мое горло не подходит для этого. Поначалу я испугалась, но сейчас мне не страшно, я им верю.

– Также как и Калвин верит цеппелинам.

– Ясно, что кто-то позабавлялся с нами, пока мы спали.

Кто-то дал мне этот язык, хотя я не знаю, каким образом. И этот кто-то дал мне кое-что еще. У меня ощущение, что это сделано не со злой целью. И чем больше я разговариваю с титанидами, тем больше они мне нравятся.

– То же самое говорил Калвин об этих проклятых цеппелинах, – мрачно сказала Габи, – а ты чуть не арестовала его.

– Я думаю, что теперь поняла его немного лучше.

Титанида лекарь была женского рода, имя ее тоже было в тональности си бемоль. Она вошла под навес, где лежал Билл и провела там некоторое время, осматривая его. Сирокко при этом не сводила с нее глаз.

Края раны были желтыми и сине-черными. Когда лекарь нажала на них, из раны запузырилась жидкость.

Лекарь не обращала на Сирокко ни малейшего внимания. Она изогнула свой человеческий торс и порылась в кожаной сумке прикрепленной к лошадиному боку лентой подпруги и вынула прозрачную круглую флягу наполненную коричневой жидкостью.

– Сильный антисептик, – пропела она и подождала.

– Как его состояние, целитель?

– Очень тяжелое. Без лечения он будет с Геей через

несколько десятков оборотов.

Поначалу Сирокко перевела фразу дословно, но в ней было одно слово, которое обозначало период времени. Один поворот на Гее занимал примерно один час.

Выражение «быть с Геей» было понятно, хотя «Гея» означало не планету, а богиню, которая была олицетворением вселенной, и быть с Геей означало вернуться в землю, это не подразумевало бессмертие.

– Наверное, вы бы предпочли подождать появления своего целителя, – пропела титанида.

– Билл может никогда не дожждаться его.

– Да, это так. Мое лекарство должно снять инвазию маленьких паразитов. Я не знаю, препятствуют ли они метаболизму. Я не могу обещать например, что мое лекарство не причинит вреда, откачивая его жизненный газ, так как я не знаю в каком месте он у вас находится.

– Это вот здесь, – пропела Сирокко, указывая на ее грудь.

Уши титаниды поднялись и опустились. Она прислонила одно ухо к груди Билла.

– В самом деле, – пропела она. – Да, Гея мудра, и она не говорит, почему она совершает кругооборот.

Сирокко мучилась, не зная, что предпринять. Концепции метаболизма и микробов были незнакомы целителю. Эти слова переводились буквально. Даже не осознавая этого, знахарь могла навредить больному человеческому телу.

Но Калвина не было, а Билл умирал.

– А для чего это вообще? – пропела лекарь, указывая на ноги Билла. Пальцы ее осторожно касались пальцев ног.

– А, это... – Сирокко никак не могла подобрать слово для определения атрофированных эволюций рудиментов. Это было слово, определяющее эволюцию, но безотносительно к живому существу. – Они служат для удержания баланса, но они не являются необходимостью. У них нет определенного предназначения.

– А, – в полголоса пропела лекарь, – всем известно, что Гея ошибается. Возьмем, например одного, с которым я впервые занималась сексом много лет тому назад.

Сирокко хотела перевести объект последнего предложения как «мой муж», но этот перевод не годился; он точно также мог быть «моя жена», хотя это тоже имело определенные границы. Этому понятию не было эквивалента в английском языке. Тут она снова вспомнила о Билле.

– Ты сможешь помочь моему другу? – пропела она. – Я вверяю его твоим рукам.

Целительница кивнула и принялась работать.

Первое, что она сделала, так это промыла рану коричневой жидкостью. Затем наложила на рану желтое желе и положила рядом с кожей большой лист, – чтобы приманивать маленьких поедателей его плоти, – пояснила целительница. Глядя как она работает, у Сирокко появилась надежда. Ее не заботил лист и пояснение целительницы насчет «приманивания». Это выглядело слишком примитивно. Но когда та

обработала рану и перевязала ее материалом из запечатанных пакетов, заметив при этом, что они очищены от паразитов – то это подействовало на Сирокко.

Работая, целительница одновременно с интересом изучала тело Билла. При этом она немного изумленно тихонько напевала что-то.

– Кто бы мог такое подумать?.....мышцы *здесь*? Прикреплены *таким образом*? Подобно ходьбе на сломанной ноге... нет, я не верю в это. Она по всякому описывала мудрость Геи, как бесконечно изобретательную, чересчур сложную и неразумную. Изумленно глядя на ягодицы Билла, она также заметила, что иногда Гея любит божественно пошутить, доставляя себе удовольствие созданием подобного.

Пока целительница занималась Биллом, Сирокко вся покрылась испариной. Но, по крайней мере, та не гремела шаманскими трещотками и не рисовала на песке магические знаки. Закончив накладывать повязку, она принялась петь песню целительницы. Сирокко посчитала, что вреда это не принесет.

Целительница склонилась над Биллом, обхватила его руками, осторожно приподняла и прижала к себе. Она положила голову Билла себе на плечо и наклонила свою голову к его уху. Она раскачивала его взад-вперед, как будто пела колыбельную песню без слов.

Постепенно Билл перестал дрожать, лицо его обрело живые краски, оно стало более умиротворенным, чем было до

ранения.

Через несколько минут Сирокко готова была присягнуть, что он улыбается.

Глава 15

У Сирокко совершенно пропали заблуждения, которые она испытывала поначалу.

Первое заблуждение было наиболее явным. Когда появился Си Бемоль и оказался абсолютно похожим на До Диез, за исключением половых органов, она пришла к выводу, что титанид трудно отличить между собой.

Группа, появившаяся на зов До Диез, выглядела так, как будто они сбежали с карусели.

У целительницы были изумрудно-зеленые волосы на голове и в хвосте. Тело ее было покрыто тонким белоснежным пухом.

Были и другие расцветки: цвета земляники с фиолетовыми вкраплениями. Были коричневые и пегие с белым. На одном из них вообще не было волос, за исключением волос в хвосте. Кожа у него была бледно-голубая.

Последняя титанида из группы казалось была лишена растительности, но это было не так; лошадиная шкура покрывала не только ее нижнюю, лошадиную часть, а и верхнюю, человеческую. Окраска была как у зебры – она была покрыта ярко-желтыми и выцветшими оранжевыми полосами, волосы на голове и в хвосте были цвета лаванды. При взгляде на нее рябило в глазах.

Не удовлетворенные природными красками, титаниды

разукрасили себя полосами и пятнами повыкрашивали волосы. У них были ожерелья и браслеты, в ушах и носу висели украшения, вокруг щиколоток были обвиты браслеты из медных цепочек. У каждой были музыкальные инструменты, которые или висели через плечо или торчали из сумки на животе. Инструменты были сделаны или из дерева, или из рога животного, ракушки или меди.

Второе заблуждение, фактически оно было первым, это то, что Калвин говорил что все они женского рода. Стараясь быть как можно более тактичной, Сирокко спросила об этом целительницу и та прямо ответила на вопрос, сопровождая свой ответ довольно таки ужасающей демонстрацией. Каждая титанида имела три сексуальных органа.

Она видела внешние гениталии, которые были такого же размера, как и человеческие. Это было внешним определением того, что должно быть считалось у титанид принадлежностью к полу.

Помимо этого, у каждой было большое вагинальное отверстие под хвостом, совсем такое как у лошадей-самок. Что больше всего шокировало Сирокко и Габи, так это внизу мягкого живота между задних ног находилась толстая оболочка, из которой выходил пенис, в деталях походивший на человеческий, но он был длинный и толстый, как рука Сирокко.

Сирокко считала себя искушенной женщиной. Она видела в своей жизни немало обнаженных мужчин и уже не один

год она не находила в них ничего нового для себя. Она любила мужчин, ей нравилось заниматься с ними любовью, но эта штукавина подействовала на нее так, как будто она была монахиней. Сирокко испугало то чувство потрясения, которое она испытывала при виде этого чудовищного пениса. Она знала, что то же испытывает и Габи. Не будь он так похож на человеческий, потрясение было бы меньше.

Третье, что ей было необходимо переосмыслить – хотя она и знала язык и могла назвать каждый половой орган титанид, она не знала об этом третьем органе, пока не завела об этом разговор. Она до сих пор не понимала, зачем их требовалось три, и как не старалась найти ответ, ей ничего не приходило в голову.

Все, что было в ее распоряжении, это набор слов и грамматических правил построения предложений. Для имен существительных это было достаточно; ей достаточно было подумать об объекте, как в уме у нее возникало нужное слово. Но это начинало не срабатывать для некоторых глаголов. С такими глаголами, как бегать, прыгать и дышать все было достаточно ясно. Затруднения возникали с глаголами, определяющими действия титанид и человека, но они были достаточно легко преодолимы.

Система перестала срабатывать, когда требовалось описать взаимоотношения, правила поведения, другие вещи, где между титанидами и людьми было мало общего. Эти понятия отсутствовали в языке песен титанид.

Становилось ясным, что чужие мысли оставались для нее чужими, было необходимо, чтобы кто-то объяснил все эти понятия, но объяснить было некому.

Последней трудностью, которая появилась с появлением группы титанид, было их имена: их было слишком много в одном и том же музыкальном знаке, так что ее собственная система определения и запоминания имен титанид тоже рассыпалась. Габи не могла произнести их, так как Сирокко не могла найти английского эквивалента для обозначения музыкальной фразы.

Сирокко начала передавать их в музыкальной тональности и решила так и продолжать. Первое имя, которое дублировало До Диез, она назвала Волынка. Си Бемоль превратился в Си Бемоль Банджо. Целительница была Си Колыбельная, земляничная блондинка была Соль-минор Вальс, пегая титанида стала Си Кларино, голубая титанида получила имя Соль Фокстрот, желто-оранжевую зебру Сирокко назвала Ре-минор Шарманка.

Санитарная повозка была деревянным фургоном с четырьмя колесами, обтянутыми резиной, которую тянули две титаниды в свободной упряжи. Дерево было ярко желтое, как новая сосна, удивительно гладко отполировано и подогнано без единого гвоздя.

Сирокко и Габи положили Билла на огромную кровать повозки и забрались туда вслед за ним. Вместе с ними туда забралась Колыбельная, титанида-целительница. Подогнув но-

ги, она села рядом с Биллом. Она тихонько напевала что-то и вытирала влажной тряпочкой ему лоб. Остальные титаниды, за исключением Волинки и Банджо, которые остались со своим стадом, шли рядом с повозкой. В стаде было около двухсот животных размером с корову, у каждого было четыре ноги и тонкая, гибкая шея с метр длиной. На конце шеи были когти для рытья земли и морщинистый рот. Они питались, зарываясь пастью в землю и высасывая млечный сок из спин земляных червей. У них был один глаз у основания шеи. Зарывшись головой в землю, они могли видеть, что происходит на поверхности.

Габи смотрела на них со слегка шокированным выражением лица, с трудом допуская, что подобные существа могли существовать.

– У Геи бывают как плохие, так и хорошие дни, – заключила Габи, цитируя переведенный Сирокко афоризм титаниды. – А как насчет этих их радио, Роки, мы можем на них посмотреть?

– Я посмотрю, – пропела Сирокко Кларино, пегой титаниде, спрашивая, можно ли им взглянуть на их растение-передатчик.

– Они не делают их, – сказала Сирокко Габи, – они их выращивают.

– Почему ты не сказала мне этого раньше?

– Потому что я сама только сейчас поняла это. Будь ко мне снисходительна, Габи. Это слово означает для них «семя

растения, переносящего песню», вот погляди.

К концу посоха Кларино было прикреплено продолговатое желтое семя, оно было гладким и ничем не примечательным, за исключением того, что на нем было расплывчатое коричневое пятно.

– В этом месте оно слушает, – пропел Кларино, указывая на пятно. Не надо прикасаться к нему, так как это заглушает звук. Оно пропоет песню своей матери и если она понравится ей, то мать пропоет ее на весь мир.

– Боюсь, что я не совсем поняла.

Кларино показал рукой куда-то поверх плеча Габи. – Она все еще находится вместе со своими детьми.

Кларино рысью поскакал к растущему в ложбине кустарнику. Позади каждого куста из земли пробивались растения в форме колокола. Схватив колокол, Кларино выдернул растение из земли и вместе с корнями понес его к повозке.

– Оно поет семенам, – пояснил Кларино. Он снял с плеча медную трубу и наиграл несколько тактов танцевального ритма. – Теперь прислони ухо...

Через полминуты они услышали звуки трубы, звук был пронзительным, как на цилиндре Эдисона, но вполне отчетливый. Кларино пропел обертон, который быстро был повторен. Затем последовала пауза, после которой обе темы прозвучали одновременно.

– Видите, она слышит мою песню и она нравится ей, – широко улыбаясь пропел Кларино.

– Похоже на запрос на радиостанцию, – сказала Габи. – А что, если диск-жокей не захочет проигрывать песню?

Сирокко постаралась как можно лучше перевести вопрос Габи.

– Необходимо тренироваться, чтобы петь приятно, – признал Кларино. – Но они очень добросовестны. Мать может откликаться в мгновение ока.

Сирокко начала переводить, но Кларино перебил ее.

– Семена также применяются для того, чтобы видеть в темноте, – пропел он. – С их помощью мы просматриваем изгибы колодцев, чтобы видеть приближение ангелов.

– Это похоже на радар, – сказала Сирокко.

– Ты готова поверить во все, что говорят тебе эти сверхобразованные пони? – с сомнением в голосе спросила Габи.

– Ты лучше скажи мне, как действуют эти семена, если это не электроника? Тебе предпочтительнее телепатия?

– Магию переварить легче.

– Хорошо, называй это магией. Я считаю, что в этих семенах находятся кристаллы и схема. И если можно вырастить органическое радио, то почему нельзя вырастить радар?

– Может быть и радио. Но только потому, что я видела это собственными глазами, а не потому, что я хочу каким-то образом воспользоваться им. Но не радар.

Радарная установка титанид находилась под навесом в передней части санитарной повозки. Установка привела бы в недоумение Руби Голдберга. Это был горшок с землей, тол-

стые медные лозы соединяли ее с орехами и листьями. Колыбельная сказала, что в земле находится матка, которая производит «субстрат силы». Здесь же находился стеллаж с радио-семенами соединенный с путаницей лоз, очевидно очень точно, так как каждое семя было окружено вокруг пятна скоплением сочащихся булавочных уколов и связь с лозой была именно в этом месте.

Были здесь и другие предметы, все растительного происхождения, в том числе и лист, который накалялся, когда его касались световые лучи другого растения.

– Это легко читается, – весело сказала Колыбельная. – Это пятнышко ложного огня представляет собой небесного великана, он находится над нами и летает по направлению к Рее. – Она указала пальцем на экран.

– Видите, оно бледнеет... вон там! Сейчас оно опять стало ярким, но оно переместилось.

Сирокко начала переводить, но Габи перебила ее. – Я знаю как работает радар, – пробурчала она. – Вся эта система в целом раздражает меня.

– Сейчас мы мало нуждаемся в ней, – заверила их Клаудино. – Сейчас не сезон ангелов. Они появляются когда Гея дышит с востока, и досаждают нам пока она опять не всосет их своим дыханием.

Сирокко было интересно, не ослышалась ли она? Она пропела «она всосет их своим дыханием? Но она не стала выяснять это, так как Билл застонал и открыл глаза.

– Привет! – пропела Колыбельная, – я очень рада, что ты вернулся назад.

Билл кивнул, потом закричал, придавив больную ногу.

Сирокко всунулась между ним и Колыбельной. Увидев ее, Билл облегченно вздохнул.

– Очень страшный сон, – сказал он.

– Наверное, не все было сном, – отерев его лоб сказала Сирокко.

– Что? О, ты имеешь в виду кентавров? Но я помню когда один из них, белый, укачивал меня и пел песню.

– Хорошо, а как ты чувствуешь себя сейчас?

– Сильная слабость. Нога уже болит не так. Это хороший признак, или он означает, что я умираю?

– Я думаю, что теперь тебе будет лучше.

– А как насчет... ты знаешь. Гангрена. – Билл отвел от нее взгляд.

– Я так не думаю. Ты выглядишь гораздо лучше после лечения целительницы.

– Целительница? Кентавр?

– Это все, что нам оставалось, – ответила Сирокко. Ее опять стали одолевать сомнения. – Калвин не появлялся, я следила за ней и мне показалось, что она знает свое дело.

Ей показалось, что Билл опять уснул. Спустя продолжительное время он снова открыл глаза и слабо улыбнулся.

– Я бы не принял такого решения.

– Это было ужасно, Билл. Она сказала, что ты умираешь и

я поверила ей. Все равно ничего нельзя было предпринять, пока не появится Калвин, и я не знаю, чтобы он смог сделать без лекарств, а она сказала, что может убить бактерии, и это имело смысл, потому что...

Билл коснулся ее колена. Рука была холодная, но твердая.

– Ты поступила правильно, – сказал он. – Посмотри на меня, через неделю я буду ходить.

Было позднее послеполуденное время, такое же скучное, как оно бывало всегда. Кто-то ее потряс за плечо, она быстро заморгала глазами.

– Прибыли твои друзья, – пропела Фокстрот.

– Это произошло на небесном великане, который мы видели раньше, – добавила Колыбельная, – они были все время на борту.

– Друзья?

– Да, твой знахарь и с ним двое других.

– Двое... Сирокко быстро подхватила на ноги. – Те другие, что вы знаете о них? Одного я знаю, а другой – такая как она, или мужчина, как Билл?

Целительница нахмурилась. – Твой вопрос приводит меня в замешательство. Я и правда не знаю, кто из вас мужчина, а кто женщина, так как вы закрыты этими полосками материи.

– Билл мужчина, я и Габи – женщины. Я позже все объясню тебе, но кто находится на небесном великане?

Колыбельная пожала плечами.

– Великан этого не сказал, он также в замешательстве, как

и я.

Цеппелин парил над колонной титанид и повозкой, оставившейся в ожидании его снижения. У края цеппелина расцвели парашюты с крошечной фигуркой. Это вне всякого сомнения был Калвин.

Пока он опускался, появился второй парашют и Сирокко пыталась разглядеть, кто это мог быть. Фигура почему-то выглядела большой. Затем раскрылся третий парашют, а за ним и четвертый.

В воздухе была уже дюжина парашютов, когда она узнала Джина. Невероятно, но остальные были титаниды.

– Эй, это Джин! – завопила Габи. Она стояла неподалеку от Фокстрота и Кларино. Сирокко стояла около повозки. – Интересно, Апрель...

– Ангелы! Атакуют ангелы! Стройся!

Голос титаниды из музыкального превратился в визгливый, она задыхалась от ярости. Сирокко была ошеломлена, видя сторбившуюся над приемником радара и отдающую приказания Колыбельную. Лицо ее было искажено, Билл выброшен из головы.

– Что происходит? – начала было спрашивать у нее Сирокко, но тут же вынуждена была пригнуться, когда Колыбельная перепрыгнула через нее.

– Пригнитесь, двуногие! Не вмешивайтесь!

Сирокко посмотрела вверх и увидела, что небо заполнено крыльями. Они опускались по обе стороны цеппелина, кры-

ля сложены, чтобы набрать скорость и атаквали падающих титанид, беспомощно висящих на парашютных стропах. Их было с дюжину.

От резкого толчка Сирокко упала на дно повозки, раздался хлюпающий звук кожаной сбруи. Она чуть не выпала через задний откидной борт, стараясь удержаться на четвереньках. Она увидела, как подпрыгнула Габи и ухватилась руками за борта повозки. Сирокко помогла ей удержаться.

– Что за чертовщина происходит? – Габи держала в руках бронзовый меч, который Сирокко раньше не видела.

– Берегись! – бросился с кровати Билл. Сирокко подползла к нему и попыталась уложить его обратно, но повозка с треском и грохотом грохотала через камни и расщелины.

– Остановите ее, пропади она пропадом! – вопила Сирокко, затем пропела это на языке титанид. Все было без толку. Обе титаниды рвались вперед, где кипела битва и ничто не могло остановить их. Одна из них размахивала мечом, как дьявол пронзительно крича при этом.

Сирокко шлепнула ее по крестцу и чуть не осталась без скальпа когда над ее головой мелькнул меч. Пригнув голову, она посмотрела на узел упряжи, удерживающий титанид возле повозки.

– Габи, дай мне эту штуковину, побыстрее!

В воздухе мелькнул рукояткой вперед меч и упал к ногам Сирокко. Схватив его, Сирокко разрубила кожаную упряжь. Освободилась сначала одна, потом вторая титанида.

Титаниды даже не заметили потери, они быстро удалялись от повозки которая с грохотом наткнувшись на булыжник, остановилась.

– Что все это...

– Я не знаю. Все, что мне сказали, так это чтобы я при-таилась и ни во что не вмешивалась. Помоги мне положить Билла.

Он не спал, казалось, у него ничего не болело. Он смотрел на небо в то время, как они укладывали его на соломенный тюфяк.

– Боже мой, – сказал он достаточно громко, во всяком случае, его было слышно, несмотря на пронзительные крики титанид. – Они там сверху зверски убивают парашютистов.

Сирокко посмотрела вверх как раз в то мгновение, когда летающие существа располосовали три парашютных купола над спускающимися титанидами. Парашюты свернулись и титаниды с ужасающей скоростью исчезли за невысоким холмом.

– Это те самые ангелы? – спросил Билл.

Для титанид это были ангелы смерти. По своим очертаниям они напоминали человека, у них были оперенные крылья, размах которых достигал семи метров. Ангелы превратили мирное небо над Гиперионом в бойню. Вскоре в небе не осталось ни одного парашюта.

Битва продолжалась за холмом и им ничего не было видно. Пронзительно кричали титаниды, их крик напоминал

звук царапанья ногтя о классную доску, и над всем этим раздавалось жуткое завывание, очевидно, ангелов.

– Позади тебя! – крикнула Габи. Сирокко быстро оглянулась.

С востока бесшумно приближался ангел. Он плавно скользил над землей, огромные крылья были неподвижны. Ангел приближался с невероятной скоростью, становясь все больше по мере приближения. Сирокко увидела в его правой руке меч, жаждущее крови лицо было искажено, из уголков глаз тянулись полосы разрезом, мышцы руки занесшей меч были напряжены...

Ангел пролетел над ними, замахал крыльями, чтобы набрать высоту для перелета холма. Он задел кончиками крыльев землю, вздымая вверх пыль.

– Пронесло, – сказала Габи.

– Сядь, – посоветовала ей Сирокко, – а то ты являешься великолепной мишенью. И ничего не пронесло. Просто это существо в последнее мгновение изменило решение; я видело как оно летело.

– Почему оно это сделало? – Габи пригнулась за спиной Сирокко и внимательно осматривала горизонт.

– Я не знаю. Скорее всего потому, что у тебя не четыре ноги. Но следующее может оказаться не таким наблюдательным.

Они следили за приближением другого ангела, который слегка отличался от предыдущего. Он летел рассекая воздух,

ноги вместе, что-то наподобие хвоста тянулось позади ног, у него было две руки, взмахи крыльев были настолько частыми, чтобы сохранить скорость. По грации и экономии движения Сирокко не встречала ему равных.

Они увидели как другой ангел на полной скорости пошел к земле, но в последнее мгновение вышел из пике, слегка коснувшись земли и исчез за кромкой холма.

– Они очень хороши, – прошептала Габи.

– Да, не хотела бы встретиться с ними в воздушном бою, – согласилась с ней Сирокко.

С востока подул холодный ветер, поднимая пыль с сухой земли. Титаниды окружили холм, атакуя ангелов. Сирокко узнала Колыбельную, Кларино и Фокстрот. Передняя левая нога Кларино была красная от крови. В руках у титанид были деревянные пики с медными наконечниками и бронзовые мечи.

Они больше не издавали воинственных кличей, но глаза их продолжали неистово сверкать. Из носа шел пар, обнаженная кожа блестела от пота. Они громыхали оружием и заходили с флангов.

– Они собираются пустить повозку на ангелов! – закричала Габи. – Мы окажемся в самой гуще, быстрее выпрыгиваем!

– А как же Билл? – пронзительно закричала Сирокко.

На мгновение их взгляды встретились. Казалось, Габи собирается что-то сказать, но она лишь что-то неразборчиво

пробурчала и забрала у Сирокко свой меч. С безрассудной храбростью она стала на край повозки лицом к надвигающимся ангелам. Сирокко была видна только ее спина, она опять стояла между любовью и надвигающейся опасностью.

Ангелы не обратили на нее никакого внимания.

Габи стояла на краю повозки с мечом наизготовку, но они обогнули повозку, устремляясь на стоявших позади нее титанид.

Шум был несравним с чувством облегчения. Завывания ангелов смешались с визгом титанид, гигантские крылья рассекали воздух.

Из облака пыли неясно вырисовывалось чудовищное очертание, ночной кошмар окрашенный в коричневое и черное, крылья у него двигались так, как будто он только начал приходить в себя. Он был слепой, беспорядочно мелькали копыя и мечи, и ангел пытался настичь их владельцев. Он казался не больше десятилетнего ребенка. Из раны на спине текла темная кровь.

Прямо над ними он метнул свое копые. Бронзовый накопечник пролетел мимо рукава Габи и вонзился в пол повозки, звеня при этом как натянутая тетива. Затем ангел пробежал мимо них, из его шеи торчало деревянное копые. В следующее мгновение он упал и больше Сирокко уже не видела ничего.

Битва закончилась также внезапно, как и началась. Завывания ветра зазвучало по-другому, ангелы поднялись в воз-

дух, удаляясь, уменьшились в размере и вскоре превратились в темные тени, исчезнувшие затем на востоке.

Рядом с повозкой происходило нечто ужасное. Три титаниды топтали тело упавшего ангела. Трудно было сказать, что то, что осталось от него походило когда-то на человеческое тело. Сирокко отвела взгляд, ей стало нехорошо от вида крови и жестокой ярости на лицах титанид.

– Как ты думаешь, что заставило их уйти? – спросила Габи. – Прошло каких-то пару минут и их как корова языком слизала.

– Они, должно быть, знают что-то такое, чего не знаем мы, – ответила Сирокко.

Билл смотрел на запад.

– Смотрите, – показал он рукой, – кто-то приближается.

Сирокко увидела две знакомые фигуры. Это были Волянка и Банджо, пастухи, они приближались быстрым галопом.

Габи разочарованно засмеялась:

– Ты мог бы показать мне что-нибудь получше этого, одному из этих малышей только три года, как сказала Роки.

– Да нет, вон там, – показал Билл в другую сторону.

Похожие на цветистую конницу, через вершину холма лавиной шли титаниды.

Глава 16

Прошло шесть дней после нападения ангелов, шел шестьдесят первый день их появления на Гее. Сирокко распростершись лежала на невысоком столе, ноги ее были в импровизированных стременах. Где-то там над ней склонился Калвин, но она не хотела на него смотреть. Колыбельная, бело-волосая целительница-титанида следила за ходом операции и пела. Ее песня действовала успокаивающе, но ничем не помогала по-настоящему.

– Шейка матки расширена, – сказал Калвин.

– Я бы предпочла не слышать этого.

– Извини. – Он быстро выпрямился и Сирокко увидела его глаза и лоб над хирургической маской. По лбу обильно стекал пот. Колыбельная вытерла его, и Калвин взглядом поблагодарил ее. – Не можешь ты придвинуть эту лампу поближе?

Габи передвинула мигающую лампу. Она отбрасывала огромные тени от ее ног на стены. Сирокко слышала металлическое позвякивание инструментов вынимаемых из стерилизационного бака, затем почувствовала как кюветка звякнула о зеркало.

Калвину нужен был инструмент из нержавеющей стали, но титанидам она была неизвестна. Он с Колыбельной работали с лучшими ремесленниками, пока не были изготовле-

ны бронзовые инструменты с которыми можно было приступить к операции.

– Больно, – заскрипела зубами Сирокко.

– Ты делаешь ей больно, – объяснила Габи, как будто Калвин не знал английского.

– Габи, помолчи, а то я найду кого-нибудь другого держать лампу.

Сирокко никогда не слышала, чтобы Калвин разговаривал так жестоко.

Он помолчал и вытер рукавом лоб.

Боль была не сильная, но непрерывная, как тупая боль в ухе. Сирокко слышала и ощущала царапанье внутри себя, она крепко сцепила зубы.

– Я вынул его, – тихо сказал Калвин.

– Вынул что? Ты видишь, что это?

– Да. Ты оказалась дальновиднее, чем я думал. Хорошо, что ты настояла, чтобы мы это сделали. – Он продолжил вычищать стенки матки, время от времени очищая кюретку.

Габи отвернулась, изучая что-то на своей ладони.

– У него четыре ноги, – прошептала она и сделала шаг в сторону Сирокко.

– Я не хочу этого видеть. Убери!

– Можно мне посмотреть? – пропела Колыбельная.

– Нет! – Она испугалась накотившему на нее отвращению и была не в состоянии пропеть ответ титаниде, а лишь яростно замотала головой.

– Габи, уничтожь это! Прямо сейчас! Ты слышишь меня?

– Все в порядке, Роки. Я уже все сделала.

Сирокко глубоко вздохнула, потом разрыдалась.

– Я не должна бы кричать на тебя. Колыбельная сказала, что хочет посмотреть. Наверное, мне следовало позволить ей это. Может быть, она знала, что это было.

Сирокко протестовала, говорила, что она в состоянии ходить, но принципы медицины титанид заключались в многократном обнимании, согревании тела и пении успокоительных песен. Колыбельная отнесла ее через грязную улицу в жилище, предоставленное им титанидами. Облегчая боль, она пела Сирокко успокоительную песню, уложила ее в постель. Рядом стояло еще две пустые кровати.

– Твой веселый друг опять шутит? – пропела Колыбельная.

– Да, он называет это лечебницей для животных.

– Ему должно быть стыдно. Лечение есть лечение. Выпей это и ты расслабишься.

Сирокко взяла винный бурдюк и сделала большой глоток. Жидкость обожгла горло и тепло распространилось по всему телу. Титаниды пили вино по тем же причинам, что и люди, это было одно из наиболее приятных открытий последних шести дней.

– Я кажется захопаю сейчас в ладоши, – сказал Билл. – Я уже узнаю этот голос.

- Она любит тебя, Билл, даже когда ты капризничаешь.
- Надеюсь, что теперь ты повеселеешь.
- Это был интересный опыт. Бил, у него было четыре ноги.
- Ой, а мы еще шутим по поводу животных. – Он потянулся к ней и коснулся ее руки.

– Все хорошо, теперь все позади, а теперь лучше уснуть.

Сирокко сделала еще пару больших глотков из винного бурдюка и последовала совету Билла.

В первые два часа после операции Габи говорила всем, что чувствует себя хорошо, затем замолчала и два дня провалялась в лихорадке. Август вообще перенесла все безболезненно. Сирокко была раздраженной, но здоровой.

Билл чувствовал себя неплохо, но Калвин сказал, что сустав недостаточно подвижен.

– Ну и как долго все это будет продолжаться? – спросил Билл. Он спрашивал это и раньше. Читать здесь было нечего, телевизора не было, оставалось только смотреть в окно на темную улицу города титанид. Он не мог разговаривать со своими сиделками, за исключением нескольких коротких смешанных песенок. Колыбельная учила английский язык, но дело шло медленно.

– Еще как минимум две недели, – сказал Калвин.

– Но я чувствую, что могу ходить уже сейчас.

– Может быть ты и чувствуешь, но это опасно. Кость может треснуть как сухая ветка. Нет, я не позволю тебе встать

даже на костылях раньше, чем через две недели.

– А как насчет того, чтобы вынести его отсюда? – спросила Сирокко. – Хочешь на улицу, Билл?

Они взяли кровать Билла, вынесли ее наружу, пронесли небольшое расстояние и поставили под развесистыми деревьями, которые делали город титанид невидимым с воздуха; в городе было темно, как ночью, которой они не видели с того времени, когда обнаружили основание каната. Титаниды все время освещали улицу и дома.

– Ты видел сегодня Джина? – спросила Сирокко.

– Это зависит от того, что ты подразумеваешь под «сегодня», – ответил Калвин, зевая во весь рот. – Мои часы все еще у тебя.

– Но ты не видел его?

– Какое-то время нет, – ответил Калвин.

– Я имею в виду, с тех пор, как ты встал.

Калвин нашел Джина, когда тот шел вдоль Офиона по крутой местности, петляющей между горами Немезиды и Криуса, это была дневная зона западной части Реи. Он сказал, что вышел из сумеречной зоны и идет с тех пор, пытаясь перехватить остальных.

Когда Джина спрашивали, чем он занимался все это время, все, что тот ответил, было «старался выжить». Сирокко не сомневалась в этом, но ей было интересно, что он под этим подразумевал. Он не стал вдаваться в подробности всех своих переживаний, сказал лишь, что поначалу волновался,

но когда оценил ситуацию, успокоился.

Сирокко не была уверена, что поняла, о чем он говорит.

Поначалу Сирокко была счастлива, на нем минимально отразились произошедшие события. Габи все еще стонала во сне. Билл все также страдал провалами в памяти, хотя память постепенно восстанавливалась. Август постоянно была в депрессии и была на грани самоубийства. Калвин был счастлив, но он жаждал одиночества. Казалось, не изменились только они с Джином.

Но она знала, что каким-то таинственным образом прошла обучение во время ее пребывания во мраке. Она могла общаться с титанидами. Она чувствовала, что с Джином произошло больше, чем он об этом говорит, она начала замечать признаки этого.

Он много улыбался. Он уверял всех, что все в порядке, даже если его никто об этом не спрашивал. Он был дружелюбен. Иногда это была чрезмерная сердечность, он слишком старался показать, что у него все в порядке.

Сирокко решила найти его и еще раз попытаться поговорить о том, что произошло с ним за эти два месяца.

Ей нравился город титанид. Под деревьями было тепло. Так тепло на Гее шло от земли, то поднимаясь вверх, оно удерживалось сомкнутыми кронами деревьев; одетая в легкую рубашку и босиком, Сирокко чувствовала себя прекрасно. Улицы были приятно освещены бумажными

фонариками, что напоминало Сирокко Японию. Земля была обильно покрыта растительностью, она увлажнялась приспособлениями, которые назывались оросителями растений – вращаясь, они обрызгивали растительность. После этого стоял запах как в летнюю ночь после дождя. Живые изгороди были так усеяны цветами, что лепестки их осыпались подобно дождю. Постоянная темнота не мешала им и они буйно цвели.

Титаниды понятия не имели о городском планировании улиц. Дома были беспорядочно разбросаны среди деревьев, Они были даже на деревьях. Дороги прокладывались в соответствии с движением. Не было никаких указателей и названий улиц и скоро карта города покрывалась исправлениями, так как на середине дороги и протоптанной через живую изгородь тропы вырастали новые дома.

Все встречные приветствовали ее радостной песней:

– Привет, земное чудище! Как вижу, все еще сохраняешь равновесие?

– О, поглядите, двуногая чудачка! Иди отобедай с нами, Ши-рако!

– Извините, люди, – пела Сирокко, – у меня дела. Вы не видели мейстерзингера До Диез?

Сирокко забавляло переводить таким образом песни титанид, хотя на их языке чудище и чудачка не носили оскорбительного характера.

Но от приглашений пообедать отказаться было нелегко.

После двух месяцев сыроедства еда титанид казалась слишком вкусной, чтобы быть реальностью. Их кухня была высочайшим искусством, за небольшим исключением, человек мог есть все, что ели титаниды.

Сирокко обнаружила строение, которое она назвала Сити-Холл. Она нашла его случайно, остановившись, чтобы спросить направление. (Сначала налево, потом направо, потом кругом... нет, там вроде нет дороги, верно?) Титаниды разбирались в планировке улиц, но Сирокко казалось, что ей этого никогда не постичь.

Она назвала этот дом Сити-Холл просто потому, что там жил мейстерзингер, а он был среди титанид ближе всего к руководству. Фактически, он был военачальником, но даже здесь были пределы. Это мейстерзингер привел подкрепление в тот день, когда титаниды сражались с ангелами. Но после этого он вел себя наравне со всеми.

Сирокко намеревалась узнать у мейстерзингера, не знает ли он, где Джин, но, как оказалось, в этом не было надобности, так как Джин был там.

– Роки, как хорошо, что ты заглянула сюда, – спускаясь по лестнице сказал Джин. Он обнял Сирокко за плечи и слегка поцеловал ее в щеку, что вызвало у нее раздражение.

– Мы тут как раз кое о чем разговаривали с мейстерзингером, тебе это может быть интересно.

– Вы... ты можешь разговаривать с ними?

– У него ужасное произношение, – пропел мейстерзингер

(он пел трудным эоловым ладом), – голос его поставлен недостаточно хорошо, и его ухо приспособлено к... у нас другая модуляция голоса. Но мы в некотором роде можем петь вместе.

– Он думает, что втолкует мне что-то, если будет произносить слова как будто разговаривает с ребенком, – рассмеялся Джин.

– Почему ты раньше не говорил мне об этом, – спросила Сирокко, стараясь перехватить его взгляд.

– Я не думал, что это важно, – ответил Джин, старательно избегая ее взгляда, – я знаю лишь малую толику из того, что знаешь ты, и то недостаточно.

– Я просто хотела бы, чтобы ты рассказал мне, вот и все.

– Ладно виноват, – Джин казался раздраженным и Сирокко задалась вопросом, в самом ли деле он случайно не рассказал об этом. Конечно, он не хотел ни о чем рассказывать, но подумал, что дольше невозможно держать свои знания в секрете.

– Джин рассказал мне много интересного, – пропел мейстерзингер. – Он излиновал весь мой стол, но я мало, что понял из этого. Но из того, что я понял – я молюсь, чтобы ваша лучшая песня смогла рассеять мрак.

– Да, ты налетела на меня, Роки, а я не понимаю, чего хочет этот туповатый сын осла.

Сирокко бросила на него резкий взгляд, но вспомнив, что мейстерзингер не знает английского, расслабилась. Она по-

думала, что это дурные манеры и ребячество. Титаниды были далеко не тупые.

Мейстерзингер стоял на коленях перед невысоким столом, которые предпочитали титаниды. Он был покрыт тусклой оранжевой шерстью длиной в несколько сантиметров, не покрыто растительностью было только лицо. Кожа была шоколадно-коричневого цвета. Глаза были светло-серые, лицо поначалу казалось типичным для титанид, но к этому времени, Сирокко уже нашла, что их лица отличаются между собой как и лица людей. Она могла теперь отличать титанид не только по цвету волос.

Но лица у всех были явно женские. Это впечатление не ослабляло даже явное наличие пениса.

Джин начертил на столе мейстерзингера карту. На запад и на восток были проведены две параллельные линии, другие линии пересекали пространство, образуя прямоугольник. Это была внутренняя часть обода колеса Геи, если на нее смотреть сверху в развернутом виде.

– Это Гиперион, – сказал он, тыча в карту испачканным красной краской пальцем. – На западе – Океан, на востоке – ...как ты называешь это?

– Рея.

– Правильно. Затем идет Криус. Здесь крепятся идущие вверх канаты – здесь, здесь и здесь. Титаниды живут в восточной части Гипериона и в западной Криуса. Но в Рее нет ангелов. Знаешь почему, Роки? Потому что они живут в спи-

цах.

– Каким образом это может быть?

– Будь ко мне снисходительна. Объясни ему все, ладно?

Сирокко сделала все, что было в ее силах. После нескольких попыток он, казалось, заинтересовался и ткнул пальцем с оранжевым ногтем в точку около западного Гипериона.

– Следовательно здесь, неподалеку от городка, должна находиться огромная лестница в небеса?

– Да, недалеко от города титанид тоже.

Мейстерзингер нахмурился:

– Почему же я не вижу ее?

– Я понял это, – сказал Джин по-английски. – Потому что я еще не изобразил его, – пропел он. – Одним росчерком он нанес вторую точку рядом с большей.

– Как эти линии убьют всех ангелов? – спросил мейстерзингер.

– Он спрашивает зачем я все это нарисовал? – обернулся Джин к Сирокко.

– Нет, он спрашивает, как с помощью этого можно убить ангелов, и я хотела бы добавить к этому свой вопрос: *какого дьявола ты всем этим занимаешься?* Я запрещаю тебе продолжать это обсуждение. Мы не можем помогать ни одной из воюющих сторон. Ты что, не знаком с Женевскими протоколами по контактам?

Джин какое-то время молчал, глядя мимо нее. Затем он посмотрел на нее и тихо сказал:

– Ты что, уже забыла всю эту резню, или ты и в самом деле ничего не видела? Выпрыгнуло пятнадцать этих ослов, уничтожены были все, кроме одного, погибло еще двое, которые были вместе с вами. Ангелы потеряли двоих, плюс одного раненого.

– Троиш. Ты не видел, что произошло с третьим. – Сирокко до сих пор становилось плохо, когда она вспоминала эту ужасную картину.

– Все равно. Дело в том, что они предприняли новую тактику. Они совершили поездку верхом на цеппелине. Сначала мы подумали, что они сговорились с ним, но, как выяснилось, сам цеппелин тоже был в растерянности. Они сохраняют нейтралитет. Ангелы сели на цеппелин во время бури, и он посчитал, что добавочный вес образовался за счет воды. Во время дождя он несет пару лишних тонн.

– Какова наша роль во всем этом? Ты заключаешь союз? У тебя нет на это полномочий. Это могу делать только я, как капитан корабля.

– Наверное, мне следовало бы указать тебе, что корабля теперь нет.

Если он хотел нанести ей удар, то он не мог придумать ничего лучшего, чтобы достичь цели. Сирокко прочистила горло и продолжала:

– Джин, мы здесь не военные советники.

– К дьяволу, я просто подумал, что мог бы им кое-что показать. Наподобие этой карты. Они тоже нуждаются в новой

тактике, но...

Мейстерзингер засвистел на высокой ноте, таким образом он прочищал горло. Сирокко сообразила, что они не обращают на него внимания.

– Извините меня, – пропел он, – это и в самом деле очень хороший рисунок. Я нарисую его у меня на груди к следующему празднику трех городов. Но мы говорили о том, как убить ангелов. Мне бы хотелось услышать больше о сером порошке силы, о котором ты рассказывал раньше.

– Боже мой, Джин! – воскликнула Сирокко, затем овладела голосом и уже спокойно обратилась к мейстерзингеру:

– Мейстерзингер, мой друг, который недостаточно хорошо знает ваши песни, неправильно выразился. Я знаю, что никакого порошка не существует.

Мейстерзингер безмятежно посмотрел на Сирокко. – Если нет серого порошка, то расскажи мне о устройстве, швыряющем в воздух копия дальше, чем это можно сделать рукой.

– И опять ты неверно понял. Пожалуйста, подожди немного. – Сирокко обернулась к Джину, стараясь оставаться спокойной: – Джин, уходи отсюда, я поговорю с тобой позже.

– Роки, я только хотел...

– Это приказ, Джин.

Джин все еще колебался. Сирокко владела приемами рукопашного боя, у нее была большая дистанция для удара, но и он умел бороться и был сильнее. Сирокко была далека от

мысли драться с Джином, но внутренне была готова к этому.

Напряженный момент прошел. Джин расслабился, хлопнул ладонью по столу и с гордым видом вышел из комнаты. Мейстерзингер проводил его взглядом, он все примечал.

– Мне жаль, если я послужил причиной ссоры между тобой и твоим другом, – пропел он.

– Это не твоя вина. – Руки у Сирокко после стычки с Джином были абсолютно холодные.

– Я... послушай, мейстерзингер, – пропела Сирокко, – кому ты веришь, мне или Джину?

– По правде говоря, Ра-кии, у тебя такой вид, как будто ты что-то скрываешь.

Сирокко посасывала костяшку пальца, раздумывая, что делать. Мейстерзингер был уверен, что она лжет, но как много он уже узнал?

– Ты прав, – пропела она наконец. – У нас есть порошок силы, у него достаточно мощи, чтобы разрушить весь этот город. Мы владеем таким секретом разрушения, что мне стыдно даже намеком говорить об этом. С помощью этого оружия можно проделать такую дыру в вашем мире, через которую в холодное пространство вытечет весь воздух, которым вы дышите.

– Ничего лучшего нам и не надо, – пропел мейстерзингер. Он выглядел заинтересованным. – Этому порошку можно будет найти хорошее применение.

– Я не могу дать его тебе. У нас его нет с собой.

Мейстерзингер, очевидно, тщательно обдумал свою песню, прежде чем наконец опять запеть.

– Твой друг Джин сказал, что есть возможность изготовить это оружие. Мы хорошо разбираемся в дереве и в химии растительного происхождения.

– Наверное, он прав, – вздохнула Сирокко, но мы не можем передать вам этот секрет.

Мейстерзингер молчал.

– Мои личные чувства не имеют большого значения, – объясняла Сирокко. – Те, кто выше меня, наши мудрецы, сказали, что следует так поступать.

Мейстерзингер пожал плечами:

– Если ваши старейшины приказали это, то у тебя небольшой выбор.

– Я рада, что ты понимаешь это.

– Да, – он опять помолчал, старательно что-то обдумывая.

– Твой друг Джин не такой почтительный по отношению к старейшинам. Если я снова попрошу его, он может быть расскажет, что надо нам для победы.

У Сирокко замерло сердце, но она постаралась не подать виду, как на нее подействовало это предположение.

– Джин забывчивый. Он пережил тяжелые времена за время этого путешествия; мысли его разбрелись, но я напомнила ему о его долге.

– Я вижу. – Он опять задумался, предложив ей между тем стакан вина, который она с удовольствием выпила.

– Я думаю, что самостоятельно могу придумать метатель копий. Эластичный прут, концы связаны вместе ремнем.

– По правде говоря, я удивлена, что вы до сих пор не придумали этого. У вас много гораздо более сложных вещей.

– Мы делаем что-то вроде того, во что играют дети.

– Меня приводит в недоумение ваша война с ангелами.

Почему вы сражаетесь?

– Потому что они ангелы, – насупившись ответил мейстерзингер.

– Только лишь по этой причине? На меня произвела впечатление ваша терпимость по отношению к другим видам. Вы не питаете враждебности ни ко мне, ни к моим друзьям, ни к цепелинам, ни к йети в океане.

– Они *ангелы*, – повторил мейстерзингер.

– Вы не хотите жить на одной и той же земле?

– Ангелы будут не в состоянии выкармливать своих детенышей грудью Геи, если они покинут огромные башни. А мы не можем жить, цепляясь за стены.

– Следовательно, вы не конкурируете ни из-за земли, ни из-за еды. Может быть, причина в религии? Они почитают другую богиню?

Мейстерзингер рассмеялся. – Почитают? Ты странно выражаешься. У нас только одна богиня, даже для ангелов. Гее поклоняются все виды.

– Тогда я просто не понимаю. Можешь ты мне объяснить, почему вы воюете?

Военачальник мейстерзингер надолго задумался. Когда он наконец запел, то это была песня в минорном ключе.

– Из всех вещей, которые происходят в мире это то, о чем я больше всего хотел бы спросить Гею. То, что все мы должны умереть и вернуться в грязь, не встречает во мне ни чувства протеста, ни горечи. Мир совершает круговорот и ветры дуют когда дышит Гея – все это я понимаю. Что наступают времена, когда кто-то должен ходить голодным, или когда мощный Офион поглощается пылью, или холодный ветер с запада морозит нас, все эти вещи я воспринимаю, так как сомневаюсь, что смогу с этим что-либо поделать. У Геи есть много земель, о которых ей надо заботиться и время от времени ей надо обращать свой взгляд еще куда-нибудь.

– Когда огромные колонны, подпирающие небо начинают трещать, так, что содрогается земля и возникает страх, что мир распадется на части и будет повержен в пустоту, я не жалею.

Но когда начинает дышать Гея, меня начинает переполнять ненависть, я уже не в состоянии рассуждать. Я веду свой народ в бой с ощущением, что это не моя дочь падает на землю рядом со мной, *не моя*. Она чужая мне, потому что небо заполнено ангелами и наступило время сражения. Только позже, когда уходит ярость, мы начинаем подсчитывать наши потери. Это потом мать находит свое дитя убитым в поле. Это потом я осознаю, что моя дочь, плоть от плоти моей ранена ангелами, но затоптана ногами своего собствен-

ного народа.

Это произошло пять дыханий назад. С тех пор в сердце моем непроходящая боль, и, наверное, она никогда не пройдет.

Сирокко боялась нарушить тишину, когда мейстерзингер отвернулся от нее. Постояв, он побрел к двери, повернув лицо в темноту, в то время как Сирокко смотрела на мерцающее пламя свечи на столе.

Послышался звук, явно похожий на рыдание, хотя титаниды не плакали как люди.

Спустя некоторое время мейстерзингер вернулся к столу и сел, вид у него был очень усталый.

– Мы сражаемся, когда нами овладевает ярость. Мы не можем остановиться пока всех их не перебьем, или пока они не вернутся домой.

– Ты говоришь о дыхании Геи. Мне это непонятно.

– Ты слышала его завывание. Это яростный ветер из поднебесных башен; холод и с запада и с востока.

– Пытались вы когда-нибудь поговорить с ангелами? Или они не станут слушать вашу песню?

Мейстерзингер снова лишь пожал плечами:

– Кто станет петь ангелам и какой ангел станет слушать?

– Я снова повторяю, что никто не попытался... договориться с ними. – Сирокко запнулась, затрудняясь в подборе подходящего слова. – Если бы вы сели и выслушали песни друг друга, то может быть, вы смогли бы жить в мире.

У мейстерзингера залегла морщина между бровями:

– Как между нами может существовать родственное чувство гармонии, если они ангелы? – Мейстерзингер использовал выражение, которое подразумевало и то, что Сирокко перевела как «неподходящая компания». «Мир» между титанидами был всеобщим состоянием, которое трудно было объяснить. Мир между титанидами и ангелами был понятным, которого даже не существовало в языке.

– У моего народа нет врагов среди других видов, они сражаются между собой, – сказала Сирокко. – У нас есть пути разрешения этих конфликтов.

– У нас отсутствует эта проблема. Мы хорошо умеем преодолевать враждебность между собой.

– Наверное, мы сможем поучиться этому у вас. Но я со своей стороны тоже могу кое-чему поучить вас. Иногда враждующим сторонам надо сесть и переговорить между собой. В таком случае мы используем третью сторону, которая сидит между враждующими группами.

Мейстерзингер приподнял одну бровь, потом с подозрением спросил:

– Если это помогает, то почему вы создали так много оружия?

Сирокко попыталась улыбнуться. Титанид было не так-то легко переубедить.

– Потому что это не всегда происходит. Наши солдаты стараются уничтожить. Но наше оружие становится таким гроз-

ным, что никто не гарантирован от уничтожения. Мы пришли к мысли, что лучше жить в мире, как доказательство, могу сказать, что накопленным оружием можно уничтожить всю нашу планету по крайней мере 1/60 оборота.

– Это миг, за который совершает оборот Гея, – пропел мейстерзингер.

– Я не запугиваю. Это ужасно, жить с сознанием, что не только твоя... твоя мать, твои друзья, соседи могут быть стерты с лица земли, но каждый человек, включая младенцев.

Мейстерзингер серьезно кивнул ей, он казался подавленным.

– А теперь решай сам. Или продолжать войну, или предпринять попытку примирения.

– Я вижу это, – пропел мейстерзингер, весь поглощенный в свои мысли. – Это тяжелое решение.

Сирокко решила помолчать. Мейстерзингер знал, что это было в его силах узнать об оружии, о котором говорил Джин.

Свечи на стене оплыли и погасли, лишь одна все еще отбрасывала танцующие отблески на женские черты его лица.

– А где я найду того, кто станет между нами? Мне кажется, что в него полетят пики с обеих сторон.

– Я хочу предложить свои услуги как представителя Организации Объединенных Наций, – протянув руки, сказала Сирокко.

Мейстерзингер изучающе посмотрел на нее. – Не воспри-

ми как неуважение к твоему орр-га-ни-зац о-бъ-дин-нац, мы никогда не слышали о таком. Какое им дело до наших войн?

– Организацию Объединенных Наций всегда волнуют вопросы войны. По правде говоря, они, как и все мы, еще далеки от совершенства.

Мейстерзингер пожал плечами, как будто он и так знал все это с самого начала. – Зачем ты собираешься делать это для нас?

– В любом случае я буду проходить через территорию, населенную ангелами на моем пути к Гее. И кроме того, я ненавижу войну.

Впервые за время разговора мейстерзингер выглядел по-настоящему впечатленным. Было очевидно, что его мнение о ней значительно возросло.

– Ты мне не говорила, что вы странники. Это меняет дело. Я опасался, что вы наделаете глупостей, но это уж полнейшее безрассудство.

Мейстерзингер протянул через стол руки и взял голову Сирокко в свои огромные ладони, склонился над ней и поцеловал ее в лоб. Это была наиболее ритуалистическая вещь из всего, что она видела у титанид и это тронуло ее.

– А теперь, иди, – сказал мейстерзингер. – Я не могу больше думать о новом оружии, и так происходят ужасные вещи, без дополнительного прокладывания дороги к полному уничтожению.

Он помолчал, казалось задумавшись о чем-то.

– Если тебе и в самом деле доведется увидеть Гею, спроси у нее, почему моя дочь должна была умереть. Если она не захочет ответить тебе, дай ей пощечину и скажи, что это от мейстерзингера.

– Хорошо, я выполню твою просьбу.

Сирокко встала, у нее было странно приподнятое настроение, почему-то ее уже меньше волновало будущее, чем на протяжении этих последних двух месяцев.

Она уже выходила, но, вспомнив что-то, оглянулась.

– За что ты поцеловал меня? – спросила она у мейстерзингера.

Он поднял на нее глаза. – Это был прощальный поцелуй. Ты уйдешь, и я уже никогда не увижу тебя.

Глава 17

Волынка взяла на себя роль гида и источника информации для человеческого отряда. Она сказала, что мать ее одобряет это и что она чувствует, что это будет хорошая жизненная школа. Появление людей было наиболее волнующим происшествием в городе титанид на протяжении бесчисленного числа лет.

Когда Сирокко выразила желание ознакомиться с окрестностями города, Волынка приготовила ланч для пикника и два больших курдюка вина. Калвин и Габи тоже захотели пойти с ними, Август же просто молча смотрела в окно, как она часто делала. Джина нигде не могли найти. Сирокко напонила Калвину, что ему надо сидеть с Биллом.

Билл попросил ее подождать, пока она выздоровеет и ей пришлось напомнить ему, что у нее все еще есть определенные обязанности. Долгое заточение сделало его раздражительным и мелочным. Сирокко понимала это, но любила его меньше всего, когда он требовал покровительства и снисхождения.

– Прекрасный день для пикника, – пропела Волынка, когда они вышли на окраину города. – Земля сухая. Мы должны уложиться в четыре-пять оборотов.

Нагнувшись, Сирокко завязала шнурки на мокасинах из мягкой кожи, которые сделали для нее титаниды, затем вста-

ла и посмотрела на запад, где в центре Реи находился канат, это было место ветров. Он неясно вырисовывался в прозрачном воздухе.

– Мне не хочется разочаровывать тебя, – пропела Сирокко, – но мы с моим другом собираемся дойти туда и так же вернуться назад. Мы планируем сделать привал у основания каната и притвориться мертвыми.

Волянка вздрогнула.

– Я не хочу, чтобы вы делали это. Меня это пугает. Откуда ты знаешь, что червь не съест тебя?

Сирокко рассмеялась. Титаниды никогда не спали. Они находили это еще более неудобным, чем вечное балансирование на двух ногах.

– Есть альтернатива, – сказала она. – Я не решаюсь предложить это тебе из боязни обидеть. На земле у нас есть животные, не люди, частично они похожи на вас. Мы ездим у них на спине.

– На спине? – Волянка выглядела смущенной, затем лицо ее просветлело, она сообразила, что к чему. – Ты имеешь в виду, что одна из твоих ног на каждой стороне... разумеется, я поняла! Ты думаешь, это получится?

– Если ты не возражаешь, я попробую. Протяни руку. Нет, поверни ее... вот так. Я поставлю на нее ногу...

Сделав это, Сирокко ухватила за плечи Волянки и забросила себя на ее спину. Она сидела на широкой спине, под ней была подпруга из ремня, за ногами по обе стороны сви-

сали переметные сумы.

– Тебе удобно? – спросила Сирокко у Волынки.

– Я почти что не чувствую тебя. Но зачем тебе туда надо?

– Мне надо кое-что посмотреть. Я думаю... – Она пронзительно закричала. Волынка закрутила головой во все стороны.

– Что случилось?

– Ничего. Мы не настолько гибкие, как это требуется. Я с трудом верю, что ты делаешь это. Не обращай на меня внимания. Разворачивайся, посмотри, куда нам надо идти и потихоньку двигай вперед.

– Какую походку ты предпочитаешь?

– Что? О, я в этом совершенно не разбираюсь.

– Хорошо. Сначала я пойду рысью, затем перейду на медленный галоп.

– Ты не возражаешь, если я обниму тебя?

– Абсолютно.

Волынка сделала большой круг, постепенно увеличивая скорость. Они проскакали мимо Габи, приветствующую их громким криком.

Когда Волынка перешла на рысь, чтобы остановиться, она едва переводила дыхание.

– Получится, как ты думаешь? – спросила Сирокко.

– Я думаю, что да. Давай, попробую с вами обеими.

– Я бы хотела чем-нибудь накрыть этот ремень, – сказала Сирокко. – Что касается Габи, почему бы нам не найти для

нее кого-нибудь другого?

Через десять минут Волынка вернулась с двумя подушками и вторым добровольцем. Он был мужского рода, покрыт шерстью цвета лаванды, у него были белые волосы и хвост.

– Эй, Роки, у меня еще более фантастическая лошадь, чем у тебя!

– Это смотря с какой стороны посмотреть. Габи, я хотела бы, чтобы ты познакомилась... – она пропела имя, отбросив музыкальное вступление, затем прошептала Габи: – Зови его Свирель.

– А чем плохо Лео или Джордж? – проворчала Габи, но пожала протянутую руку и легко вскочила ему на спину.

Они тронулись в путь. Титаниды пели песню путешественников, Сирокко и Габи подпевали им по мере возможности. Кончив одну песню, они тут же запевали другую. Затем Сирокко затянула «Волшебника страны Оз», за ней последовали другие. Титаниды были в восхищении, они не знали, что у людей тоже есть песни.

Сирокко путешествовала на плоту по Колорадо и в лодке из скорлупы по Офиону. Она летала над южным полюсом и надеялась на биплане пролететь Соединенные Штаты. Она путешествовала на аэросанях и велосипеде, гондоле аэростата и гравитоплане, однажды она даже совершила небольшой переход на верблюде. Ничто из этого не шло в сравнение с ездой верхом на титаниде под сводами Геи в это позднее послеобеденное время у грани зоны солнечного заката. Впе-

реди нее от земли тянулась к небесам уходящая в темноту лестница.

Сирокко откинула назад голову и запела:

– Долог путь до Типперари, много предстоит пройти...

Место ветров было усеяно камнями, земля была изувечена. Ее коричневую поверхность начали морщить похожие на шишковатые суставы горные кряжи между которыми открывались глубокие расщелины. Кряжи выворачивались наружу и превращались в пальцы, которые захватывали землю и сминали ее как листок бумаги. К этим пальцам вскоре присоединялась рука атмосферного влияния, а из ночи протягивалась длинная косматая рука.

Воздух здесь никогда не был спокойным. Внезапные порывы ветра с любого направления вздымали несметное количество пыли и она танцевала на дороге перед ними свой дьявольский танец.

Вскоре они услышали завывание. Звук был глухой, неприятный, но в нем не было ужасного уныния как в том мощном ветре с Океана известным под названием Плача Геи.

Волынка подсказала им, что их ожидает. Кряжи, по которым они взбирались, были прядями каната, поднимающегося от земли под углом в тридцать градусов и покрытого землей. Ветер выдувал почву в оврагах и она летела по направлению к источнику звука.

Они начали проходить мимо всасывающих отверстий в

земле, некоторые из них были не более полуметра в диаметре, другие же были такой величины, что в состоянии были поглотить титанид. Каждое из отверстий издавало свой характерный свист. Это была не гармоничная, без соблюдения правил долготы звука музыка, наподобие худших образцов экспериментов начала века. И над всем этим плыла непрерывная органная нота.

Титаниды преодолевали последний длинный кряж. Это была трудная, каменистая дорога, гребень хребта был узким, расщелины широкие и глубокие. Сирокко надеялась, что титаниды знали, когда лучше остановиться. От непрерывного ветра из глаз у нее текли слезы.

– Это и есть место ветров, – пропела Волянка. – Мы не осмеливаемся приблизиться ближе, так как ветер становится достаточно сильным и может вас сдуть. Но если спуститься по склону, можно увидеть Великого Плакальщика. Хочешь, чтобы я отвезла тебя туда?

– Спасибо, спущусь туда пешком, – сказала Сирокко, соскальзывая со спины титаниды.

– Я покажу тебе дорогу. – Волянка начала спускаться по склону, короткими, семенящими шагами, она выглядела неустойчиво, но, по всей вероятности, не волновалась.

Титаниды подошли к вертикальному спуску и начали спускаться по нему в восточном направлении. Габи и Сирокко почувствовали как одновременно усиливается и ветер, и звук.

Если станет еще хуже, чем сейчас, – закричала Сирокко, – я думаю, что нам лучше бросить эту затею!

– Я согласна с тобой!

Но когда они добрались до того места, где остановились титаниды, они увидали, что зрелище стоило того, чтобы добираться сюда.

Были видны шесть всасывающих отверстий, все они располагались по краям длинных, крутых ущелий. Они были от пятидесяти до двухсот метров в диаметре. Великий Плакальщик мог поглотить их всех вместе.

Сирокко предположила, что высота отверстия от основания до вершины была около километра и где-то половина этого в самом широком месте. Овальное очертание отверстия подчеркивалось его расположением между двумя прямыми каната, образующими острый угол при их появлении из коричневой земли. В месте их встречи зияла огромная раскрытая пасть голого камня.

Бока отверстия были настолько гладкими, что на них, как на кривых зеркалах играли солнечные отблески. В течение тысячелетий они отполировывались ветром и переносимым им песком. Светлые прожилки в темном камне придавали ему перламутровое сияние.

Волынка нагнулась вперед и пропела что-то на ухо Сирокко.

– Я понимаю почему, – провопила в ответ Сирокко.

– Что она сказала? – поинтересовалась Габи.

– Она сказала, что титаниды называют это место промежуточной Геи. И я понимаю, почему. Мы находимся на одной из ее ног.

– А это мысль.

Сирокко коснулась крестца Волынки и жестом показала назад на вершину горного кряжа. Ей было интересно, что титаниды думают о этом месте, какое чувство испытывают по отношению к нему. Благоговейный страх? Не похоже. Это был просто загород.

Хорошо было вернуться назад к относительно спокойствию. Сирокко стояла рядом с Волынкой и осматривала окружающую местность.

Если канат был гигантской рукой, как это она видела раньше, должен был быть еще сустав одного из пальцев. Плакальщик находился внизу между двумя пальцами.

– Есть наверх еще другая дорога? – пропела Сирокко. – Какая-нибудь дорога, ведущая к широкой долине, туда, наверх, чтобы не быть засосанным Геей?

– Есть, много. Это самая большая. Через другие можно добраться до плато.

– Так почему ты не повезла меня туда?

Волынка выглядела удивленной.

– Но ты же сказала, что хочешь посмотреть место ветров, а не взбираться наверх, чтобы встретиться с Геей.

– Это моя ошибка, – признала Сирокко. – Но где лучшая дорога на вершину?

– На самую вершину? – пропела Волынка, широко открыв глаза. – Я просто пошутила. Ты что, и в самом деле собралась туда?

– Хочу попробовать.

Волынка указала на следующий кряж, расположенный южнее. Сирокко изучающе посмотрела на него через ущелье. Он казался не более трудным чем тот, по которому они взобрались. Восхождение заняло у титанид полтора часа, следовательно, она сможет сделать это за шесть-девять часов. Еще шесть часов подъема в гору и плато будет достигнуто, и тогда...

С этой удобной точки наблюдения отклонившийся канат был несообразен горе. Он отклонялся от нее приблизительно на пятьдесят километров в темноту над границей Реи. На протяжении трех километров из этого расстояния ничего не росло; это была шоколадно-коричневая земля и камни. Примерно на таком расстоянии были лишь искривленные, безлистные деревья. Дальше жизнестойкая Гея нашла опору. Сирокко не могла сказать, была ли это трава или покрытая лесом земля, но цилиндр каната в пять километров в диаметре был покрыт зеленью – изъеденная коррозией якорная цепь корабля дальнего плавания.

Зелень распростерлась до сумеречной зоны Реи. Зона не начиналась резко. Она наступала постепенно, как будто краски размывались темнотой. Зелень меркла и превращалась в бронзу, становилась глубже, превращая медь в золото,

серебро с кроваво-красным отсветом и, наконец, в цвет облаков с лунной позади них. К этому времени канат становился невидимым. Взгляд следил за невозможным изгибом: канат уменьшался до величины веревки, тесемки, нити, прежде чем слиться с чернотой крыши и исчезнуть в отверстии. Было видно, как постепенно сокращается спица, но было слишком темно, чтобы увидеть еще что-нибудь.

– Это возможно, – сказала Сирокко Габи. – По крайней мере, до крыши добраться можно. Я надеялась, что где-то внизу должен был быть механический лифт. Я и сейчас продолжаю думать, что он должен быть. Но если мы займемся его поисками... – Сирокко махнула рукой на покрытую горными кряжами землю, – это может занять не один месяц.

Габи еще раз изучающе посмотрела на склон каната, вздохнула и покачала головой.

– Я пойду за тобой куда угодно, но ты знаешь, что ты сумасшедшая? Мы никогда не доберемся до крыши. Посмотри, что ты видишь? Нам надо карабкаться вниз, к основанию каната под углом сорок пять градусов.

– Альпинисты занимаются этим все время. Ты тоже делала это на тренировках.

– Конечно. На высоту в десять метров. Здесь же нам предстоит делать это пятьдесят или шестьдесят километров. А потом – что радостно слышать – только потом начнется восхождение. На высоту четыреста километров.

– Да, это будет нелегко. Но надо попробовать.

– Матерь Божия! – Габи ударила ладонью по лбу и подкачала глаза.

Волянка наблюдала за жестикуляцией Сирокко. Теперь она запела ларго.

– Ты хочешь взобраться на огромную лестницу?

– Я должна.

Волянка кивнула, затем наклонилась и поцеловала Сирокко в лоб.

– Я хотела бы, чтобы ваш народ прекратил делать это, – сказала Сирокко по-английски.

– За что она тебя поцеловала? – спросила Габи.

– Не имеет значения. Давай возвращаться в город.

Они сделали остановку, миновав зону ветров. Волянка вынула огромную подстилку и они сели обедать. Пища была горячей, она хранилась в ореховой скорлупе как в термосе. Сирокко и Габи съели, наверное, десятую часть, остальное с жадностью проглотили титаниды.

До города оставалось еще километров пять, когда Волянка оглянулась через плечо, лицо ее выражало одновременно и печаль и предвкушение чего-то. Она пристально посмотрела на темную крышу.

– Гея дышит, – пропела она печально.

– Что? Ты уверена? Я думала, что должен был подняться шум и у нас была бы еще уйма времени – это значит, что появятся ангелы?

– Шум приходит с запада, – поправила ее Волынка. – С востока Гея дышит бесшумно. Мне кажется, я уже слышу их.

– Вот дьявол! Надо спешить, если вас захватят здесь одних, то у вас никаких шансов.

– Слишком поздно, – пропела Волынка, ее глаза были полны тоски.

– Вперед! – Сирокко применила командный тон, которым она пользовалась не один год и каким-то образом ей удалось передать его песней титанид. Волынка рванула в галоп, почти впритык следом за ней скакал Свирель.

Скоро уже и Сирокко слышала вой ангелов. Скорость Волынки замедлилась, она заколебалась; она намеревалась вернуться и принять бой.

Они приближались к одинокому дереву. Сирокко внезапно приняла решение.

– Туда, быстро! У нас мало времени!

Они остановились под развесистыми ветками и Сирокко спрыгнула на землю. Волынка попыталась броситься вперед, но Сирокко шлепнула ее по щеке, чем казалось на время успокоила ее.

– Габи, быстро отрезай переметные сумы! Свирель! Стоять! Сейчас же назад!

Свирель нерешительно оглянулся, но вернулся. Сирокко и Габи лихорадочно работали, разрывая свою одежду на ленты, каждая делала три крепких веревки.

– Друзья, – запела Сирокко, закончив делать путы для ло-

шадей. – У меня нет времени на объяснения. Я прошу вас верить мне и делать то, что я вам скажу. – Она вкладывала в песню всю свою решимость, вкладывая в мелодию интонации, с которыми обращаются старшие и более мудрые к молодым и достаточно глупым. Это сработало, но с трудом. Обе, и Волынка и Свирель, смотрели на восток.

Сирокко заставила их лечь набок.

– Больно, – пожаловалась Волынка, когда Сирокко связывала вместе ее передние ноги.

– Прости, но это для твоей же пользы. – Она быстро связала ее передние ноги и руки, затем швырнула Габи бурдюк с вином. Влей в него сколько только сможешь. Я хочу, чтобы он так опьянел, чтобы не смог двигаться.

– Варвар.

– Дитя, я хочу, чтобы ты выпила это, – пропела Сирокко, – выпей как можно больше. – Она держала бурдюк у губ Волынки. Завывания ангелов стали слышны сильнее. Волынка быстро запряла ушами.

– Тряпку, тряпку, – бормотала Сирокко. Она оторвала полосы ткани от уже и так изорванной своей блузы и скатала их в тугий мяч.

– Это послужило Одиссею, может быть послужит и мне. Габи, уши. Заткни ему уши!

– Больно! – завопила Волынка. – Отпусти меня, Земное чудовище! Мне не нравятся эти игры! – Она начала стонать, лишь иногда стоны переходили в слова ненависти.

– Выпей еще немного вина, – тихонько уговаривала ее Сирокко. Титанида захлебнулась, когда Сирокко начала лить вино ей в горло. Вопли ангелов стали совсем громкими. Во-лынка начала визгливо кричать в ответ. Сирокко схватила ее за уши и сжала их, потом положила большую голову титаниды себе на колени и начала ее укачивать. Прислонившись к уху Воынки, Сирокко напевала ей колыбельную.

– Роки, помоги! – завопила Габи, – я не знаю ни одной их песни, пой громче! – Свирель сопротивлялся и пронзительно кричал, когда Габи пыталась схватить его за уши. Он ударил связанными руками и отшвырнул Габи в сторону.

– Хватай его! Не дай ему уйти!

– Я пытаюсь! – Габи бежала за ним следом и пыталась прижать его руки, но он был гораздо сильнее ее. Габи снова упала, затем тут же вскочила, над правым глазом у нее был порез.

Свирель перегрызал веревки, связывающие вместе его запястья. Порвав веревки, он начал царапать свои уши.

– Что делать, Роки? – в отчаянии закричала Габи.

– Иди помоги мне, – крикнула та в ответ. – Он убьет тебя, если ты будешь стоять на его пути!

Было слишком поздно, чтобы остановить Свиреля. Его передние ноги были свободны и он извивался как змея, чтобы освободить задние конечности.

Даже не взглянув на женщин и Воынку, он устремился по направлению к городу титанид. Вскоре он уже преодолевал

вершину невысокого холма.

Габи, казалось, не замечала, что она плачет, когда опустилась на колени рядом с Сирокко, не вытирала она и кровь, текущую по ее лицу.

– Чем тебе помочь?

– Я *не знаю*. Касайся ее, гладь ее, делай что угодно, чтобы только отвлечь ее внимание от ангелов.

Волынку трясло, зубы у нее стучали, в лице не было ни кровинки. Сирокко продолжала держать ее, пригнувшись к ней как можно ближе, в то время как Габи привязывала руки титаниды к корпусу.

– Тише, тише, – шептала Сирокко, – тебе нечего бояться. Я присмотрю за тобой до возвращения твоей мамы, я спою для тебя ее песню.

Постепенно Волынка успокоилась, ее глаза становились постепенно такими же разумными как в тот день, когда Сирокко встретила ее. Это было несравнимо с тем грозным животным, в которое она превращалась некоторое время тому назад.

Это случилось минут за десять до того, как последний ангел пролетел над их головами. Волынка была вся мокрая от пота как наркоман или алкоголик, которому требовалась дополнительная порция наркотика или алкоголя. Она начала хихикать, в то время, как Сирокко и Габи ждали возвращения ангелов. Сирокко склонилась над титанидой, она держала ее голову в своих ладонях и испугалась, когда та начала

вдруг двигаться. Это не были попытки освободиться от веревок, как это было ране. Это были по-настоящему сексуальные движения. Она поцеловала Сирокко влажным ртом. Рот был большой и теплый.

– Как будто бы я парень, – страстно мурлыкала она песню пьяным голосом.

Сирокко посмотрела вниз.

– Иисусе, – выдохнула Габи. Огромный пенис титаниды высунулся из влагалища, конец его пульсировал в пыли.

– Для себя ты можешь быть девушкой, – пропела Сирокко, – но ты слишком большая для меня как парень.

Волынке это показалось забавным. Она оглушительно расхохоталась и опять попыталась поцеловать Сирокко, но была довольно любезна, когда Сирокко отпрянула назад.

– Я могу ранить тебя, – сдавленно хихикала она. – Увы, это предназначено для заднего отверстия, которого у тебя нет. Если бы я была парнем и имела подходящий для тебя член...

Сирокко улыбнулась, не прерывая ее бессвязную речь, но глаза ее не улыбались. Она посмотрела через плечо Волынки на Габи.

– Последнее средство, – тихо сказала она по-английски, – если станет очевидно, что она хочет вырваться, возьми этот камень и ударь ее по голове. Если она убежит, то погибнет.

– О чем она говорит?

– Она хочет заняться со мной любовью.

– *Этим?! Лучше я прямо сейчас стукну ее по башке.*

– Не говори глупостей. Нам не грозит от нее никакая опасность. Если она освободится, то даже не увидит нас. Ты слышишь, что они возвращаются?

– Кажется, да.

Во второй раз это оказалось уже не так тяжело. Они не дали возможности Волынке услышать ангелов, а когда она потела и тряслась, как будто каким-то образом чувствовала их присутствие, то боролась она уже не столь жаростно.

А затем ангелы улетели, назад в сплошную темноту спицы над Реей.

Когда они освободили ее, она расплакалась; это были беспомощные рыдания ребенка, который не понимал, что с ним произошло. Плач перешел в капризность и жалобы, главным образом на то, что у нее поранены ноги и уши. Габи и Сирокко растерли ей ноги в тех местах, где врезались веревки. Ее раздвоенные копыта были прозрачные и красные как вишневое желе.

Она, казалось, растерялась, когда обнаружила отсутствие Свиреля, но не обеспокоилась, когда поняла, что он ушел сражаться. Она расцеловала Сирокко и Габи и прижалась к ним в любовном порыве, чем внушила Габи определенные опасения, хотя Сирокко и объяснила ей, что титаниды четко разделяют лобные и задние половые сношения. Лобные органы служили для производства полуоплодотворенных яй-

цеклеток, которые затем вручную имплантируются в заднее влагалище и оплодотворяются задним пенисом.

Когда Волынка поднялась на ноги, она была слишком пьяная, чтобы везти их на себе. Они прогуляли ее немного по кругу, и в конечном итоге повели по направлению к городу. Через несколько часов они смогли опять сесть ей на спину.

Был уже виден город титанид, когда они нашли Свиреля.

Кровь на его белоснежной шкуре успела уже высохнуть. Из его бока по направлению к небу торчало копьё.

Волынка бросилась к нему, упала на колени и зарыдала, в то время как Габи и Сирокко попятились назад. Сирокко горько скривила губы.

– Будет ли Волынка винить ее за эту смерть? Предпочла бы она умереть вместе с ним, или же это просто отчаяние по земным понятиям?

Титаниды, казалось, не понимали триумфа битвы; это было что-то такое, что они делали из необходимости, с чем ничего не могли поделать. Первое в них восхищало Сирокко, за второе она жалела их.

Радовалась она тому, что спаслась, или оплакивала потерю? Она не могла испытывать эти два чувства одновременно и поэтому рыдала.

Волынка с трудом поднялась на ноги, гораздо тяжелее, чем должна бы.

Три года, – подумала Сирокко. – Это ничего не значит. Она так же простодушна, как человек в этом возрасте, но для

титаниды она была взрослой.

Волынка подняла голову Свирели, на лице которого застыло суровое выражение, и поцеловала его, затем села около тела. Она сидела молча; у титанид не было песен для такого повода.

Габи и Сирокко опять сели на спину титаниды и она медленной рысью направилась по направлению к городу.

– Завтра, – сказала Сирокко, завтра мы отправляемся к ступице.

Глава 18

Пятью днями позже Сирокко все еще продолжала готовиться к походу. Существовали некоторые проблемы.

Билл выпадал, хотя у него было другое мнение по этому поводу. То же самое было и с Август. Теперь она редко разговаривала, проводя время на окраине города, на вопросы отвечала односложно. Калвин не мог сказать, как поступить с медицинской точки зрения лучше – оставить ее здесь, или взять с собой. Сирокко решила, что для пользы дела Август не следует брать с собой, так как она может доставить во время путешествия дополнительные хлопоты.

Выпадал также и Калвин, так как он пообещал остаться в городе титанид лишь до того времени, пока Билл не сможет сам о себе заботиться; после этого он распорядился собой сам.

Джин шел, так как Сирокко хотела держать его на глазах, подальше от титанид.

Оставалась Габи.

– Ты не можешь оставить меня, – сказала она Сирокко, это звучало не как просьба, а как констатация факта. – Я иду с тобой.

– А я и не пытаюсь оставить тебя. – Ты язва, конечно, с твоей манией приписывать мне то, что я не заслуживаю, но ты неоднократно спасала мне жизнь, за что я ни разу по-на-

стоящему не поблагодарила тебя, и я хочу, чтобы ты знала, что я этого никогда не забуду.

– Мне не нужны твои благодарности, – ответила Габи, – мне нужно, чтобы ты любила меня.

– Я не могу принять от тебя такой жертвы. Я *люблю* тебя, Габи. О, дьявол! Мы были с тобой бок о бок с самого старта. Но первые пятьдесят километров мы совершаем на цепелине. Я не могу принудить тебя к этому.

Габи побледнела, но храбро заявила:

– Тебе и не понадобится этого делать!

Сирокко кивнула в ответ:

– Как я уже говорила, ты поступаешь по своему усмотрению. Калвин говорит, что мы должны лететь на уровне сумеречной зоны. Цепелины не поднимаются выше, так как это не нравится ангелам.

– Итак, идем ты, я и Джин?

– Да, – нахмурившись ответила Сирокко. – И я рада, что ты решилась идти.

Им много чего надо было в дорогу и Сирокко не знала, как все это добыть. У титанид существовала система обмена, но цены зависели от степени родственных взаимоотношений, установленных в общине и потребности в них. Никто не был голодным, но социальный статус личностей был неоднородным. У таких, как Волынка, была пища, кров над головой и орнамент на теле, которые ценились немногим меньше

такой жизненной необходимости, как пища.

У них существовала своя кредитная система. Частично мейстерзингер использовал ее, но при установлении цены больше полагался на произвольно установленный им социальный статус Сирокко, утверждая, что так как она его духовная дочь, то соответственно должна быть принята общиной по причине природы ее миссии.

Большинство титанид-ремесленников покупали у нее идеи и платили ей чересчур щедро. Ими были изготовлены рюкзаки, ремни которых были приспособлены к человеческому телу. Все предлагали свои лучшие изделия.

Сирокко решила, что каждый из них должен нести около пятидесяти килограммов массы. Объем получался внушительный, но вес только двенадцать килограммов и будет становиться все меньше по мере их продвижения к ступице. Габи сказала, что центростремительная сила ускорения будет составлять одну сороковую гравитации.

Во-первых надо было решить проблему веревок. У титанид росло растение, которое очень подходило на роль веревки: оно было тонкое, крепкое и гибкое. Каждый мог нести кольцо из этой «веревки» длиной в сто метров.

Титаниды были хорошими альпинистами, хотя в большинстве случаев применяли это свое умение на деревьях. Сирокко обсудила с ремесленником по металлу вопрос изготовления альпинистских крюков и тот рьяно принялся за работу. К сожалению, сталь была незнакома титанидам. Джин

посмотрел на крючья и покачал головой.

– Это лучшее, что можно сделать, – сказала Сирокко. – Они закалили ее как я сказала.

– Этого все равно недостаточно. Но не волнуйся. Чтобы там ни находилось внутри спицы, но это не должен быть камень. Камень не выдержал бы такого давления и раскололся. В сущности, я не знаю ничего достаточно прочного, чтобы могло выдержать это.

– Из этого следует, что люди, которые строили Гею знали больше нас.

Сирокко не слишком волновалась. Ангелы жили в спицах. Если они всю жизнь летают, то у них должны быть где-то насесты. Если они садятся на что-либо, то она может за это «что-либо» ухватиться.

Они купили молотки, чтобы заколачивать крючья, они были наиболее легкие из тех, что могли изготовить ремесленники, и в то же время имели большую ударную силу. Ремесленники же снабдили их топорами и ножами, а также точильными камнями для их натачивания. Упаковали они и парашюты, любезно предоставленные цеппелином.

– Еще одежда, – сказала Сирокко, – какую одежду нам надо с собой взять?

Мейстерзингер беспомощно посмотрел на нее.

– Как ты видишь, я не испытываю в ней потребности, – пропел он. – Некоторые из нас, у которых также как у вас обнажена кожа, надевают на себя одежду в холодное время.

Мы можем изготовить что вам потребуется.

В результате они оказались экипированы с головы до ног в лучшие образцы шелка. В самом деле это был конечно же не шелк, но ощущение было идентичное. Поверх этого были войлочные рубахи и панталоны, по две пары на каждого и шерстяные свитера. Были изготовлены также меховые куртки и штаны, а также перчатки на меху и мокасины на прочной подошве. Они должны были быть готовы ко всему и поэтому одежда заняла в их багаже много места, но Сирокко об этом не сожалела.

Упаковали они также шелковые гамаки и спальные принадлежности. Титаниды изготовили спички и масляные лампы. Они взяли каждый по одной лампе и горючее для нее.

Надо было подумать о воде и пище для путешествия.

– Вода, – волновалась Сирокко, – это может вылиться в большую проблему.

– Ладно, ты сама сказала, что ангелы живут там, наверху, – сказала Габриэлла, помогающая Сирокко упаковывать вещи, – они ведь должны что-то там пить.

– Но это не значит, что эту воду легко будет там найти.

– Если ты будешь все время из-за чего-нибудь волноваться, мы можем вообще никогда не выйти.

Они взяли с собой большие бурдюки с водой, чтобы хватило питья на девять-десять дней. Затем заполнили все свободное пространство в багаже сухими продуктами. Они планировали, если это возможно, питаться той же пищей, что и

ангелы.

На шестой день все было готово, но ей надо было еще встретиться с Биллом. Ее омрачала перспектива использовать свою власть, чтобы положить конец спорам, она знала, что поступит так только в случае крайней необходимости.

– Вы все сумасшедшие, – говорил Билл, стуча ладонью по кровати. – Вы не имеете понятия, как будете взбираться туда. Ты что, серьезно думаешь, что сможете вскарабкаться вверх по трубе на *высоту 400 километров*?!

– Мы собираемся посмотреть, возможно ли это.

– Это верное самоубийство. Ты будешь лететь со скоростью тысяча метров в секунду, прежде чем ударишься.

– Я подсчитала, что ускорение в этом воздухе не превышает двухсот метров. Билл, если ты пытаешься ободрить меня, то делаешь это паршиво. – Сирокко еще никогда не видела Билла таким и она ненавидела его за это.

– Мы должны держаться вместе, ты прекрасно знаешь это. Ты до сих пор не пришла в себя после потери «Властелина Колец», пытаешься изображать из себя героя.

Если бы в том, что сказал Билл не было зерна истины, это не задело бы ее настолько. Она думала об этом долгие часы, пытаясь заснуть.

– Воздух! А что если там наверху нет воздуха?

– Мы не самоубийцы. Если это невозможно – мы признаем это. У тебя искусственные доводы.

Билл умоляюще смотрел на нее.

– Прошу тебя, Роки. Подожди ради меня. Я никогда ни о чем не просил тебя, но теперь я прошу тебя.

Сирокко вздохнула и жестом попросила Габи и Джина выйти. Когда они вышли, она села на край его кровати и взяла Билла за руку. Он выдернул ее. Она резко встала, в ярости на себя, что хотела пронять его таким способом, и на него, за то, что отверг ее.

– Кажется, я не знаю тебя, Билл, – тихо сказала Сирокко, – я думала, что знаю. Я находила в тебе поддержку, когда была одинока и я думала, что со временем смогу полюбить тебя. Не легко разочаровываться в любви. Может быть, я слишком подозрительна. Я не знаю. Рано или поздно все требуют, чтобы я делала то, что хочется им. Ты сейчас делаешь то же самое.

Билл ничего не сказал в ответ, он даже не посмотрел на нее.

– То, что ты делаешь настолько несправедливо, что мне хочется закричать.

– Я бы хотел этого.

– Почему? Чтобы я подтвердила твоё представление о женщине? К дьяволу! Я была капитаном, когда ты встретил меня. Я не думала, что это так важно для тебя.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о том, что если я сейчас уйду, это будет конец нашим отношениям, потому что я не буду ждать, чтобы ты

охранял меня.

– Я не думаю, что ты...

Она не закричала, и хорошо сделала. Она даже сумела после всего выдать из себя горькую улыбку. Это испугало Билла. Габи просунула голову в дверь, но тут же исчезла, когда Сирокко не заметила ее присутствие.

– Ладно, ладно, – сказала она. – Я слишком остро реагирую. Это потому, что я потеряла мой корабль и должна компенсировать это, покрыв себя триумфом. Я расстроена, так как не в состоянии снова собрать команду вместе и сделать ее действующей, не могу воздействовать даже на человека, который, как я думала, уважает мои решения, я должна делать то, что скажет он. Да, я со странностями. Я знаю это. Может быть, я придаю слишком большое значение вещам, которые воспринимала бы иначе, будь я мужчиной. Становишься чувствительным, когда снова и снова тебя постигает неудача и тебе надо быть вдвое лучше, чтобы получить работу.

Ты не согласен с моим решением идти наверх. Ты возражаешь, выдвигаешь свои контраргументы. Ты говорил, что любишь меня. Я не думаю, что ты продолжаешь меня любить, мне жаль, что все так обернулось. Но я приказываю тебе ждать здесь пока я вернусь и не говори мне больше об этом ничего.

Губы Билла были непреклонно сжаты. Потом он сказал:
– Я не хочу, чтобы ты шла потому, что я люблю тебя.

– Боже мой, Билл! Я не хочу такой любви! «Я люблю тебя, поэтому стой смиренно, пока я не привяжу тебя». Какую боль ты причиняешь этим. Если ты не можешь понять меня как женщину, не в состоянии позволить мне принимать собственные решения и позаботиться о самой себе, то ты вообще не можешь обладать мной.

– А какая должна быть любовь?

Сирокко почувствовала, что готова заплакать, но знала, что не заплачет.

– Я сама хотела бы это знать. Наверное, не такая. Наверное, один должен проявлять заботу о другом, это не значит, что я предпочла бы найти мужчину, который зависел бы от меня, потому что иначе я не могу. Не лучше ли просто заботиться друг о друге? Я имею в виду, что когда слаб ты – я помогаю тебе, когда слаба я – ты поддерживаешь меня.

– Похоже, ты никогда не бываешь слабой. Ты только что сказала, что можешь позаботиться о себе сама.

– Каждому человеку свойственно быть слабым. Если ты думаешь, что я не слабая, то ты не знаешь меня. Я сейчас как малое дитя, задаюсь себе вопросом, позволишь ли ты уйти мне, даже не поцеловав на прощание и не пожелав мне удачи...

– Проклятье, не хватало еще этих слез! – Сирокко быстро вытерла глаза, не желая использовать свои слезы как оружие. – Как победить в этой безвыигрышной ситуации? – Независимо от того слабой или сильной она была, она всегда

оборонялась.

Сердце у Билла дрогнуло, он притянул ее и поцеловал. Когда они оторвались друг от друга, казалось мало что уже можно было еще сказать. Сирокко не могла сказать, какая у него была реакция на ее сухие глаза. Она знала, что ему больно, но не стало ли ему от этого еще больнее?

– Возвращайся как можно скорее.

– Хорошо. Не волнуйся слишком обо мне. Я слишком слабая, чтобы убить.

– Не знаю.

– Два часа, Габи, поднимаемся.

– Знаю, знаю. Не говори мне об этом, ладно?

Цеппелин выглядел даже большим, чем раньше. Он сидел в долине к востоку от города титанид. Обычно цеппелин никогда не спускается ниже верхушки деревьев. Было необходимо погасить все огни в городе, чтобы уговорить его приземлиться.

Сирокко оглянулась на Билла, стоявшего на костылях возле соломенной подстилки, которую титаниды выносили для него на улицу. Он помахал ей рукой и Сирокко помахала ему в ответ.

– Меня мутит, Роки, – сказала Габи. Зубы у нее стучали. – Разговаривай со мной.

– Спокойно, девочка, спокойно. Открой глаза, смотри, куда мы идем. Ооп!

Внутри желудка цеппелина стояли в очередь с десятков животных, они были похожи на пассажиров подземки, спешивших попасть домой. Толкаясь, они выскакивали наружу, Габи сбили с ног.

– Помоги мне, Роки! – отчаянно попросила она, рискуя лишь разок поднять глаза на Сирокко.

– Разумеется, сейчас. – Она швырнула свой ранец Калвину, который был уже внутри с Джином, и помогла Габи подняться. Она была такая крошечная, и такая холодная.

– Два часа.

– Два часа, – с трудом повторила Габи.

Послышался быстрый стук копыт и появилась Волянка. Она схватила Габи за руку.

– Вот, моя маленькая, – пропела она, – это поможет тебе, – и она подала Габи бурдюк с вином.

– Откуда ты знаешь... – начала было Сирокко.

– Я увидела страх в ее глазах и вспомнила услугу, Которую она оказала мне. Я поступила правильно?

– Ты изумительна, дитя мое! Спасибо тебе за нее.

Сирокко не сказала Волянке, что специально для этой цели у нее в рюкзаке имелся бурдюк с вином.

– Я не буду опять целовать тебя, так как ты сказала, что вернешься. Удачи тебе и пусть Гея вернет вас нам!

– Удачи!

Отверстие медленно закрылось.

– Что она сказала?

– Она хочет, чтобы ты напилась.

– Я уже пила. Но сейчас, когда ты напомнила...

Сирокко стояла около нее, пока Габи пила вино, пока не очутилась на грани бессознательности. Когда Сирокко убедилась, что с Габи все в порядке, она присоединилась к мужчинам в передней части гондолы.

Они были уже в воздухе. Водный балласт все еще выплескивался через отверстие, расположенное около носа цепелина.

Вскоре они уже скользили над поверхностью каната. Посмотрев вниз, Сирокко увидела деревья и пространства, поросшие травой. Частично канат был полностью заросший. Он был такой большой, что был похож на плоскую ленту земли. Пока они не достигли крыши, им не грозила опасность упасть.

Постепенно начал угасать свет. Через десять минут они находились в сумерках оранжевого оттенка, которые переходили в сплошную ночь. Сирокко с грустью смотрела на уходящий свет. Она проклинала его, за то, что он никогда не кончался, но в конце концов, это был свет. Какое-то время ей не доведется видеть его.

А может быть, она уже никогда не увидит света.

– Здесь конец линии, – сказал Калвин. – Он опустит вас немного ниже и высадит на канат. Удачи вам, безумцы! Я буду ждать вас!

Джин помог Сирокко натянуть на Габи упряжь, затем по-

шел первым, чтобы поддержать ее, когда она приземлится. Сирокко наблюдала за ними сверху, потом получила прощальный поцелуй от Калвина, натянула стремяна парашюта и шагнула наружу.

Она спускалась в сумеречную зону.

Глава 19

Приземлившись на канат, они почувствовали, что стало светлее, они находились примерно на середине пути – приблизительно в сотне километров от центра ближе к Гее и, соответственно, на сто километров дальше от земли. Гравитация упала от почти одной четверти земной до менее одной пятой. Рюкзак Сирокко начал весить почти на два кило меньше, а ее собственный вес стал меньше на половину.

– Еще сто километров до того места, где канат соединяется с крышей, – сказала Сирокко. – Мне кажется, склон здесь где-то тридцать пять градусов. Для этой ситуации это довольно несложно.

Джин посмотрел на нее.

– Я бы сказал, что угол больше сорока градусов, ближе к сорока пяти. И он становится круче. Перед крышей он составляет уже семьдесят градусов.

– Но при этой гравитации...

– Склон под углом в сорок пять градусов – это не шутки, – сказала Габи. Она сидела на земле, лицо у нее было зеленое, но держалась она бодро. Ее вырвало, но нечего было и говорить, что чувствовала она себя лучше, чем на цеппелине. – На Земле я делала восхождение с привязанным к спине телескопом. Для этого надо быть в хорошей форме, а о нас этого не скажешь.

– Она права, – сказал Джин. Я потерял вес. Низкая гравитация расслабляет.

– Вы, люди, капитулянты.

Джин покачал головой:

– Просто не надо думать, что мы на ура преодолеем этот подъем. И не надо забывать, что масса рюкзаков стала почти что равна нашей собственной массе. С этим надо быть внимательным.

– Дьявол! Мы собираемся предпринять попытку штурма самой высокой горы в истории человечества; и что же, я слышу песни? Нет, не слышно ничего, кроме ворчания!

– Если есть песни, то надо петь, – сказала Габи, – лучше спеть их сейчас, а то позже нам будет не до песен.

– Ладно, – подумала Сирокко, я сделала все от меня зависящее.

Она сознавала, что путешествие будет трудным, но считала, что трудная часть начнется от крыши, до которой, как полагала Сирокко, они должны были добраться дней через пять.

Они находились в сумрачном лесу. Над ними неясно вырисовывались вершины деревьев, пропускавшие слабый свет сумеречной зоны, придававший всему бронзовый оттенок. Над головами аркой поднимался балдахин из розовых, оранжевых, сине-зеленых и золотых целлофановых листьев: экстравагантный поздний солнечный закат в летнюю ночь.

Земля слабо вибрировала у них под ногами. Сирокко по-

думала об огромной массе воздуха, стремительно несущейся по кабелю к ступице, и ей захотелось, чтобы эта огромная толкающая сила была использована с пользой.

Взбираться было нетрудно. Земля была твердая, гладкая. Очертания земли были продиктованы переплетами волокон под тонким слоем почвы. Она горбилась длинными хребтами, которые через несколько сотен метров спускались под углом по направлению к склонам каната.

Затем растительность стала гуще, это происходило в тех местах, где слой почвы был глубже, между волокнами. Они выбрали следующую тактику ходьбы: шли по хребту, пока он не начинал закручиваться под канат, затем пересекали неглубокий овраг и переходили на следующую прядь, тянущуюся к югу. Так они еще шли с полкилометра, затем следовал следующий переход.

В каждом овраге на дне был небольшой ручей. Они были не больше струйки, но вода текла быстро и прорезала в грунте глубокие каналы, все они стекали вниз, к канату.

Сирокко догадалась, что ручью должны падать прямо с каната где-то на юго-западе.

Здесь наверху Гея была такая же плодородная, как и на земле. Множество деревьев изобиловали фруктами, было полно древесных животных. Сирокко узнала ленивца. Он был величиной с кролика, они были съедобны, и их легко было убить.

На исходе первого часа Сирокко поняла, что остальные

были правы. Это случилось тогда, когда ей судорогой свело икру и она растянулась на земле.

– Этого еще не хватало, проклятье!

Габи усмехнулась. Она сочувствовала Сирокко, но все равно была довольна, что оказалась права.

– Это склон, когда идешь, не сразу чувствуешь напряжение; ты прав по поводу веса. Склон настолько крутой, что приходится все время напрягать пальцы ног.

Джин сел рядом с женщинами. Сквозь просвет между деревьями была видна тропа на Гиперион. Она блестела ярко и заманчиво.

– Да, масса это тоже проблема, – сказал Джин. – Я вынужден идти, почти касаясь носом земли, чтобы вообще как-то двигаться.

– У меня болят икры, – заявила Габи.

– У меня тоже, – жалобно сказала Сирокко. Сейчас, когда она помассировала ногу, боль постепенно стала проходить, но она вернется снова.

– У этого склона чертовски обманчивый вид, – сказал Джин. – Будет, наверное, лучше взбираться на четвереньках. У нас слишком большая нагрузка на бедра и нижнюю часть ног, нам надо распределить ее более равномерно.

– В этом что-то есть. Но при этом положении возрастает нагрузка на руки.

– Вы оба правы, – сказала Сирокко. – Я задала слишком большой темп. Мы будем чаще останавливаться. Джин, ты

не достанешь из моего рюкзака сумку с лекарствами?

В сумке были различные средства от насморка и лихорадки, пузырьки с дезинфицирующими средствами, перевязочный материал, средства для местного обезболивания, которые Калвин использовал во время аборт, был даже мешочек с зернами, действующими как стимуляторы. Был здесь и блокнот, в котором Калвин описал приемы неотложно помощи, начиная с кровотечения из носа и кончая ампутацией. Был здесь также круглый кувшин с фиолетовой целебной мазью, которую дал Сирокко мейстерзингер от «болей в дороге». Сирокко закатала штанину и втерла немного мази в больное место, надеясь, что она действует на человека также, как на титанид.

– Готова? – спросил Джин, укладывая сумку в рюкзак.

– Думаю, что да. Ты пойдешь впереди. Иди медленнее, чем мы шли. Я скажу тебе, если скорость будет для меня слишком большой. Каждые двадцать минут мы будем останавливаться на десять минут отдыха.

– Как скажешь.

Через пятнадцать минут страдал от боли уже Джин. Он сгорбился, стащил с ноги ботинок и растирал голую ступню.

Сирокко была рада вынужденному отдыху. Она достала из кармана мазь, закатала штанину, затем передала мазь Джину. Подложив под себя рюкзак, Сирокко сидела почти вертикально, но ноги ее тянулись вниз по склону. Рядом с ней

не шевелясь лежала Габи.

– Пятнадцать минут восхождения, пятнадцать минут отдыха.

– Что бы ты не сказала, леди босс, – вздохнула Габи. – Я отдам за тебя жизнь. Я буду карабкаться, пока мои руки и ноги не откажут мне окончательно. И когда я умру, пусть на моей могиле напишут, что я умерла, как подобает солдату. Толкни меня, когда надо будет идти, – она громко захрапела. Сирокко рассмеялась. Габи подозрительно приоткрыла один глаз, но потом тоже рассмеялась.

– А как насчет надписи «Здесь лежит женщина-астронавт»? – предложила Сирокко.

– Она исполнила свой долг, – добавил Джин.

– Искренне, – фыркнула Габи. – Где в жизни романтика? Скажи кому-нибудь свою эпитафию, и что получишь в ответ? Шуточки.

Следующая судорога схватила Сирокко во время отдыха. На этот раз судорога схватила обе ноги. Ничего смешного в этом не было.

– Эй, Роки, – сказала Габи, нерешительно касаясь ее плеча. – Нет смысла заниматься самоубийством. Давай на этот раз отдохнем час.

– Это смехотворно, – пробурчала Сирокко. – Я едва двигаюсь. У меня просто никуда не годные подметки.

Сирокко подозрительно посмотрела на Габи:

– А почему у тебя нет судорог?

– Я лодырничаю, – простодушно призналась Габи. – Я привязываю веревки к твоим негодным подметкам, и ты выполняешь ослиную работу.

Сирокко вынуждена была улыбнуться, хотя улыбка и вышла слабой.

– Мне просто надо пережить это, – сказала она, – рано или поздно, я войду в норму. Судороги не убьют меня.

– Нет, конечно. Просто мне тяжело смотреть, как ты страдаешь.

– Как насчет того, чтобы десять минут подниматься, двадцать минут лежать? – предложил Джин. – Только пока мы не станем способны на большее.

– Нет. Мы поднимаемся пятнадцать минут, или до тех пор, пока кто-нибудь из нас не сможет идти, что более вероятно. Затем мы столько же отдыхаем, или же до тех пор, пока мы будем в состоянии карабкаться вверх. Мы будем идти восемь часов... – она посмотрела на часы. – Если вести отсчет от теперешнего времени – это будет пять часов. Затем мы сделаем привал.

– Увлекай нас вперед, Роки, – вздохнула Габи. – Это у тебя хорошо получается.

Дела шли отвратительно. У Сирокко продолжали распространяться боли. Габи тоже начала испытывать боль.

Снадобье титанид помогало, но они были вынуждены эко-

номить его. У каждого из них в рюкзаке лежала упакованная сумка с лекарствами, и они уже не обращались за ними к Сирокко. Сирокко надеялась, что в первые пять дней путешествия им не понадобятся лекарства, она хотела теперь, чтобы у них остался хотя бы один кувшинчик с мазью на то время, когда они будут взбираться внутри спицы. В конце концов, это не была невыносимая боль. Когда она хватала ее, Сирокко готова была выть, потом она садилась и пережидала, пока она утихнет.

На исходе седьмого часа у Сирокко появилось чувство легкой досады на собственное упрямство. Она почти что пыталась доказать себе, что Билл был прав, но она стойко шла вперед, стараясь преодолеть невыносимую боль.

Они разбили лагерь на дне оврага, набрали сухих дров для костра, но не стали натягивать тент. Воздух был жаркий и сырой, но костер горел ярко в усиливающейся темноте. Они расселись вокруг огня, разделись до яркого шелкового нижнего белья.

– Вы похожи на павлинов, – сказал Джин, прихлебывая из бурдюка вино.

– Очень усталых павлинов, – вздохнула Сирокко.

– Как далеко мы прошли, как ты думаешь, Роки, – спросила Габи.

– Трудно сказать, километров пятнадцать?

– Да, где-то около этого, – согласно кивнул Джин. Я посчитал шаги вдоль двух хребтов и вычислил среднее рассто-

ание, потом посчитал количество пройденных нами хребтов.

– Два великих ума, – сказала Сирокко. – Сегодня пятнадцать, завтра двадцать. Дней через пять мы будем у крыши.

Сирокко растянулась на земле и наблюдала за перемещением цветковых оттенков на листьях над головой.

– Габи, ты дежурная. Поройся в мешке и найди нам что-нибудь поесть. Я готова съесть титаниду.

Вторая ночь наступила лишь через пять часов после первой, так как Сирокко посчитала это необходимым.

– Благодарю тебя, Госпожа Время, – вздохнула Габи, растянувшись на подстилке. – Если мы постараемся, то можем установить новый рекорд. Двухчасовой день!

Джин лег рядом с ней.

– Когда ты разведешь костер, Роки, я покажу тебе, как готовится филе. А между тем и тихонько прогуляешься, хорошо? Когда твои колени треснут, я проснусь.

Подбоченившись, Сирокко пристально посмотрела на них.

– Так что это происходит, а? У меня для вас есть небольшая новость. Я старше вас.

– Она что-то сказала, Джин?

– Я ничего не слышал.

Сирокко прихрамывая бродила вокруг, пока не набрала достаточно дров для костра. Стать на колени, чтобы начать разводить костер, оказалось сложной проблемой, она казалась неразрешимой. К тому примешивалась щемящая обида

на то, что они не захотели войти в ее положение.

Но спустя некоторое время мясо шипело в жиру, и носы Джина и Габи повернулись на источник восхитительного запаха.

У Сирокко едва хватило сил присыпать угли землей и развернуть подстилку. Она уснула не дойдя до нее.

Второй день был настолько легче второго, насколько чикагский пожар легче землетрясения в Сан-Франциско.

Они преодолели десять километров склона, который становился постепенно все круче, это заняло у них восемь часов. После этого Габи заметила, что у нее такое чувство, что ей не восемнадцать лет, а семьдесят восемь.

Пришло время менять тактику восхождения. Все усиливающая крутизна склона делала весьма трудной ходьбу даже на четвереньках. Ноги их постоянно скользили, они сползали вниз, широко раскинув руки, и ноги цеплялись за землю, чтобы не скатиться вниз.

Джин предложил по очереди брать конец веревки и ползти вверх, пока ее хватит, потом привязать веревку к дереву. Двое остальных будут ожидать внизу, затем, подтягиваясь на веревке, поднимутся до места ее крепления. Тот, кто идет впереди, в течение десяти минут тяжело работает, пока двое остальных отдыхают, затем он отдыхает два периода и опять идет вперед. За один раз они делали триста метров.

Сирокко посмотрела на ручей около их третьей стоянки и

подумала о том, что неплохо было бы искупаться, но потом она отбросила эту мысль. Есть – вот что она хотела. Джин, слегка ворча, взялся в свою очередь за сковородку, заступив на дежурство.

Сирокко и в самом деле чувствовала себя довольно хорошо, проверяя запас продуктов в рюкзаке.

На пятый день они прошли двадцать километров за десять часов. И в конце дня Джин попытался схватить Сирокко.

Они разбили лагерь около ручья, который был достаточно широк, чтобы в нем можно было искупаться. Сирокко разделась и вошла в воду. Хорошо было бы иметь мыло, но на дне ручья был хороший песок, и она потерла им себя. Вскоре к ней присоединились Габи и Джин. Позже Габи ушла по поручению Сирокко за свежими фруктами. Полотенец у них не было, и она стояла и обсыхала у костра, когда Джин обнял ее.

Сирокко подпрыгнула, разбрасывая горящие веточки и сбросила его руки со своих груди.

– Эй, прекрати это!

Борясь, она вырвалась от него.

Джин совершенно не смутился.

– Прекрати, Роки. Можно подумать, мы никогда раньше не касались друг друга.

– В самом деле? Ладно, я не люблю, когда на меня нападают исподтишка. Держи свои руки при себе.

Джин казался раздраженным.

– Ты так и собираешься стоять? А что, ты думаешь, я должен делать, когда рядом бегают две обнаженные женщины?

Сирокко потянулась за одеждой.

– Я не знала, что вид обнаженной женщины заставляют тебя терять над собой контроль. Я это запомню.

– Теперь сердись ты.

– Нет, я не сержусь. Мы собираемся жить какое-то время вместе, и нам этого допускать нельзя, – Сирокко застегнула застёжки на блузе и какое-то мгновение осторожно смотрела на Джина, затем подбросила сучья в костер, не отрывая от него настороженного взгляда.

– Тем не менее, ты продолжаешь на меня сердиться. Я не хотел тебя обидеть.

– Просто не надо хватать меня вообще.

– Я послал бы тебе розы и конфеты, но это слегка неисполнимо.

Сирокко улыбнулась и немного расслабилась. Это было больше похоже на прежнего Джина, который брался усовершенствовать все, что ни попадалось ему на глаза.

– Послушай, Джин. Мы не были великолепной парой на борту корабля, и ты сам это знаешь. Я устала, голодна и до сих пор чувствую себя грязной. Все, что я могу тебе сказать – это, если я буду к чему-нибудь готова, я скажу тебе об этом.

– Достаточно честно.

Пока Сирокко возилась с костром, тщательно следя, что-

бы он не выходил за пределы углубления, вырытого ими в земле, они не сказали больше друг другу ни слова.

– Ты... у тебя происходит что-то с Габи?

Кровь прилила к лицу Сирокко, она надеялась, что в свете костра он этого не заметит.

– Это не твое дело.

– Я всегда подозревал, что она лесбиянка, – сказал Джин, – но не думал, что и ты тоже.

Сирокко глубоко вздохнула и пристально посмотрела на Джина. Сумерки не позволили хорошо рассмотреть выражение его лица, заросшего светлой бородой.

– Ты специально раздражаешь меня? Я уже сказала, что это не твое дело.

– Если бы это было не так, ты просто бы сказала об этом.

Что со мной происходит, – думала Сирокко, – почему у меня по коже бегут мурашки? В спорах Джин всегда давил своей твердолобой логикой. Его фанатизм явно не проявлялся и был социально приемлемым, иначе его никогда бы не выбрали для экспедиции на Сатурн. Джин был довольно бесцеремонен в общении и искренне удивлялся, когда на него обижались за нетактичность. В общем-то, он был обычным человеком с некоторой поправкой на его психологические особенности, но несколько эксцентричный.

Так почему она так неловко чувствует себя, когда он смотрит на нее?

– Наверное, лучше все-таки тебе все рассказать, чтобы ты

не травмировал Габи. Она влюбилась в меня. Это каким-то образом связано с изоляцией; я была первой, кого она увидела после пережитого кошмара, и у нее развилось это пристрастие. Я думаю, у нее это пройдет, так как она до этого не была гомосексуалкой. Как, впрочем, и гетеросексуалкой.

– Может быть, она это скрывала, – предположил Джин.

– В этом-то возрасте? Девятнадцать-двадцать лет? Ты меня изумляешь, Джин! От тестов НАСА ничего невозможно скрыть. Конечно, она имела гомосексуальную любовную связь. Так же, как и я, и ты. Я читала твое досье. Ты не хочешь сказать мне, сколько тебе было лет, когда это случилось?

– Я был еще ребенком. Дело в том, что я рассказывал ей об этом, когда мы занимались любовью. Ты знаешь, что не последовало абсолютно никакой реакции? Держу пари, что непохоже, что вы вдвоем занимаетесь этим.

– Мы не... – Сирокко оборвала себя, удивляясь, что она так далеко зашла в разговоре об этом.

– Все, беседа окончена. Я больше не хочу об этом говорить, кроме того, возвращается Габи.

Подошла Габи и бросила у ног Сирокко полную сетку фруктов. Она присела на корточки, задумчиво перевела взгляд с одного на другого, затем встала и начала одеваться.

– У меня горят уши, или мне это только кажется?

Ни Сирокко, ни Джин ничего не ответили, и Габи вздохнула.

– Ну что, опять то же самое. Я думаю, что начинаю соглашаться с теми, кто говорит, что цена космических полетов людей обходится дороже, чем они того стоят.

Пятый день похода привел их в окончательную ночь. Здесь был сейчас лишь призрачный свет, отражающийся от дневных зон по обе стороны изгибов. Этого света было немного, но достаточно.

Подъем становился круче, слой почвы тоньше. Часто начали встречаться обнаженный теплые пряди. Они начали идти в связке и внимательно следили за тем, чтобы пока один поднимается, двое остальных обязательно крепко держались.

Но даже здесь растительная жизнь Геи не прекращалась. Из корней массивных деревьев, глубоко вросших в канат, пробивались побеги, которые, цепляясь, ползли по поверхности и упорно тянулись к жизни... Усилия, с которыми они боролись за жизнь, лишали их всякого очарования. Они были чахлые и одинокие, корни у них были полупрозрачные, их листья имели разве что названия листьев. Временами корни этих деревьев можно было использовать вместо лестницы.

К концу дня они прошли по прямой семьдесят километров и на пятьдесят километров приблизились к ступице. Деревья стали совсем тонкие, путешественники поднимались теперь выше уровня крыши, приближаясь к клиновидному пространству между канатом и колоколообразной пастью

спицы Реи. Оглянувшись назад, можно было увидеть раскинувшийся внизу Гиперион, как будто они летели на самолете, привязанном чудовищной веревкой к каменному выступу, называемому местом ветров.

В начале седьмого дня пути они увидели яркий блеск стеклянного замка. Сирокко и Габи припали к земле в сплетении корней дерева и наблюдали, как Джин тащит веревку к нижней части строения.

– Наверное, это то самое место, – сказала Сирокко.

– Ты имеешь в виду, что это вестибюль подъемника? – фыркнула Габи. – Если это так, то я скорее проехала бы по американской горке с бумажным ограждением.

Это было что-то наподобие итальянского дома на холме, но сделанном из сахара, как конфета на палочке, миллион лет назад и наполовину расплавленный. Купола и балконы, арки, несущие опоры, зубцы стен и крыши в виде террас осели на выступающих уступах и свисали оттуда как застывший сироп из вафельного стаканчика. Высокие веретенообразные башни склонились под разными углами, как карандаши в стакане. По углам, медленно перемещаясь, искрился то ли снег, то ли кондитерский сахар.

– Это корпус старого корабля, Роки.

– Я сама вижу. Дай мне самой все это представить, ладно?

Замок молчаливо сражался с тонкими белыми виноградными лозами. Он казался холодным и неприветливым; за-

мок был жестоко изувечен, Но когда Джин, Габи и Сирокко подошли поближе, они услышали сухой смертельный шорох виноградной лозы.

– Как испанский мох, – заметила Габи, выдернув горсть переплетенной массы.

– Но крупнее.

Габи пожала плечами:

– Гею с ее размахом это не волнует.

– Здесь наверху есть дверь, – крикнул им Джин. – Хотите войти?

– Еще бы!

От выступа до стены замка было пять метров. Неподалеку находилась закругленная арка. Она была не намного выше Сирокко.

– Вот так так! – выдохнула Габи, опершись на стену. – Оказывается, достаточно идти на уровне земли, чтобы началось головокружение. Я забыла, почему это происходит.

Сирокко зажгла лампу и пошла с Джином через арку в стеклянный холл.

– Лучше держаться вместе, – сказала она Джину.

По всей видимости, это была не лишняя предосторожность. Из-за того, что не вся поверхность была полностью отражающая, это место имело много общего с зеркальными домами на карнавалах. По обе стороны от них через стены были видны другие комнаты, стены которых тоже были стеклянными и сквозь которые были видны следующие комнаты.

– Как мы выйдем отсюда наружу? – спросила Габи.

Сирокко показала вниз:

– Иди по нашим следам.

– А-а, ну и глупая же я! – Габи наклонилась, чтобы рассмотреть красивый порошок, покрывающий пол. Под ним были разбросаны большие плоские пластинки.

– Стекланный пол, – сказала она, – не упасть бы вниз.

– Я тоже сначала так подумал, – покачав головой, ответил ей Джин. – Но это не стекло. Оно тонкое, как стенка мыльного пузыря, и оно не держится по краям.

Он подошел к стене и нажал на нее ладонью. Она разлетелась, издавая негромкий звенящий звук. Джин поднял один из осколков, упавших около него, и раздавил его в руке.

– Как много стен ты собираешься разрушить, прежде чем на нас упадет второй этаж? – спросила Габи, указывая на верхний этаж.

– Я думаю, множество. Посмотри на этот лабиринт, но так не было с самого начала, Мы просто проходим через некоторые стены потому, что их кто-то сломал уже до нас. Это просто стеллаж из кубов, в которых нет ни выхода, ни входа.

Габи и Сирокко посмотрели друг на друга. – Как в том доме, который мы видели у основания каната, – сказала Сирокко, обращаясь к обоим, и объяснил Джину, в чем дело.

– Кто же строит дома с комнатами, в которые нельзя ни зайти, ни выйти из них? – спросила Габи.

– Наутилус, камерный моллюск, – сказала Джин.

– Повтори.

– Наутилус. Он строит свой дом в виде спирали. Когда дом становится ему мал, он перебирается выше и запечатывает нижнюю часть. Если разрезать этот домик пополам, видна очень симпатичная картина. Это похоже на дом, который мы видели: меньшие комнаты внизу, большие наверху.

– Но здесь все комнаты одинакового размера, – нахмурившись, сказала Сирокко.

– Разница небольшая, – покачал головой Джин. – Эта комната немного выше, чем та, которая наверху. Где-то есть комнаты поменьше. Эти существа строят в сторону.

Вырисовывалась картина, что существа, построившие стеклянный замок, действовали наподобие морских кораллов. Перерастая дома, колония покидала их и строила новые жилища на оставленных. Частично замок поднимался на десять уровней и больше. Прочность дому придавали не прозрачно-тонкие стены, а каркас из прозрачных перекладин, они были толщиной с запястье Сирокко, но твердые и прочные. Если даже в замке разбить все стены, каркас останется.

– Кто бы его ни построил, не он последним здесь находился, – предположила Габи, – кто-то поселился здесь и внес значительные изменения, если только эти существа не являются гораздо что-то более сложные, чем мы о них думаем. Но как бы то ни было, все это в далеком прошлом.

Сирокко старалась не поддаваться чувству разочарования, но ничего не вышло. Разочарование постигло ее. Они все

еще были далеко от вершины, и похоже, что им придется с трудом преодолевать каждый метр.

– Не надо сердиться.

– Что такое? – Сирокко медленно проснулась. Трудно поверить, уже одиннадцать часов, – подумала она.

Но как он узнал? Часы у нее.

– Не надо смотреть на часы, – это было сказано таким же ровным голосом, но у Сирокко рука замерла на полпути. Лицо Джина было оранжевым в отблесках догорающего костра. Он стоял на коленях.

– Почему... что такое, Джин? Что-нибудь случилось?

– Просто не надо сердиться. Я не хотел обидеть ее, но я не мог позволить ей смотреть, ведь так?

– Габи? – Сирокко начала подниматься и увидела у него нож.

В ее возбужденном сознании возникло несколько картин: обнаженный Джин, Габи лежит лицом вниз, голая и без признаков дыхания, у Джина эрекция. На его руках была кровь. Все ее чувства сосредоточились на остром лезвии. Ей казалось, что даже дыхание его пахнет кровью и яростью.

– Не сердись на меня, – сказал он рассудительно. Я не хотел делать это таким образом, но ты заставила меня.

– Все, что я сказала...

– Ты сердишься, – он вздохнул от этой несправедливости и достал второй нож – Габи. – Если ты подумаешь об этом, то должна винить себя. Ты что, думаешь, я сошел с ума? Ты

женщина. Это мать научила тебя быть эгоистичной, да?

Сирокко обдумывала, как бы безопасней ответить, но он, очевидно, не ждал ответа. Он отодвинулся от нее и приставил конец ножа ей под подбородок. Сирокко вздрогнула; Джин вдавил кончик в мягкое тело. Он был холоднее, чем его глаза.

– Я не понимаю, зачем ты делаешь это?

Джин заколебался. Второй нож двинулся по направлению к ее животу. Ее взгляд остановил его. Сирокко облизнула пересохшие губы.

– Это справедливый вопрос. Я всегда думал об этом. Что не дано человеку? – Он поискал ее взгляд, чтобы найти в нем понимание, и не найдя его, с обреченным видом сказал:

– А-а-а, зачем? Ты девушка.

– Попробуй, – нож опять двинулся. Она почувствовала его на внутренней части бедра. По лбу у нее тек пот. – Ты не должен делать это таким образом. Отложи ножи в сторону, и я дам тебе все, что хочешь.

– А-а-а! – он закачал ножом из стороны в сторону, как мать, делающая укоряющий жест пальцем. – Я не глупый мужчина. Знаю я вас, женщин.

– Я клянусь. Таким образом у тебя все равно ничего не получится.

– Получится. Я убил Габи, и ты мне этого не забудешь. Ты знаешь, это несправедливо. Ты все время мучила меня. Мы всегда грубые, а вы всегда говорите нет, – он презрительно

усмехался, но это выражение опять быстро сменилось спокойствием. Насмешка нравилась Сирокко больше.

– Я просто лишнее существо. Когда вы оставили меня одного в темноте, я решил, что буду делать то, что мне нравится. Я заимел друзей на Рее. Вы не собираетесь их сильно любить. С этого времени – я капитан, так как я должен быть на первом месте. Ты будешь делать то, что я тебе скажу. Ну а теперь не делай глупостей.

У Сирокко перехватило дыхание, когда острое ножа распорол ей штаны. Она думала, что знает, для чего он держит нож, и спрашивала себя, что лучше – быть оцепеневшей и мертвой, или изувеченной и живой. Но когда со штанами было покончено, он больше не резал. Она опять сосредоточилась на ноже под подбородком.

Он вошел в нее. Она отвернула голову, и нож последовал за ней. Было дьявольски больно, но это было не важно. Что имело значение, так это судорога, исказившая щеку Габи, ее рука, тянувшаяся в пыли к топорнику, ее наполовину прикрытый глаз и свет в нем.

Сирокко подняла на Джина глаза и без труда изобразила страх в голосе:

– Нет! О, пожалуйста, не надо, я не готова, ты убьешь меня!

– Раз я сказал, что ты готова, значит – готова! – он опустил голову и Сирокко рискнула взглянуть на Габи, которая, казалось, все поняла. Ее глаз закрылся.

Все происходило как бы не с ней. Это не ее тело, подвергалось надругательству, только нож под ее подбородком был реальностью, пока он не станет уставать.

Какова будет цена его поражения? – спрашивала себя Си-рокко. Правильно. Он не может ослабеть. Надо выбрать момент, когда его внимание будет отвлечено, но она не была уверена, что такой момент появится. Она начала двигаться под ним. Это было самой отвратительное, что она когда-либо делала.

– Теперь мы видим истину, – с мечтательной улыбкой сказал Джин.

– Не говори ничего, Джин.

– Как хочешь. Видишь, насколько лучше, когда ты не бо-решься?

Казалось ей это, или ее кожа под ножом была уже не так натянута? Он отодвинул нож? Она осторожно проверила свою мысль, стараясь не выдать себя, и убедилась, что так оно и было. Чувства ее были обострены до предела. Малейшее облегчение давления воспринималось как будто с нее снимали огромную тяжесть.

Его глаза были совсем рядом. Закроет он их когда-нибудь?

Он закрыл, и она слегка сдвинулась. Но Джин тут же открыл глаза снова.

Проверяет, черт его побери! Но он не увидел ничего подозрительного. В нормальной жизни из нее была паршивая

актриса, но нож вдохновлял ее.

Его спина изогнулась. Глаза закрыты. Нож не чувствуется. Ничего хорошего не вышло.

Она ударила его по руке и повернула голову, лезвие задело щеку. Сирокко нанесла рубящий удар по его горлу, намериваясь раздробить его, но Джин вовремя увернулся. Она извивалась, билась ногами, почувствовала, как лезвие ножа распорол ей плечо. Потом она вскочила...

Но не побежала. Ее ноги не чувствовали земли, мучительные секунды она ожидала удара ножа.

Но его не последовало, она почувствовала опору под ногами, оттолкнулась от земли, нанеся одновременно сильный удар ногой и побежала. Еще в прыжке она оглянулась через плечо и увидела, что удар ее оказался сильнее, чем она представляла. Он оторвал Джина от земли, и он только сейчас приземлился опять. Габи все еще была в воздухе. При низкой гравитации адреналин бешено действовал на мышцы землян.

Она не думала, что он знает, что Габи позади него. Он никогда бы не бросился так безоглядно в погоню за Сирокко, если бы видел в это время ее лицо.

Они разбили лагерь в центральной площади дворца, на ярусе, где строение никогда не разделялось. Костер был в двадцати метрах от первой галереи комнат. Сирокко все еще бежала с ускорением, когда врезалась в первую стену. Она пролетела через десяток комнат, пока не ухватилась за пере-

кладину. Она перевернулась на девяносто градусов, встала и полетела через три потолка, пока не схватилась за следующую перекладину. Она слышала грохот пробиравшегося за ней Джина, не понимающего ее маневров. Она поставила ноги на перекладину и опять оттолкнулась, облако стекол поднялось вместе с ней, медленно крутясь и переворачиваясь словно во сне. Она прыгнула в сторону и прежде чем остановиться, пролетела через три стены. Она прорвалась через стены слева от нее, поднялась на следующий ярус, затем то вверх, то вниз промчалась еще два яруса.

Она остановилась, припав к перекладине, прислушалась. Вдалеке слышался звон бьющегося стекла. Было темно. Сирокко была в центре огромного лабиринта, который бесконечно простирался во все стороны: вверх, вниз, вправо, влево. Она не знала, где находится, но также не знала, где находится он, а это ей знать очень хотелось. Треск стал сильнее, и Сирокко увидела Джина, поднимающегося слева от нее. Она пикировала вниз, в правую сторону, цепляясь за перекладины двух ярусов, по инерции продолжая отклоняться вправо. Она остановилась отдохнуть, упершись босыми ногами в другую перекладину. Вокруг нее медленно оседало разбитое стекло.

Сирокко не знала бы, что Джин совсем рядом, если бы стеклянный дождь не выдал его. Он подобрался к ней вдоль перекладины, но он оказался слишком тяжелым для неразбитого стекла, которое уже и так выдерживало осколки, об-

разовавшиеся после прорыва Сирокко. Оно разлетелось в осколки и посыпалось вниз, как хлопья снега. Сирокко крутанулась вокруг перекладки и оттолкнулась ногами.

Сильно оттолкнувшись, она перевернулась и увидела с изумлением, что он стоит на земле, что сделал бы и она, обладай она этой дьявольской интуицией и пересчитанными ярусами. Она вспомнила ощущение, когда он стоял над ней, потом, потом увидела топорик, занесенный над своей головой, и потеряла сознание.

Сирокко пришла в себя внезапно, пронзительно крича, чего с ней никогда раньше не случалось, Она не знала, где находится, но она опять находилась в брюхе зверя, и не одна. Там был и Джин, который спокойно объяснял, почему он намерен изнасиловать ее.

Он насиловал ее. Она перестала кричать.

Она была уже не в стеклянном дворце. Вокруг ее талии была обвязана веревка. Земля справа от нее уходила вниз. Далеко внизу было темное серое море Реи.

Габи была рядом с ней. Две веревки обвивали ее талию. Одна из них тянулась по склону к тому же дереву, к которому была привязана и Сирокко. Вторая была натянута над темнотой. В высохшей крови на ее лице слезы промыли дорожки. За одну из веревок был заткнут нож.

– Это рюкзак Джина, Габи?

– Да. Он ему больше не понадобится. Как ты себя чув-

ствуешь?

– Мне уже лучше. Подними его, Габи.

Габи подняла на нее глаза.

– Я не хочу лишаться веревки.

Его лицо было разбито в кровь. Один глаз заплыл, второй едва смотрел. Нос у него был сломан и три передних зуба выбито.

– Он вполне этого заслуживает, – заключила, глядя на него, Сирокко.

– Это ничто по сравнению с тем, что я намеривалась с ним сделать.

– Открой его рюкзак и перевяжи это ухо. Оно все еще кровоточит.

Габи попыталась было возмутиться, но Сирокко остановила ее непреклонным взглядом:

– Я не собираюсь его убивать, даже не думай об этом!

Габи разрубила ему ухо топориком. Она сделала это ненамеренно. Она намеривалась рассечь ему голову, но промахнулась. Джин стонал, пока Габи перевязывала его.

Сирокко принялась просматривать содержимое его рюкзака, отбирая вещи, которые можно было использовать. Она оставила продукты и оружие, отбрасывая остальное в сторону.

– Если мы оставим его в живых, он будет преследовать нас, ты знаешь это.

– Может, я и определенно могу это предотвратить. Он должен отправиться через кряж.

– Так какого дьявола я...

– С парашютом. Развяжи ему ноги.

Она приладила ему упряжь. Он опять застонал, и она отвела взгляд, чтобы не видеть, что делает с ним Габи.

– Он думал, что убил меня, – сказала Габи, завязывая последний узел на повязке. – Он так считал, но я успела повернуть голову.

– Как рана?

– Не очень глубокая, но крови было дьявольски много. Я была оглушена, и мое счастье, что я была так слаба, что была не в состоянии двигаться после того как он... после...

У нее потекло из носа, и она вытерла его тыльной стороной руки.

– Очень скоро я потеряла сознание. Следующее, что я увидела – это то, как он изгибался над тобой.

– Я рада, что ты вовремя пришла в себя. Спасибо, что еще раз спасла мне жизнь.

Габи уныло посмотрела на нее, и Сирокко тут же пожалела, что не нашла других слов, чтобы выразить свои чувства. Габи, казалось, чувствовала личную ответственность за то, что произошло. – Это было нелегко, – подумала Сирокко, – спокойно лежать в то время, когда насилуют любимого тобой человека.

– Почему ты оставляешь ему жизнь?

Сирокко посмотрела на Джина, и ее охватила внезапная ярость, она с трудом подавила ее, снова взяла себя в руки.

– Я... ты ведь знаешь, он никогда раньше не был таким.

– Я не знаю этого. Он всегда внутренне оставался отвратительным животным, иначе как он мог сделать такое?!

– Мы все отвратительные животные, но мы сдерживаем себя, а он больше не смог. Он разговаривал со мной, как маленький мальчик, которому больно – не зло, а именно как больной человек, потому что он не собирался этого делать. Что-то случилось с ним после катастрофы, также, как что-то случилась и со мной. И с тобой.

– Но мы не пытались никого убить. Послушай, пусть отправляется вниз с парашютом. Ладно. Но я думаю, что он должен оставить здесь свои яйца.

Она покачала в руке нож, но Сирокко покачала головой.

– Нет. Я никогда особенно не любила его, но мы вместе работали. Он был хорошим членом команды, а сейчас он душевнобольной, и...

Она отела сказать, что в этом есть и часть ее вины, что Джин никогда бы не стал душевнобольным, если бы она соблюдала на корабле спокойствие, но она не смогла сказать это...

– Я даю ему шанс ради того, которым он был. Он сказал, что у него внизу есть друзья. Может быть, он просто бредил, а может быть, они и в самом деле есть у него на Гее. Освободи ее руки.

Габи выполнила ее приказание. Сирокко скрипнула зубами и толкнула Джина ногой. Он начал скользить и, казалось, не понимал, что происходит. Он закричал, когда позади него растянулся парашют, затем исчез за изгибом каната.

Они так и не увидели, раскрылся ли парашют. Две женщины долго сидели молча. Сирокко боялась что-нибудь произнести. Она могла бы разрыдаться и не смогла бы остановиться, а сейчас этому было не время. Надо было заняться ранами и закончить путешествие.

Голова Габи была в относительном порядке. Не помешало бы наложить швы, но все, чем они располагали, это был дезинфицирующий раствор и перевязочный материал. На лбу у нее останется шрам.

То же самое будет и у Сирокко от удара об стеклянный пол дворца. Останется шрам и под подбородком, который протянется до левого уха и также поперек спины... Но ни один из порезов не был достаточно серьезным.

Они позаботились друг о друге, взгромоздили на спины рюкзаки и Сирокко посмотрела на вытянутый вверх канат, по которому им еще предстояло карабкаться, прежде чем они достигнут спицы.

– Я думаю, что нам следует вернуться во дворец и отдохнуть, прежде чем опять приступить к восхождению, – сказала она. – Пару дней, чтобы восстановить силы.

Габи тоже посмотрела вверх.

– О, конечно. Но следующая часть пути должна быть лег-

че. Спустись сюда, я нашла лестницу.

Глава 20

Лестница выходила из кучи песка у самой верхней границы стеклянного замка и стрелой тянулась вверх, пока не исчезала из вида. Каждая ступенька была шириной в полтора метра и пятьдесят сантиметров в высоту, казалось, она была вырезана на передней части каната.

Пройдя немного по лестнице, Сирокко и Габи начали понимать, что, по всей видимости, лестница принесла им мало чего хорошего. Она изгибалась на юг, ступени становились реже. Скоро они станут непроходимыми.

Но ступени оставались на одном уровне. Вскоре они вышли на выступ в виде террасы, с одной стороны которого поднималась огромная стена, а с другой был отвесный обрыв. Не было никаких перил, вообще никакой защиты. Они прижались поближе к стене и трепетали при каждом порыве ветра.

Затем выступ начал превращаться в тоннель.

Это происходило постепенно. Справа все еще было открытое пространство, но стена начала изгибаться над их головами. Под канат, извиваясь, тянулась тропа.

Сирокко пыталась представить себе, как это должно быть: все время подъем, но винтообразный, вокруг наружной части каната.

После очередных двух тысяч шагов они оказались в кро-

мешной тьме.

– Лестница, – бормотала Габи. – Они построили это сооружение и приставили лестницу.

Они остановились, чтобы достать свои лампы. Габи наполнила свою и подрезала фитиль. Время от времени они будут зажигать их. Габи и Сирокко надеялись, что у них хватит масла, пока они отсюда выберутся.

– Наверное, это были здоровые ребята, – предположила Сирокко.

Она чиркнула спичкой и поднесла ее к фитилю. – Наиболее вероятно, что произошло что-то непредвиденное, что они потеряли силу.

– Да, и я рада, что они здесь, – согласилась с ней Габи.

– Наверное они были здесь все время, но ниже все покрыто землей, это значит, что здесь долго никого не было. И выросшие деревья должно быть претерпели мутацию.

Габи подняла лампу и посмотрела сначала вперед, затем назад, где еще был виден клин света. Глаза ее сузились.

– Смотри, похоже, что мы движемся под углом. Лестница изгибается вдоль наружной части, затем прорезается налево и входит в тоннель.

Сирокко задумалась и пришла к выводу, что Габи права.

– Похоже, что мы можем оказаться в самом центре.

– О, да? Помнишь место ветров? Весь ветер проходит где-нибудь здесь.

– Если бы этот тоннель вел к этому месту, то мы бы уже

об этом знали. Нас бы уже выдуло.

Габи посмотрела на уходящую в высоту лестницу, на которую падали блики от горевшей лампы, потом принялась.

– Здесь довольно таки тепло. Интересно, не станет ли жарче?

– Нет иного пути узнать это, как только идти вперед.

– Угу... – Габи покачнулась и лампа чуть не выпала у нее из рук.

– С тобой все в порядке? – спросила Сирокко, положив ей на плечо руку.

– Да, я... нет, черт побери! Нет. – Она прислонилась спиной к теплой стене тоннеля. – У меня кружится голова и подгибаются колени. Она вытянула вперед свободную руку и посмотрела на нее; рука слегка дрожала.

– Наверное, одного дня отдыха было недостаточно. – Сирокко внимательно посмотрела на Габи, оглядела коридор тоннеля и нахмурилась: – Я надеялась до отдыха выйти на другую сторону и вернуться на вершину каната.

– Я смогу.

– Нет, – решила Сирокко, – я сама не очень хорошо себя чувствую. Вопрос состоит в том, делать ли нам привал здесь, в коридоре, где так жарко, или выйти наружу?

Габи оглянулась на длинный спуск позади них.

– Я не против немного попотеть.

Хотя было невыносимо жарко, надо было подумать о костре. Они не дебатировали этот вопрос. Сирокко достала из

рюкзак Джина небольшие веточки и мох и принялась разводить костер. Вскоре, потрескивая, разгорелось небольшое пламя. Она изредка подбрасывала туда небольшие веточки, разбивая убогий лагерь. Они разостлали подстилки, вынули миски и ножи, продукты для ужина.

Хорошая команда, – подумала Сирокко, сгорбившись наблюдая как Габи нарезает кубиками овощи в оставшееся со вчерашнего дня кипящее жаркое. Руки у Габи были маленькие и проворные, под ногти набилась коричневая грязь. Они больше не могли тратить воду для мытья.

Габи вытерла тыльной стороной ладони лоб и посмотрела на Сирокко. Она неуверенно улыбнулась. Когда Сирокко улыбнулась ей в ответ, улыбка Габи стала шире. Один глаз у нее почти полностью закрывала повязка. Она опустила в похлебку ложку и громко черпнула.

– Эту редиску лучше хрумкать сырой, – сказала она. – Давай твою тарелку.

Она щедро налила добавку и они опершись спинами друг о друга ели.

Было очень вкусно. Слушая потрескивание костра и стук ложек о деревянные тарелки, Сирокко была рада расслабиться и ни о чем не думать.

– У тебя нету соли?

Сирокко порылась в рюкзаке и нашла мешочек с солью, а кроме того, две завернутые в листья забытые конфеты. Она протянула одну Габи и рассмеялась, увидев, как загорелись

у той глаза. Она отставила свою тарелку и развернула конфету, засахаренную фрукту, поднесла ее к носу и понюхала. Она пахла слишком хорошо, чтобы так сразу съесть ее. Она раскусила ее пополам и рот наполнился ароматом абрикос и сладкого крема.

Габи была просто на грани истерики, видя как наслаждается Сирокко.

Сирокко съела вторую половинку, затем стала бросать жадные взгляды на конфету Габи, которую та положила рядом с собой. Габи изо всех сил старалась не рассмеяться.

– Если ты собираешься оставить это на завтрак, то тебе придется не спать всю ночь.

– О, не беспокойся. У меня просто достаточно манер, чтобы знать, что десерт надо есть *после* обеда.

Минут пять она разворачивала конфету, затем еще минут пять изучала ее, не обращая внимания на ужимки Сирокко. Сирокко походила на кокер-спаниеля за обеденным столом и на бездомную женщину перед витриной кондитерской лавки, у нее перехватило дыхание, когда Габи наконец положила конфету в рот.

Они смеялись до колик в животе. Габи, очевидно, была на седьмом небе от счастья, от оказанного ей внимания; лицо ее пылало от смеха и возбуждения, глаза искрились.

– Почему она не могла просто расслабиться и наслаждаться?

Мысли Сирокко, видно, отразились на ее лице, потому

что Габи моментально посерьезнела. Она коснулась руки Сирокко и вопросительно на нее посмотрела, затем медленно покачала головой. Никто из них не решился заговорить, но Габи своим видом говорила красноречивее всяких слов:

– Тебе нечего опасаться меня.

Сирокко улыбнулась, Габи ответила ей тем же. Они дохлебали похлебку, держа тарелки около ртов и не заботясь о манерах.

Но все уже было не так. Габи молчала, скоро ее руки начали дрожать и тарелка со стуком выпала на ступеньки. Задыхаясь, она принялась рыдать. Она слепо нащупывала руку Сирокко у себя на плече. Затем она подогнула коленки и сжала кулаки под подбородком, зарывшись лицом под шею Сирокко и продолжала рыдать.

– О, как мне плохо, как плохо!

– Так разрядись, выплачься. – Сирокко прижалась щекой к коротковолосой черной головке, очень хорошенькой, и начала ерошить ей волосы, потом приподняла за подбородок лицо Габи и начала смотреть, куда бы поцеловать ее, выискивая неприкрытый повязкой участок. Она уже собиралась поцеловать Габи в щеку, но в последний момент передумала, хотя засомневалась, стоит ли это делать, и поцеловала ее в губы. Они были влажные и теплые.

Габи посмотрела на нее долгим взглядом, громко шмыгнула и снова уткнулась лицом в плечо Сирокко. Она зарылась в ямку около шеи и затихла. Ни дрожи, ни рыданий.

– Как ты можешь быть такой сильной? – спросила Сирокко. Голос ее звучал приглушенно, но близко.

– А как ты можешь быть такой смелой? Ты спасла мне жизнь.

– Нет, – покачала головой Габи, – я не это имею в виду. Если бы тебя не было рядом, я бы сошла с ума. А ты даже не плачешь.

– Я так легко не плачу.

– Изнасилование – это легко? – Габи снова искала глаза Сирокко.

– Боже, мне причинили такую боль! Меня оскорбил и Джин, и ты. И я не знаю, кто из вас хуже!

– Габи, я бы занялась любовью с тобой, если бы знала, что это поможет. Но я тоже страдаю. Физически.

– Это не то, – покачала головой Габи. – Не то, чего я от тебя хочу, даже если бы ты чувствовала себя здоровой. Если ты «могла бы», то это нехорошо. Я не Джин, и мне легче страдать, чем получать любовь таким образом. Достаточно того, что я люблю тебя.

– Что ей сказать? Что сказать? Надо сказать правду, – решила Сирокко.

– Я не знаю, полюблю ли я тебя когда-нибудь тоже. Такой любовью. Но помоги мне, – она наклонилась к Габи и быстро вытерла ей нос. – Помоги мне, – продолжала она, – ведь ты мой лучший друг из тех, что я когда-либо имела.

Габи кротко выдохнула.

– Мне сейчас это необходимо. – Сирокко подумала, что Габи сейчас опять заплачет, но этого не случилось. Она коротко обняла Сирокко и поцеловала ее в шею.

– Жизнь тяжелая штука, правда? – тихо спросила она.

– Да, это так. Давай спать.

Они расположились на трех ступенях; Габи растянулась на самой верхней, Сирокко металась и ворочалась на следующей и последние красные угольки костра тлели на нижней ступеньке.

Сирокко рыдала во сне и проснулась в полной темноте. С нее градом тек пот. Во сне над ней опять стоял Джин с ножом. Габи спустилась к ней и держала ее пока не миновал ночной кошмар.

– Как долго ты здесь находишься? – спросила Сирокко у Габи.

– С того времени, как начала опять плакать. Спасибо, что разрешила мне лечь с тобой.

– Лгунья. – Но Сирокко улыбалась, когда подумала об этом.

На тысячной ступеньке стало гораздо жарче, стены были настолько горячие, что их нельзя было коснуться, подошвы их ботинок пылали. Сирокко почувствовала, что терпит поражение, зная что до середины пути еще несколько тысяч ступеней, только после этого можно было бы надеяться на то, что опять станет прохладнее. – Еще тысячу ступеней, – сказала Сирокко. – Если мы сможем их пройти, то пойдем

дальше. Если не станет прохладнее, то возвращаемся назад и пытаемся подняться по наружной части. Но она знала, что канат стал уже слишком крутым, деревья росли очень редко еще даже до того, как они зашли в тоннель. Наклон каната достигал восьмидесяти градусов. Гипотетически она должна будет встретиться со стеклянной горой, худшее из того, что она могла предположить, когда готовилась к походу.

– Что ни скажешь. Подожди минутку, я сниму рубаху. Я задыхаюсь.

Сирокко тоже стянула с себя рубаху и они продолжали путешествие через раскаленную печь.

Через сто ступенек они опять оделись. Еще через триста ступеней они открыли рюкзаки и достали куртки... На стенах начал появляться лед, под ногами поскрипывал снег. Они надели перчатки и подняли капюшоны своих парок.

Они подняли лампы, свет от которых казался особенно ярким на фоне белых отражающих стен и стали рассматривать коридор, который несомненно начал сужаться. Конденсат шедшего из их ртов пара тут же превращался в сосульки.

– Еще тысячу ступеней? – подсказала Габи.

– Ты, должно быть, читаешь мои мысли.

Обледенело лицо, Сирокко вынуждена была наклонить голову, затем околели руки и колени. Обледенелые стены вплотную обступали со всех сторон. Габи пошла вперед с лампой в правой руке. Сразу стало темно. Сирокко остановилась и подула на застывшие руки, потом легка на живот и

поползла.

– Эй! Я застряла! – Она была рада, что в ее голосе не слышно паники. Было страшно, но она знала, что освободиться, если отползет назад.

Шкрябающий звук впереди нее прекратился.

– Хорошо. Я не могу здесь повернуться, но впереди становится шире. Я пройду вперед метров на триста и посмотрю, что там, хорошо?

– Ладно. – Сирокко прислушивалась к доносившимся издали звукам. Ее окружала кромешная тьма, она успела покрыться холодным потом, когда ее ослепил свет. Через мгновение показалась спина Габи. На ее бровях блестели замерзшие кристаллики льда.

– Это самое плохое место, именно здесь.

– Тогда я проползу. Я не могу здесь больше торчать как пробка в бутылке.

– Это потому что ты ешь слишком много сладостей, толстячок.

Габи не могла протолкнуть ее вперед, поэтому она отползла назад и достала из рюкзака медную кирку. Они отбили лед и Сирокко предприняла еще одну попытку.

– Выдохни, – посоветовала ей Габи и потянула ее за руки. Наконец Сирокко удалось с помощью Габи протиснуться.

Позади них с потолка откололся кусок льда с метр длиной и с шумом покатился по направлению к дневному свету.

– Должно быть поэтому этот проход открыт, – сказала Га-

би. – Канат эластичный, он отклонился и лед треснул.

– Это и теплый воздух позади нас. Давай остановимся и закупорим его, ладно?

Вскоре они могли уже стоять и через некоторое время лед остался лишь воспоминанием. Они снимали куртки и задумались, что же их еще ждет впереди?

Через четыреста ступеней послышалось громыхание. Оно становилось громче и громче пока, наконец, не стало возможным представить огромные машины, гудящие прямо под стенами тоннеля. Одна стена была горячая, но не настолько, как там, где они проходили раньше.

Они были уверены, что это звук всасывания воздуха с места ветров по направлению к неизвестному месту назначения где-то вверху. Еще две тысячи ступеней перенесут их в другой горячий регион. Не раздеваясь, они поспешили вперед, так как знали, что были близки к дальнему концу тоннеля. Как они и ожидали, жара уменьшилась после того, как они достигли пика сауны, который Сирокко оценила как семидесяти пяти градусный.

Габи продолжала идти впереди и первой увидела свет. Он был не ярче, чем у входа в тоннель, просто бледно-серебряная полоска, которая начиналась слева от нее и постепенно расширялась, пока они не оказались на краю каната. Они хлопнули друг дружку по спине и снова полезли вверх.

Они пересекли вершину каната, все время поднимаясь вверх, все время держа направление на юг, через широкий

пригорок, опять спустились вниз на дальней стороне. Канат был уже совершенно голым; ни дерева, ни земли. Впервые Гея выглядела как настоящая машина, которой, как знала Сирокко, она была: невероятная, массивная конструкция, созданная теми, кто сейчас мог жить в ступице. Голый канат был гладкий и ровный, в этом месте он поднимался под углом семьдесят градусов, становясь ближе к сияющему низу края спицы. Клин пространства между канатом и спицей суживался менее чем до двух километров.

С южной стороны поднимались ступени в другой тоннель. Они думали, что готовы к этому, но чувствовали себя почти одураченными. Они поспешили через первую зону жары и поздравили себя, когда температура снова начала падать. Она достигла где-то пятидесяти градусов и снова начала подниматься.

– Проклятье! Здесь другая конструкция. Пошли!

– Куда?

– Позади будет не легче, чем впереди, двигай!

Им грозила опасность лишь в том случае, если кто-то из них упадет и покалечится, это страшило Сирокко больше всего и напоминало ей, что никогда нельзя быть уверенной в Гее до конца. Она забыла, что канат был сделан из переплетенных прядей и что путь, по которому протекает жар или холод, может быть совершенно запутанным.

Они миновали зону вибрации, которая в центре была тихой, прошли через зону холода, которая была меньше чем

предыдущая обросшая льдом, и снова очутились на северной стороне каната.

Они пересекли вершину и спустились в третий тоннель. Прошли его и преодолели следующую вершину.

За два дня они проделали это еще семь раз. Они проделали это быстрее, задержка произошла в четвертом тоннеле, который так оброс льдом, что даже Габи должна была обить его, прежде чем смогла протиснуться вперед. Чтобы пробиться через ледяное препятствие им понадобилось восемь часов.

Но в следующий раз они вышли на южную сторону каната, где тоннеля не было. Угол подъема равнялся теперь восьмидесяти или девяноста градусам, и лестница начала виться вдоль внешней части каната как лента стебля перечной мяты.

Никто из них не выявил желания разбивать лагерь на выступе шириной полтора метра, нависающим над пропастью глубиной двести пятьдесят километров. Сирокко знала, что она мечется во сне и эта привычка может перенести ее слишком далеко. Но так как обе они устали, то продолжали с трудом тащиться вокруг каната, постоянно прижимаясь левым плечом к успокоительной твердости стены каната.

Сирокко не нравилось, что происходит над головой. Чем выше они поднимались, тем невозможнее было на это смотреть.

Из наблюдений со стороны они знали, что каждая спица

была овальной в поперечном сечении, пятьдесят километров шириной с одной стороны и чуть меньше ста с другой, внутренней стороны колеса. Вспыхивая, широкая часть соединялась с краем крыши. Они только что миновали этот ослепительный участок и им стали смутно видны почти вертикальные стены спицы. То, на что они сначала не обратили внимания, было выступом, который тянулся вокруг чудовищной дыры в трубе спицы. Он был шириной хороших пять километров.

Канат проникал в выступ без всякого шва, он казался с ним одним целым и, по-видимому, тянулся выше и каким-то образом крепился к ступице. Во время одной из остановок Сирокко и Габи рассмотрели выступ, находящийся, по-видимому, прямо у них над головами, только на удалении двух километров. Это был массивный потолок, где им придется тяжело потрудиться. Он тянулся, казалось бесконечно, пока не становилось видимым отверстие зауженное расстоянием. Отверстие было пятьдесят на восемьдесят километров, но чтобы достичь его, им надо будет преодолеть пять километров в подвешенном состоянии от внешней стороны выступа.

Габи молча посмотрела на Сирокко и многозначительно приподняла одну бровь.

– Не думай о трудностях раньше времени, до сих пор Гея была к нам добра. Полезли, подруга!

И Гея опять была к ним доброй. Когда они достигли вершины каната, здесь их ожидал следующий тоннель, он прон-

зал безбрежную серую крышу.

Они зажгли лампы, несмотря на то, что горючего оставалось немного, и начали восхождение. Тоннель изгибался влево, так там находился канат, хотя они больше не были в этом уверены. Они насчитали две тысячи ступеней, потом еще две тысячи.

– Мне приходит на ум, – сказала Габи, – что он ведет к ступице. И если ты думаешь, что это хорошая новость, то тебе лучше подумать еще.

– Знаю, знаю. Продолжай идти. – Сирокко думала о горючем для ламп, остатках их провизии и полупустых мехах с водой. До ступицы было еще триста километров. Три ступеньки – это метр, значит идти еще миллион ступеней. Сирокко посмотрела на часы и засекала время.

Они шли со скоростью, примерно, две ступеньки в секунду; свет лампы касался носка и тут же освещал следующую ступеньку. Гравитация на этом уровне упала почти до одной восьмой – как раз половину той, при которой они вышли.

Две ступеньки за две секунды – это составляло полмиллиона секунд времени путешествия... сто тридцать восемь часов, или около семи дней. Удвоить это время на периоды отдыха и сна, по самым скромным подсчетам...

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Габи, идя позади нее. – Но сможем ли мы продолжать идти в темноте?

Она упустила один немаловажный момент: пищи осталось только на две недели, воды, при экономном расходовании,

должно хватить.

Но самым важным в их положении было горячее для ламп. У них оставалось его не более, чем на пять часов, и не было никакой возможности пополнить запасы.

Сирокко все еще мучительно обдумывала эту проблему, пытаясь с помощью математических расчетов найти выход, как им добраться до вершины, когда они вышли на дно спицы.

Ничто никогда не заставляло Сирокко почувствовать себя меньше. Ни О'Нейл-1, ни звезды в космосе, ни сама Гея. Она могла смотреть на что угодно и у нее начисто отсутствовало чувство перспективы.

Невозможно было заметить, что стены искривляются. Они тянулись от нее подобно горизонту, пока вдруг не заворачивались, образуя пространство, которое смотрелось скорее полукруглым, чем круглым.

Все купалось в бледно-зеленом люминесцентном свечении. Источниками света были четыре вертикальных ряда окон, которые пропускали косые лучи, пересекающиеся друг с другом в пустом центре.

Вернее, не совсем пустом. В центре находились три сплетенные вместе наподобие косы каната, они были вертикально, как линейка устремлены вверх, вокруг них, то попадая в лучи, то уходя от них, медленно кружились странные цилиндрические облака.

Сирокко вспомнила темное, узкое пространство под ка-

натом, которое они рассматривали как кафедральный собор. Гея исчерпала запасы величия, но там была лишь покинутая церковь. *Это* был кафедральный собор.

– Мне кажется, что я все это уже видела раньше, – тихо сказала Габи, показывая на стену позади них. – Вертикальные джунгли?

Другими словами описать это было нельзя. Внутренняя часть спицы была покрыта бурной растительностью: цепляясь за стены, к наружной части и вверх по стенам разветвлялись ветви вездесущих деревьев. Уходя в высоту, они постепенно уменьшались и превращались в покрывающий стены зеленый ковер.

Выше была серая крыша.

– Ты говоришь, что до верху триста километров?

Габи прищурилась, затем составила пальцы решеткой и что-то посчитала по своей собственной системе.

– Это перекрывается правильно определенным количеством градусов.

– Сядь. Давай подумаем.

Посидеть им было нужнее, чем подумать. До этого момента Сирокко и подумать об этом не могла. Теперь она видела, что заблуждалась и не отчетливо представляла себе проблему. Теперь ей было ясно, она внутренне содрогнулась. Триста километров по прямой.

По прямой.

Она должно быть сошла с ума.

– Первое. Похоже, что через эту крышу нет никакого пути. Посмотрев, Габи пожала плечами:

– Вроде, нет. Даже если что-то и было, то мы отсюда все равно ничего бы не увидели.

– Верно. Но мы надеялись, что где-то есть лестница наверх. Ты ее видишь?

– Нет.

– Опять верно. Я думала, что по этим ступеням, в случае необходимости, можно подняться на вершину. Теперь я думаю, что похоже, что путь был направлен сюда, в это место, строители именно это имели в виду.

– Наверное, – прищурилась Габи. – Но они должны были оставить и путь к ступице. Наверное, эти деревья не должны быть здесь. Они повырастали здесь повсюду позже, как на канате.

– В таком случае... Что?

– Нам еще черт знает сколько карабкаться вперед, – закончила за нее Габи. – Со всей этой растительностью мы можем никогда не найти вход. Наверное, легче определить его сверху.

– В третий раз ты ответила правильно. Я только пытаюсь продумать все до конца, как видишь. Я подумала, что если, скажем за четыре, пять лет, начиная от сегодняшнего дня, мы доберемся до вершины и не найдем никакой лестницы... нам предстоит другое длительное карабканье. Вниз.

Габи рассмеялась.

– Если ты так говоришь, то давай возвращаться прямо сейчас, я хочу, чтобы ты вышла из этой ситуации. Мне не хотелось бы потом заморозить тебя презрением.

– Давай вернемся сейчас? – Это было сказано без вопросительной интонации, но вопрос подразумевался.

– Нет.

– А-а, то-то же! – Сирокко это не задело. Они уже давно позабыли об отношениях капитана и команды. Сирокко рассмеялась и покачала головой. – Ладно, а что ты предлагаешь?

– Во-первых, хорошенько оглядеться по сторонам. А то, лет через пять, мы будем выглядеть круглыми идиотами, когда один из строителей спросит нас, почему мы не воспользовались подъемником.

Глава 21

Окружность основания спицы была примерно двести пятьдесят километров. Они начали обследовать все вокруг, ища какое-либо средство подъема, начиная от веревки, и кончая антигравитационным геликоптером. Все что они нашли, были горизонтальные деревья, растущие на вертикальной стене.

Проникая через наружные ветви и проползая по стволам к растущим в стене корням, они вынуждены были постепенно карабкаться по склону, обламывая ветки и листья. Вещество, из которого была сделана спица, представляла из себя пористый серый материал. Когда на него надавливали, он поддавался как резина. Сирокко вырвала из стены куст, вместе с ним вылез длинный, стержневой корень. Из стены начала выделяться густая, похожая на молоко жидкость, затем отверстие зарубцевалось.

Здесь не было никакой почвы, солнечного света было совсем немного. Когда они вышли из темного тоннеля, свет показался очень ярким, в действительности же он был совсем незначительным. Сирокко предположила, что подобно многим растениям на ободу колеса, эти зависят от подповерхностного источника жизни.

Сама по себе стена была влажной и способствовала росту мхов и лишайников, и некоторых других паразитических ви-

дов растений. Трава здесь не росла, лианы обвивали стволы деревьев. Многие деревья были им уже знакомы, они были лишь адаптированы к горизонтальному существованию. Были знакомы фрукты и орехи, растущие на них.

– Это снимает проблему питания, – сказала Габи.

В спице не было рек, но стена блестела маленькими струйками. Высоко на стене били струи, изгибаясь, они разбрызгивали воду, которая не достигая пола, превращалась в водяную пыль.

Габи посмотрела вверх и обратила внимание, что струи распределяются равномерно, как поливочная машина.

– Их слишком много для того, чтобы умереть от жажды.

Начало казаться, что восхождение вверх по стене не исключено. Сирокко подумала, что эта перспектива не вдохновляет ее.

Исключая возможность подъема по лестнице, которую, как она вскоре поняла, им не найти, так как деревья не давали возможность тщательно исследовать стену, оставалось три способа подняться на вершину.

Один из способов заключался в том, чтобы взбираться с помощью самих деревьев. Сирокко полагала, что это возможно сделать, перебираясь от ветки к ветке, которые широко раскинулись по стене, перепутавшись с ветвями соседних деревьев.

Второй способ состоял в возможности подъема непосредственно по стене, как это делают альпинисты. Они обнару-

жили, что их металлические костыли легко врезаются в поверхность спицы простым толчком руки.

Сирокко предпочитала взбираться по стене, так как не хотела доверять деревьям. Габи же склонялась к тому, чтобы лезть по ветвям, так как это было быстрее. Они спорили до следующего дня, в который произошло два события.

Первое событие произошло, когда Габи осматривала серый пол спицы. Прищурившись, она протянула руку вперед. – Мне кажется, что там больше нет отверстия, – сказала она.

Сирокко напрягла глаза, всматриваясь в то место, где должно было быть отверстие, но наверняка не могла ничего рассмотреть.

– Давай поднимемся выше и посмотрим.

Они обвязались веревками в связку и начали взбираться по веткам.

Это было не так плохо, как опасалась Сирокко. Скоро они нашли наиболее оптимальный путь. Это были толстые ветви ближе к стене, которые были твердые, как камень. Разветвляясь далеко в стороны, они становились тоньше, и чем дальше они тянулись, тем больше становились похожи на ивовые ветви, на которых было полно мест для рук и ног, но которые прогибались под их весом.

– Не так далеко! – крикнула Сирокко Габи, которая проверяла надежность пятиметровой ветви. – Я бы сказала, что наиболее верно подниматься на высоту двух третей дерева.

– На высоту, – фыркнула Габи. – Ты путаешь направления.

– Низ деревьев у стены, верхушка – в воздухе. Что может быть проще?

– Мне это подходит.

Перебравшись через десяток деревьев, они стали перелезть на следующее.

Когда ветка, на которую они стали, начала прогибаться, они привязали веревку к более крепкому суку. На этот раз прогнувшаяся ветка оказала им добрую услугу, так как открыла перед ними окно, которое в противном случае было бы закрыто листвой. Они выбрали дерево, которое в горизонтальном лесу возвышалось над своими соседями. В спице это означало, что оно дальше выступало из стены.

– Ты была права. Вот оно.

– Нет, это еще не оно, но через минуту будет.

Сирокко увидела то, что находилось слева от отверстия. Это был крошечный черный овал в полу и он сокращался как радужка глаза. Буквально на мгновение открылось отверстие, которое было почти такое огромное, как и сама спица. Но тут же оно стало меньше десяти километров в диаметре и продолжало закрываться. Вскоре оно уже было запечатано вокруг вертикальных канатов, появившимся из его центра.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросила Габи. – Какой смысл закрывать спицу со стороны обода колеса?

– Не имею ни малейшего понятия. Хотя полагаю, что оно

откроется снова. Через него проходят ангелы, они делают это регулярно, из этого...

Сирокко сделала паузу, затем улыбнулась.

– Это дыхание Геи.

– Повтори?

– Это то, что титаниды называют ветер с востока. Океан приносит холодную погоду и Плач Геи, Рея приносит жару и ангелов. Имеется труба высотой триста километров с клапанами с двух сторон. Ее можно использовать как насос. Можно создать высокое и низкое давление и использовать его для передвижения воздуха.

– И как по-твоему это происходит? – спросила Габи.

– Думаю, это может происходить двумя путями. Какой-нибудь движущийся поршень сжимает или разряжает воздух. Сейчас это не происходит и я дьявольски надеюсь, что не произойдет, иначе от нас мокрого места не останется.

– Если бы это происходило, то этим деревьям не поздоровилось бы.

– Правильно. Поэтому есть другой вариант. Стены могут то расширяться, то сжиматься. Закрывается нижний клапан и открывается верхний, спица расширяется и через вершину втягивается воздух. Закрывается верх и открывается низ, происходит сжатие и выталкивает воздух наружу за обод колеса.

– Откуда приходит воздух, который заходит через верх?

– Он или всасывается через канаты, или приходит из

других спиц. Вверху они все соединяются. Добавив еще несколько клапанов, можно использовать для этой цели находящиеся рядом спицы. Закрывая и открывая несколько клапанов, вы прекращаете засасывание воздуха из Океана и через ступицу подаете в эту спицу. Затем открываете и закрываете еще некоторое количество клапанов и гоните воздух над Реей. Теперь меня только интересует, зачем это надо было строителям.

Габи сосредоточено молчала. Потом она сказала:

– Я думаю, я тебе отвечу. Есть что-то, что беспокоит меня. Почему весь воздух не собирается внизу, на ободке? Вверху воздух реже, но еще приемлемый, так как давление на ободке колеса выше обычного Земного, а при низкой гравитации давление падает не так быстро. Атмосферное давление Марса, например, не высоко, но это не имеет большого значения. И затем, если воздух все время циркулирует, у него нет времени отстояться. Имеется возможность поддерживать адекватное давление по всей Гее.

Сирокко кивнула, затем вздохнула.

– Хорошо. Нам остался последний переход. У нас есть вода и пища, или, по крайней мере, похоже, что мы будем их иметь. Теперь похоже на то, что у нас будет и воздух. Что ты думаешь о том, чтобы отправиться дальше?

– А как насчет того, чтобы обследовать оставшуюся стену?

– А зачем? Возможно, мы уже прошли мимо того, что

ищем. Мы просто ничего не можем увидеть.

– Думаю, ты права. Ладно, веди!

Восхождение было тяжелым: утомительным и требующим постоянного внимания. Поначалу, они думали, что оно будет все-таки легче, хотя Сирокко знала что оно не может быть таким как подъем по канату.

Единственным утешением в конце первых десяти часов пути было то, что они оставались в форме. Сирокко сильно устала и натерла на левой ладони волдырь, но если не считать легкой ломоты в спине, она чувствовала себя нормально. Хорошо было бы поспать. Они взобрались на верхушку дерева чтобы оглядеться, прежде чем разбивать лагерь.

– Соответствует это твоей системе координат?

Нахмурившись, Габи покачала головой:

– Не совсем. – Она вытянула руки вперед, очертила ими квадрат и прищурилась. – Я бы сказала... о-ой!

Сирокко подхватила ее, удерживаясь второй рукой за ветку над головой.

– Спасибо. Вот это было бы падение!

– У тебя же есть веревка, – показала ей на ее веревку Сирокко.

– Да, но я не собираюсь размахивать руками на конце ветки...

Она перевела дыхание и снова посмотрела на землю.

– Что я могу сказать? Земля стала гораздо дальше, чем была, а потолок ни на метр не приблизился. И так будет про-

должаться довольно долго.

– Как ты думаешь, три километра в день, нормально?

– Как скажешь.

Это означало сто дней пути, это в том случае, если ничего не произойдет. Сирокко тихонько застонала и опять оглянулась назад, пытаясь поверить, что позади осталось пять километров, но было подозрение, что это расстояние было ближе к двум километрам.

Они вернулись назад к стене, нашли две ветви, расположенные почти параллельно на расстоянии полутора метров друг от друга, повесили между ними гамаки и сидя на соседней ветке пообедали холодной едой состоящей из сырых овощей и фруктов, затем легли в гамаки и пристегнулись ремнями.

Через два часа начался дождь.

Сирокко проснулась от того, что на лицо ей постоянно капали капли дождя. Она повернула голову и посмотрела на часы. Было темнее чем тогда, когда они пошли спать. Габи тихо посапывала, лежа на боку и уткнувшись лицом в паутину гамака. Утром у нее будет ныть шея. Сирокко хотела разбудить ее, но решила, что если она сможет спать в дождь, то лучше оставить ее в покое.

Прежде чем передвинуть гамак, Сирокко осторожно взобралась на вершину дерева. Кроме смутной стены тумана и ливня ничего не было видно. По направлению к центру дождь шел сильнее. Там же, где они разбили лагерь, стекала

с веток вода, собравшаяся на наружных листьях.

Когда Сирокко вернулась, Габи уже проснулась, капель усилилась. Они решили, что передвигать гамаки не имеет смысла. Они достали палатку и, распоров ее с помощью ножа в нескольких местах по шву, превратили ее в балдахин, который привязали над лагерем. По возможности насухо вытершись, они вернулись в свои сырые гамаки. Жара и влажность были ужасные, но Сирокко так устала, что мгновенно заснула под звуки дождя, стучащего по навесу.

Через два часа они проснулись уже от холода.

– Снова одна из этих штучек, – проворчала Габи.

У Сирокко стучали зубы, пока она доставала из рюкзака кульки и одеяла. Одевшись и плотно завернувшись в одеяло, она вернулась в гамак. Прошло не менее получаса, пока она опять согрелась и уснула.

Легкое покачивание деревьев действовало убаюкивающе.

Сирокко чихнула и снежинки взлетели вверх. Снег был очень белый и очень сухой, он набился в каждую складку одеяла. Сирокко села и на колени свалился целый снежный обвал.

С краев навеса и с веревок, которыми был привязан гамак свисали сосульки. От порывов ветра потрескивали ветви деревьев, слышался постоянный звон замерзшего навеса. Когда Сирокко выставила наружу руку, чтобы толкнуть Габи, то рука тут же околела и кожа на ней потрескалась от холода.

– А-а? Что случилось? – огляделась вокруг затуманенны-

ми со сна глазами Габриэли.

– О! Проклятье! – она мучительно закашлялась.

– С тобой все в порядке?

– Если не считать, что как я подозреваю, я отморозила ухо. Что будем теперь делать?

– Ну, я думаю, напаялим на себя все, что у нас есть и будем ждать, когда это кончится.

Сидя в гамаке это нелегко было сделать, но они справились. Правда, произошло одно несчастье, когда Сирокко выпустила из онемевших пальцев перчатку и она быстро исчезла в снежном водовороте. Она минут пять ругалась, пока не вспомнила, что у них еще остались перчатки Джина.

Потом они принялись ждать.

Спать было невозможно. В груди одежды и одеялах им было довольно тепло, но им не хватало масок и защитных очков. Каждые десять минут приходилось стряхивать нападавший на них снег.

Они пытались разговаривать, но спица жила звуками, Минуты для Сирокко превращались в часы, когда она накрыв лицо одеялом, слушала завывания ветра. Но над всем этим стоял пугающий ее звук лопающейся кукурузы. Перегруженные льдом ветви ломались под порывами ветра.

Они ждали на протяжении пяти часов. Все было бы еще ничего, но ветер становился холоднее и сильнее. Затрещала соседняя с ними ветка, Сирокко прислушивалась к этому треску.

– Габи, ты слышишь меня?

– Слышу, капитан. Что будем делать?

– Мне ненавистна сама мысль об этом, но нам надо вставать. Надо перебраться на более толстые ветки. Я не думаю, что эти обломаются, но если сломается та, что над нами, она угодит прямо на нас.

– Я сама об этом подумала, но ждала, когда ты сама об этом скажешь.

Выбираться из гамаков было сущим кошмаром. Но когда они выбрались из них и стали на сук дерева, стало еще хуже. Страховочные веревки замерзли и были намертво скручены, прежде чем ими можно было воспользоваться, их надо было раскрутить. Когда они начали передвигаться, то это был точно один шаг в минуту. Прежде чем вернуться за первой страховочной веревкой, им надо было приладить вторую, затем повторить процесс, завязывая узлы руками в меховых перчатках, или же снимать перчатки и пытаться как можно быстрее завязать узел, пока не немели пальцы. Молотками и кирками они обивали с ветвей лед, чтобы иметь возможность продвигаться вперед. Несмотря на всю осторожность, один раз упала Габи и два раза Сирокко. В результате второго падения Сирокко потянула спину, когда страховочная веревка задержала ее.

После часа борьбы они добрались до основного ствола. Он был крепкий и достаточно широкий, чтобы на него можно было сесть. Но ветер, не встречая препятствия в виде ветвей,

дул на них еще сильнее. Они воткнули кирки в дерево, пристегнулись к нему сами и приготовились снова ждать.

– Мне не хочется об этом говорить, но я не чувствую пальцев на ногах, – сказала Габи.

Сирокко надолго закашлялась, прежде чем смогла говорить.

– Что ты предлагаешь?

– Я не знаю, – ответила Габи. – Но я знаю, что мы замерзнем до смерти, если что-нибудь не предпримем. Нам надо двигаться или поискать укрытие.

Габи была права и Сирокко знала это.

– Вверх или вниз?

– Внизу есть лестница.

– У нас ушел день, чтобы добраться сюда, и это без льда и всяких сопутствующих трудностей. И еще два дня до ступенек. Это если еще вход не завалило снегом.

– Я готова и на это.

– Если двигаться, то с таким же успехом мы можем двигаться и вверх. Все равно мы замерзнем, если погода не изменится. Движение просто отсрочит это, как я догадываюсь.

– Я тоже так думаю, – сказала Габи, – но я попыталась бы сначала что-то предпринять. Давай пойдем по стене. Помнишь, ты говорила раньше о том, где могут жить ангелы, ты упоминала пещеры. Наверное, там где-нибудь есть пещеры.

Сирокко знала, что главное теперь – двигаться, заставить кровь течь быстрее. Они поползли вдоль ствола дерева, сби-

вая по дороге лед. Через пятнадцать минут они добрались до стены.

Габи внимательно посмотрела на нее, привязала себя и начала долбить киркой лед. Он отлетел в сторону, обнажая серое вещество, но Габи продолжала рубить не останавливаясь. Когда Сирокко увидела, что она делает, то присоединилась к ней со своей киркой.

Какое-то время все шло хорошо. Они выдолбили дыру примерно с полметра в диаметре, вытекая из стены белое молоко тут же замерзло, они сбивали и его. Габи была снежным демоном; он облепил ее одежду и шерстяной шарф, обмотанный вокруг рта и носа, превратил ее брови в толстые белые выступы.

Вскоре они достигли нового пласта, который был слишком плотный, чтобы его можно было резать. Габи яростно накинулась на него, но в конечном счете уступила, так как нисколько не продвинулась вперед. Она уронила руку и устала на стену.

– Ладно, есть идея. Она с отвращением ткнула ногой в снег, нападавший вокруг них, пока они работали. Она посмотрела на него, затем вытянула шею и пристально начала смотреть вверх в темноту. Она сделала шаг назад, схватилась за руку Сирокко, поскользнувшись на осколке льда.

– Там вверху темное пятно, сказала Габи, показывая рукой. – Десять... нет метров пятнадцать вверх. Слегка вправо. Видишь?

Сирокко не была уверена. Она видела несколько темных мест, но ни одно из них не было похоже на пещеру.

– Я схожу посмотрю.

– Позволь это сделать мне. Ты тяжелее работала.

Габи покачала головой:

– Нет, я легче.

Сирокко не стала спорить и Габи как могла выше забила в стену костыль. Привязав к нему веревку, она поползла вверх и забила метром выше второй. Убедившись, что он держится надежно, она выбила первый костыль и забила его над вторым.

Прошел час, прежде чем она достигла нужного места. Сирокко дрожала внизу, топая ногами и не обращая внимания на ледяной дождь, который посылала на нее Габи. Потом ей на плечи упала выбитая глыба снега и Сирокко упала на колени.

– Прости! – закричала ей сверху Габи, – но я кое-что здесь нашла. Сейчас я выясню, что это такое, и можешь подниматься.

Вход был достаточен лишь, чтобы Сирокко протиснулась сквозь него, да и то только после того, как Габи оббила большую часть льда. Внутри дыра была диаметром, примерно, полтора метра и чуть меньше в высоту. Сирокко пришлось снять рюкзак и лишь затем втащить его следом за собой. После того, как сюда втиснулись Сирокко и Габи и затащили за собой рюкзаки, здесь можно было найти еще место для

коробки с обувью и оставалась еще возможность дышать, но не более.

– Довольно уютно, а? – спросила Габи, отодвигая от своей шеи локоть Сирокко.

– Ой, прости. Ах, прости еще раз. Габи, моя нога!

– Извини. Если ты сейчас хрустнешь... так лучше, но лучше бы ты оттуда ушла.

– Откуда? Вот это да! – Она вдруг рассмеялась. Она стала на колени и уперлась спиной в потолок, стараясь пропустить отползающую Габи.

– Что здесь смешного?

– Я вспомнила один старый фильм. Как Лаурел и Харди в ночных сорочках пытаются лечь спать на верхнюю полку в вагоне.

Габи тоже улыбнулась, хотя, по всей вероятности, не знала, о чем идет речь.

– Ты же знаешь, что верхняя полка в скором поезде... подсакивает. Я только что подумала, что им следовало бы попробовать проделать это в арктической экипировке. Как ты себе это представляешь?

Они вывели из пещерки остатки снега и заложили вход рюкзаками. После этого исчез даже тот скудный свет, который проникал сюда, но зато прекратил задуть ветер, так что они оказались в выигрыше. На это обустройство у них ушло минут двадцать. После этого они уселись бок о бок. Сирокко едва могла повернуться, но она не обращала вни-

мания на такие мелочи, так как наконец почувствовала благословенное тепло.

– Ты думаешь, теперь мы сможем немного поспать? – поинтересовалась Габи.

– Я уверена, что засну. Как твои пальцы?

– Все в порядке, покалывают, но уже начали согреваться.

– Мои тоже. Спокойной ночи, Габи. – Она поколебалась мгновение, потом наклонилась и поцеловала ее.

– Я люблю тебя, Роки.

– Давай спать. – Она сказала это с улыбкой.

Когда Сирокко проснулась, по лбу у нее тек пот, одежда была пропитана влагой. Она с трудом подняла голову и обнаружила, что может видеть. Она слегка отодвинула рюкзаки, чтобы посмотреть, не изменилась ли погода. Перед ней была стена, она более решительно передвинула рюкзаки, и обнаружила, что вход был закрыт.

Она хотела было разбудить Габи, но потом решила подождать.

– Надо сначала попытаться все выяснить, – пробормотала она. Нет смысла раньше времени говорить Габи о том, что их опять проглотили живьем, пока не выяснено, насколько это соответствует действительности. Габи навряд ли хорошо воспримет эту новость; мысль о том, что ты заключен в ограниченном пространстве, неприятна сама по себе, но особенно ужасна она будет для Габи, которая подвержена панике.

Оказалось, что для особой тревоги не было причин. Ко-

гда Сирокко исследовала стену, там где раньше было отверстие, та начала двигаться, и образовалось отверстие такой же величины, как было прежде. Но оно превратилось в окно, застекленное прозрачным льдом, сквозь которое проникал слабый свет. Сирокко ударила по нему рукой в перчатке, и лед разлетелся. Во внутрь ворвался холодный ветер и она снова торопливо заложила отверстие рюкзаками.

Через несколько минут Сирокко опять отодвинула рюкзак. Отверстие стало на несколько сантиметров уже.

Она задумчиво посмотрела на небольшую дыру, подытоживая в уме все увиденное. Только поняв, что происходит, Сирокко потрясла Габи за плечо.

– Вставай, малыш, пора опять приспособливаться.

– Хммм? – Габи быстро проснулась. – О, дьявол, ну и жаррица здесь!

– Это как раз то, что я имею в виду. Нам надо немного раздеться. Ты хочешь начать первой?

– Давай ты. Я попытаюсь отодвинуться.

– Ладно. А как ты думаешь, почему тут стало жарко? У тебя есть какая-нибудь мысль по этому поводу?

– Я только что проснулась, Роки. Имей сердце!

– Ладно. Скажу тебе. Потрогай стены. – Она выполняла нелегкую задачу, снимая с себя парку, пока Габи тем временем делала то же открытие, которое она сама совершила немного раньше.

– Она теплая.

– Да. Поначалу я не могла понять, что представляют собой эти стены. Я думала, что деревья здесь выросли незапланированно, как и растительность на канате, но как я выяснила позже, они не смогли бы расти здесь, если бы стена не питала их. Я пыталась догадаться, какая машина наилучшим образом могла справиться с этой задачей и пришла к выводу, что ни что бы не сделало это лучше природной биохимической машины. Животное или растение приспособлено генетически. Трудно поверить, что можно столь эволюционизировать за такой промежуток времени. Здесь высота триста километров, посередине дыра, вокруг *настоящие* стены.

– И деревья являются паразитами? – Габи сообразила все быстрее, чем Сирокко ожидала.

– Только в том, что они вытягивают пищу из другого животного. Но они не являются настоящими паразитами, потому что это было *запланировано*. Строители проектировали это огромное животное как естественную среду для деревьев, а деревья в свою очередь становились средой обитания более мелких животных, и, вероятно, для ангелов.

Прищурившись Габи смотрела на Сирокко и переваривала информацию.

– Почти такое же животное, которое, как мы полагаем, живет под ободом колеса, – тихо сказала она.

– Да, что-то наподобие. – Сирокко наблюдала за Габи, ожидая увидеть признаки паники, но у той даже не участилось дыхание.

– Это... а... беспокоит тебя? – запинаясь, спросила она у Габи.

– Ты имеешь в виду всем известную мою фобию?

Сирокко отодвинула рюкзак от входа и показала его Габи. Он медленно начал закрываться.

– Я обнаружила это до того, как разбудила тебя, Смотри, отверстие закрывается, но если ты пощекочешь его, оно опять откроется. Мы *не в ловушке*, и это не желудок и ничего похожего на...

– Я ценю твою заботу, – сказала Габи, коснувшись ее руки и слабо улыбаясь.

– Я не хотела смутить тебя, я просто...

– Ты все сделала правильно. Если бы я сперва увидела это, то наверное кричала бы до сих пор. Но я, в сущности, не страдаю клаустрофобией. У меня совершенно новая фобия, которая, должно быть, присуща только мне: я боюсь быть съеденной заживо. Но скажи мне, и, пожалуйста, постарайся сделать это как можно убедительно, если это не желудок, то что?

– Я не могу провести здесь никакой известной мне параллели. – Сирокко уже дошла до нижней одежды и решила остановиться. – Это убежище, – продолжала она, стараясь при этом как можно больше сжаться, чтобы дать Габи возможность раздеться, – это как раз то, для чего мы его использовали: место, в котором можно укрыться от холода. Я готова поспорить, что ангелы зимуют в пещерах, подобных

этой. Наверное и другие животные тоже. Наверное, они используются еще каким-нибудь образом. Может быть, здесь они оправляются.

– Говорить здесь об этом...

– У меня та же проблема. Надо использовать жестянки от еды или что-нибудь другое.

– Бог ты мой! От меня запах как от верблюда. Если погода вскоре не изменится, то здесь через некоторое время будет очаровательное местечко.

– Это еще ничего. От меня запах посильнее.

– Ну и дипломат же ты! – Габи разделась уже до яркого нижнего белья.

– Дорогая, мы собираемся жить некоторое время в дьявольской близости и нет смысла сохранять скромность. Если ты осталась в этом из-за того...

– Нет, в самом деле, нет, – слишком поспешно сказала Сирокко.

– ...потому что боишься возбудить меня, то не бойся. Я думаю, ты не будешь возражать, если я разденусь догола и вытрусь. – Она так и сделала, не дожидаясь разрешения Сирокко, затем вытянулась рядом с Сирокко.

– Может быть, частично ты и права, – согласилась с ней Сирокко. – Но кроме этого, у меня начались месячные.

– Я думала, они у тебя уже прошли. Я вежливо ничего не говорила.

– Какой *ты* дипломат. – Они обе рассмеялись, но Си-

рокко чувствовала, что лицо у нее пылает. Было дьявольски неловко. Она привыкла, что на борту корабля у нее не было с этим проблем. Ее страшила мысль, что она грязная и ничего не может с этим поделать. Габи предложила ей воспользоваться перевязочным материалом из медицинской сумки, если ее это устроит. Сирокко хотела сама завести об этом разговор, но была счастлива, что идея исходила от Габи. Она не могла использовать перевязочный материал без одобрения Габи.

Какое-то время они молчали, Сирокко чувствовала себя неудобно от близости Габи, говоря себе, что придется к этому привыкать. Они могли просидеть в этом укрытии не один день.

Габи, казалось, все это ни в коей мере не заботило и вскоре Сирокко вообще перестала ощущать ее тело.

После безуспешных попыток заснуть в течение часа, и скоро ей все это стало надоедать.

– Ты спишь?

– Я всегда храплю, когда сплю. – Габи вздохнула и села. – Вот черт! Мне гораздо лучше спалось до того, как я отодвинулась от тебя. Ты такая теплая и мягкая...

Сирокко ничего не ответила ей на это.

– Ты знаешь какие-нибудь игры, чтобы убить время?

Габи перекатилась на ее сторону и посмотрела Сирокко в лицо:

– Я могу что-нибудь придумать.

– Ты играешь в шахматы?

– Я боялась, что ты это предложишь. Ты хочешь белыми, или черными? Часы медленно складывались в дни, игры в шахматы превращались в турниры. Габи выигрывала большинство из них. Они выдумывали новые игры в слова и цифры, но Габи выходила победителем в большинстве случаев и здесь. Трудности, через которые они прошли сблизили их, но что их разъединяло, так это настороженность Сирокко и гордость Габи, но это было до того, как на третий день они занялись любовью.

Это случилось когда они в очередной раз лежали и молча смотрели на слабо светящийся потолок и слушали завывание ветра, доносившегося снаружи. Они изнывали от скуки, энергия требовала выхода, они почти сошли с ума от вынужденного безделья. Через голову Сирокко бесконечной лентой тянулись логические обоснования ее поведения: доводы почему я не должна вступать в интимные отношения с Габи.

(А)...

Она не могла вспомнить (А).

Это имело смысл два дня назад. Почему нельзя было сегодня?

Складывалась определенная ситуация; конечно же она накладывала отпечаток на ее рассуждения. Она еще никогда так долго не находилась вместе ни с одним человеком. На протяжении трех дней они были в постоянном физическом контакте. Она просыпалась на руке Габи мокрой и возбуж-

денной. Что было хуже, она не могла скрыть этого от Габи. Они сразу чувствовали изменения в настроении друг друга.

Но Габи говорила, что не хочет ее, пока Сирокко сама ее не полюбит.

– Полюбила ли она?

Нет. Она еще раз задумалась над этим и пришла к выводу, что все, что она говорила в свое время Габи она может отнести на свой счет; она не могла заниматься любовью в качестве терапии, чтобы заглушить свою боль.

Теперь все в порядке. Она в экстазе. Никогда она еще не ощущала его так сильно. Она в основном сдерживалась, потому что не была гомосексуальной, она была бисексуальной с сильной тягой к мужскому сексу, она чувствовала, что не должна связываться с женщиной, которая любит ее, пока не почувствует, что в состоянии преодолеть первый акт любви.

Но все это самые большие глупости из тех, что она когда-либо слышала. Слова, слова, простые глупые слова. Надо слушать свое тело, свое сердце.

Тело ее больше не было насторожено, в ее сердце было только одно. Она перевернулась и широко развела Габи ноги. Они целовались и Сирокко принялась ее ласкать.

– Я не могу сказать, что люблю тебя и хочу честно сказать тебе об этом, потому что не уверена что знаю, что означает это чувство по отношению к женщине. Я отдала бы за тебя жизнь и твое благополучие важнее для меня, чем благополучие других людей. У меня никогда не было такого друга, как

ты. Если этого недостаточно, я прекращу.

– Не надо.

– Когда я любила мужчину, однажды я захотела от него ребенка. То, что я чувствую сейчас по отношению к тебе, очень близко к тому чувству, но это не совсем то. Я хочу тебя... о, как плохо, что я не могу выразить это словами! Но я не могу сказать с уверенностью, что люблю тебя.

Габи улыбнулась.

– Жизнь полна разочарований.

Она обняла Сирокко и опустила ее на подстилку.

В течение пяти дней снаружи завывал ветер. На шестой день началась оттепель и продолжалась до седьмого дня.

В это время было опасно выходить наружу. Сверху падали толстые куски льда, поднимая при этом ужасный шум. Когда ледопад прекратился, они вышли наружу. Моргая с непривычки от света, они смотрели на холодный, сияющий водой мир, который что-то нашептывал им.

Они взобрались на вершину ближайшего дерева, шепот стал слышен сильнее. Когда более мелкие ветви стали прогибаться под их тяжестью, пошел тихий дождь: большие капли медленно падали с листа на лист.

В центре колонны воздух был прозрачным, но все вокруг, насколько только доставало глаз, было обвито радугами, как будто растаявший лед пробирался сквозь листву к новому озеру на полу спицы.

– Что теперь? – спросила Габи.

– Возвращаемся в пещеру. В пещеру, а потом наверх. Мы потеряли уйму времени.

Габи кивнула в ответ. Потом она спросила:

– Я не сомневаюсь, что ты знаешь это, но можешь ты мне сказать, зачем мы туда идем?

Сирокко собралась было сказать, что это глупый вопрос, но поняла, что это совсем не так. Во время их длительного заключения в пещере она призналась Габи, что больше не верит, что найдет кого-нибудь в ступице. Она сама не знала, когда перестала верить в это.

– Я пообещала мейстерзингеру, – сказала она. – И теперь у меня нет от тебя секретов. Ни одного.

Габи нахмурилась. – А что ты ему пообещала?

– Посмотреть, смогу ли я сделать что-нибудь, чтобы остановить войну между титанидами и ангелами. Я никому не говорила об этом. Я не знаю почему.

– Понимаю. Ты думаешь, что ничего не сможешь сделать?

– Нет.

Габи ничего не ответила, но старательно искала ее взгляд.

– Я должна попытаться. Почему ты так смотришь на меня?

Габи пожала плечами:

– Просто так. Я просто хотела узнать, что ты собираешься делать после того, как мы найдем ангелов? Мы будем продолжать подъем, не так ли?

– Думаю, что да. Мне почему-то кажется, что это следует делать.

Глава 22

Мир был сплошной серией деревьев и подъемов. Они отличались друг от друга так же, как различаются между собой снежинки. Средством общения между ними во время преодоления этих препятствий были руки да ворчание. Они превратились в идеальную машину для лазания по деревьям, которая непрерывно движется вверх. Один переход занимал у них двенадцать часов. Разбив лагерь, они спали как убитые.

Под ними открылся пол и на Рею выпало море воды. Оно оставалось открытым несколько недель, затем пол закрылся, но открылась крыша и снова подул холодный ветер, заставляя их прятаться в убежище. Пять дней в темноте, и они снова снаружи, и снова карабкаются вверх.

На шестой день после третьей зимы они встретили первого ангела. Они остановились, глядя на него, он, в свою очередь, смотрел на них.

Он находился недалеко от верхушки дерева, неясно вырисовываясь сквозь ветви. До этого они слышали завывания ангелов иногда сопровождаемые хлопаньем их крыльев. До этого знания Сирокко об ангелах ограничивались жутким моментом, когда она видела одного из них пронзенного пикой титанид.

Этот ангел был меньше Габи, у него огромная грудная клетка и длинные, тонкие руки и ноги. Крылья появлялись

прямо из боков, так что во время полета вес его равномерно распределялся на оба крыла. Сложенные, эти крылья достигали его головы, концы их волочились ниже ветви, на которой он сидел. Летающие части его ног, рук и хвоста были аккуратно сложены.

Несмотря на все это, Сирокко была поражена его сходством с человеком. Ангел был похож на умирающего от недоедания детеныша, но детеныша человеческого.

Габи глянула на Сирокко, которая лишь пожала плечами, затем сделала шаг вперед, готовая ко всему чему угодно.

Ангел вздрогнул и отскочил назад. Крылья его полураскрылись и он балансировал, хлопая ими по ветке.

– Мы только лишь хотим поговорить с тобой, – сказала Габи, вытянув вперед руки.

Ангел опять вздрогнул и улетел. Они слышали лишь шум его крыльев, когда он набирал высоту.

Габи посмотрела на Сирокко. Ты приподняла бровь и развела руками.

– Ладно, продолжим.

– Капитан.

Сирокко немедленно замерла. Габи резко остановилась, веревка натянулась.

– Что случилось? – спросила Габи.

– Тише, слушай.

Они подождали и через несколько минут зов повторился. На этот раз его слышала и Габи.

– Это не может быть Джин, – прошептала Габи.

– Калвин? – Как только она сказала это, она узнала голос.

Он странно изменился, но она узнала его.

– Апрель.

– Правильно, – пришел ответ, хотя Сирокко сказала его негромко.

– Поговорим?

– Конечно я хочу поговорить. Где, черт побери, ты находишься?

– Ниже, я вижу вас. Не спускайтесь.

– Но почему? Черт побери, Апрель, мы на протяжении месяцев надеялись, что ты вернешься. Август сходит с ума. – Сирокко нахмурилась. Происходило что-то неладное, и она хотела знать, в чем тут дело.

Мне нельзя приближаться к вам. Если вы подойдете, я улечу.

Она сидела на небольшой ветви, в двадцати метрах от того места, где находилась Сирокко и Габи. Даже с такого расстояния Сирокко рассмотрела ее лицо, в точности похожее на лицо Август. Она была ангелом, Сирокко стало плохо.

Казалось, ей было тяжело разговаривать. Она делала длинные паузы между словами.

– Пожалуйста, не подходите ближе. Не двигайтесь в моем направлении. Таким образом мы можем немного поговорить.

– Не думаешь же ты, что мы можем нанести тебе вред?

А почему нет? Я... – она запнулась, бочком отходя в сторону, и продолжила, – нет, полагаю, что нет, но я не могу позволить вам приблизиться более чем позволяет безопасность, от вас исходит чужой запах.

– Это происходит и с титанидами?

– С кем?

– Кентаврами, народом, с которым вы воюете.

Она зашипела и отскочила в сторону. – Не говорите о них!

– Я не думаю, что смогу избежать этого.

– Тогда я должна буду уйти. Я попытаюсь вернуться.

С громким воплем она нырнула в листву. Короткое время они еще слышали шум ее крыльев, и она исчезла, будто ее и не было.

Сирокко посмотрела на Габи, которая покачиваясь сидела у ее ног. Лицо у нее было мрачное.

– Это ужасно, – прошептала Сирокко, – что с нами произошло?

– Я надеялась, что она сможет ответить нам на некоторые вопросы. Но как бы там не было, она получила самый жестокий удар, более жестокий, чем Джин.

Она вернулась через несколько часов, но не смогла ответить на самые важные вопросы. Как выяснилось, она даже не задумывалась над ними.

– Откуда я знаю? – спросила она. – Я находилась в сплошной темноте, когда я очнулась, то была такой, как вы видите

меня. Что бы ни произошло, теперь это не имеет никакого значения.

– Можешь объяснить, почему?

– Я счастлива. Я никому не была нужна, ни я, ни мои сестры. Никто не любил нас. Теперь я не нуждаюсь в этом, теперь я принадлежу к клану Орлов. Я гордая и одинокая.

Осторожные вопросы помогли выяснить, что означала принадлежность к клану Орлов. Это не было племя или жизненное сообщество, как подразумевала Апрель; скорее это была разновидность ангелов.

Орлы были одиночками, отшельниками от рождения до смерти. Они не сходились даже для спаривания, могли терпеть соседство друг друга лишь короткое время во время перелетов, да и то на приличном расстоянии друг от друга. Апрель слышала в спице человеческий разговор.

– Есть две вещи, которые я не могу понять, – осторожно сказала Сирокко. – Могу я спросить тебя?

– Я не обещаю ответить.

– Хорошо. Как появляются новые ангелы, если вы никогда не встречаетесь?

– На дне мира рождаются существа без органов чувств. Всю свою жизнь они проводят, взбираясь на вершину. Раз в год я нахожу такое существо и имплантирую ему в спину яйцеклетку. Ангел мужской особи оплодотворяет его спермой, но не всегда, как получится. Когда хозяин умирает, рождается младенец. Мы рождаемся в воздухе и должны учиться ле-

тать вниз. У некоторых не получается. Это воля Геи. Это...

– Подожди минутку. Ты сказала Гея. Как ты выбрала это имя?

Последовала пауза.

– Я не понимаю вопроса.

– Я не могу объяснить проще. Калвин назвал это место Гейей. Он решил, что оно подходит. Ты тоже сведуща в греческой мифологии?

– Я никогда раньше не слышала это имя. Гея – так называет народ это существо. Это разновидность божества, хотя это не совсем точно. У меня от вас разболелась голова. Я счастлива, а теперь я должна идти.

– Подожди, подожди хоть минутку.

Апрель начала отступать к краю дерева.

– Ты сказала «существо». Ты говоришь об этом создании в спице?

Апрель выглядела удивленной.

– Почему? Нет, это только ее часть. Гея есть весь мир. Я думала, ты знаешь это.

– Нет, я... подожди, пожалуйста, не уходи. – Но было слишком поздно. Они услышали хлопанье ее крыльев.

– Ты вернешься позже? – закончила Сирокко.

– Еще раз, – послышался далекий ответ.

– Ты сказала, одно существо. Все это одно существо. Откуда ты это знаешь?

На этот раз Апрель вернулась всего через час. Сирокко надеялась, что теперь она составит им компанию, но Апрель снова не приблизилась к ним ближе, чем на двадцать метров.

– Можешь поверить. Некоторые из моего народа разговаривали с ней.

– Так она разумное существо?

– А почему нет? Послушай... капитан, – она на мгновение сжала виски. Сирокко могла представить, какие противоречивые чувства ее одолевали. Апрель была одним из лучших физиков. Теперь она жила как дикое животное, по законам, которые с трудом себе представляла Сирокко. Она подумала, с какой энергией былая Апрель боролась бы с этим испытанием.

– Сирокко, ты просила рассказать тебе... о тех, что на ободе колеса. Она говорила о титанидах, изо всех сил стараясь не упоминать их, чтобы ей не пришлось улететь. – Они понимают тебя. Калвин может разговаривать с парящим в воздухе. Меня Гея изменила больше. Я – одна из моего народа. Я проснулась, зная, как мне вести себя среди них. У меня были те же чувства и я так же летала, как и ангелы. Я знаю одно. Гея существует. Она живая. Мы живем внутри нее.

Габи слегка позеленела.

– Ты только оглянись вокруг, – продолжала Апрель. – Разве все вокруг похоже на машины? Есть что-то общее с ними? Мы захвачены живым животным; ты без доказательств принимаешь существование животного под ободом колеса.

Спица заполнена огромным живым существом; ты решила, что это слой, покрывающий остов.

– То что ты говоришь, интригует.

– Более того. Это правда.

– Если это так, то я не найду управляющего центра в ступице.

– Но ты очутишься там, где она живет. Она сидит словно паук и как кукольник в театре марионеток дергает за шнурки. Она наблюдает за всем происходящим внизу, и вы обе такие же игрушки в ее руках как и я. Она распоряжается нами по своему усмотрению.

– И какова ее цель?

Апрель пожала плечами, это был, как отметила Сирокко, совершенно человеческий жест.

– Мне она этого не сказала. Я ходила в ступицу, но она отказалась встретиться со мной. Мой народ говорит, что чтобы быть допущенной к ней, надо иметь великую цель. Моя, очевидно, недостаточно великая.

– И о чем ты хотела попросить ее?

Апрель ненадолго замолчала. Сирокко поняла, что она плачет. Потом она снова подняла на них глаза.

– Вы делаете мне больно. Думаю, что мне не надо больше разговаривать с тобой.

– Пожалуйста, Апрель, ради нашей бывлой дружбы.

– Нашей дружбы? Ты это серьезно? Я что-то не помню такого. Я только помню себя и Август, и еще, это было очень

давно, моих сестер. Мы всегда были одиноки среди других. И теперь я одинока, одинока...

– Ты скучаешь по ним?

– Да, – пустым голосом ответила она. – Это было давно. Я летела, чтобы остаться одной. Одиночество – это мир клана Орлов. Я знаю, что это правильно, но раньше... раньше, когда я еще тосковала по своим сестрам...

Сирокко сидела очень тихо, боясь испугнуть ее.

– Мы собираемся вместе только тогда, когда дышит Гея, – с тихим вздохом продолжила она. – После зимы она раздувает нас над землей...

– В этот день я летела вместе с ветром. Был чудесный день. Мы много убили, потому что мой народ послушался меня и мы оседлали огромного парящего по воздуху. Четырехногие были удивлены, так как дыхание было выше; мы устали и были голодны, но тем не менее у нас было общее стремление... Это был радостный день. Мой народ пошел за мной – за мной, он делал то, что я говорила, и в глубине души я знала, что четырехногие скоро будут стерты с лица земли Геи. Это случится в первую же следующую войну.

– Но затем я увидела Август и разум покинул меня. Я хотела убить ее, хотела улететь от нее, я хотела обнять ее, рыдать вместе с ней. Я полетела. Теперь я боюсь дыхания Геи, я боюсь, что однажды оно пошлет меня вниз убивать мою сестру, а потом умру я. Теперь я Ариэль Свифт⁴, но во

---

⁴ *англ. Swift* – скорый, быстрый.

мне еще достаточно осталось Апрель Поло, чтобы я не могла с этим жить.

Сирокко шевельнулось, так как не смогла сдержать возбуждения. Апрель говорила так, как будто она имела авторитет в общине ангелов. Наверняка они слушались ее.

– Так случилось, что я пришла сюда наверх за миром, – сказала она. – Не уходи! Пожалуйста, не уходи!

Апрель дрожала, но не двигалась с места.

– Мир невозможен.

– Я не могу в это поверить. Многим титанидам так же тяжело на душе, как и тебе.

– Может ли ягненок договориться со львом? – покачала головой Апрель. – Летучая мышь с насекомым, птица с червяком?

– Ты говоришь о хищниках и жертве.

– Естественный враг. Это заложено в наших генах – убивать четырехногих. Я могу... как Апрель, я понимаю, о чем ты говоришь. Мир возможен. Мы летаем на невыносимые расстояния только ради битвы. Многие из нас не возвращаются назад. Набирать высоту очень тяжело и мы падаем в море.

– Я просто думала, что если бы мы с тобой вместе смогли быть представителями на...

– Говорю тебе, что это невозможно. Мы – Орлы. Ты не сможешь даже собрать нас вместе, а тем более заставить нас встретиться с четырехногими. Существуют другие кланы,

некоторые из них общительные, но они не живут в спице. Может быть, тебе повезет там, но я сомневаюсь.

Все трое некоторое время молчали. У Сирокко было тяжело на душе от того, что она потерпела поражение. Габи положила ей на плечо руку.

– Как ты думаешь, она говорит правду?

– Думаю, что да. Это звучит примерно так, как говорил мне мейстерзингер. Это выше их.

– Ты говорила, что пыталась увидеть Гею. Зачем? – спросила Сирокко у Апрель.

– Для мира. Я хотела спросить у нее, зачем война. Если бы не это, я была бы совершенно счастлива. Она не услышала мой зов.

Или же она не существует, – подумала Сирокко.

– Ты будешь все-таки продолжать ее искать? – спросила Апрель.

– Я не знаю. С какой целью? Почему этот сверхчеловек прекратит войну только из-за того, что я об этом попрошу?

– Что может быть хуже в жизни, чем строить догадки? Ну, а если ты вернешься сейчас, что ты будешь делать?

– Я еще не знаю...

– Ты проделала долгий путь, преодолела огромные трудности. Мой народ говорит, что Гея любит хорошие истории, а еще она любит настоящих героев. Ты герой?

Сирокко вспомнила о несущемся в черную бездну Джине, о бегущем к своей гибели Свирели, о набросившейся на нее

ильной рыбе. Конечно же, герою следовало поступать не так.

– Да, она герой, – сказала вдруг Габи. – Изю всех нас только Роки годится на эту роль. Мы все еще сидели бы в грязных хижинах, если бы только она не вытолкнула нас. Она заставила нас идти к цели. Мы можем и не достичь ее, но когда придет этот спасательный корабль, бьюсь об заклад, он не застанет нас сидящими сложив руки!

Сирокко была смущена. С тех пор как был захвачен их корабль, она все время боролась с чувством вины из-за неисполненного долга. Ей не было неприятно, что кто-то думает, что она действовала хорошо. Но герой? Нет, это уж слишком. Она всего лишь исполняла свой долг.

– Я думаю, это произведет на Гею впечатление, – сказала Апрель. – Иди к ней. Стань в ее ступице и кричи. Не надо унижаться и умолять. Скажи ей, что ты имеешь право получить ответы на все наши вопросы. Она послушает.

– Пойдем с нами, Апрель.

Женщина-ангел медленно отодвинулась.

– Меня зовут Ариэль Свифт. Я не пойду ни с кем и никто не пойдет со мной. Я никогда больше не увижу вас. – Она исчезла опять, и Сирокко знала, что она сдержит слово.

Сирокко посмотрела на Габи, которая закатила глаза и слегка скривила рот.

– Все? Какого черта, почему? Я хотела спросить ее кое о чем еще!

Глава 23

– Ты знаешь, что я не герой.

– Ладно, согласна, героиня.

Сирокко хихикнула. Они лежали, шел последний день их четырнадцатой зимы, проведенной вместе в спице. От ступицы их отделяло уже всего десять километров. Им надо было только дождаться оттепели.

– Совсем не это. Если здесь и есть героиня, то это ты.

Габи покачала головой.

– Я только помогала. Просто, наверное, тебе было бы гораздо тяжелее, если бы меня не было рядом.

Сирокко молча стиснула ее руку.

– Я просто шла рядом, помогала преодолевать неприятности, но это совсем не героичество. Герой не стал бы пытаться сбросить Джина с обрыва без парашюта. Герой ты, а не я.

Они молчали, каждый думал о своем.

Сирокко не была уверена в том, что сказанное Габи правда. Частично это соответствовало действительности, хотя она никогда не решилась бы произнести это вслух. Габи не смогла довести их так далеко, она не лидер. Но я? – спрашивала себя Сирокко. Конечно, она пыталась им быть. Но смогла ли бы она сделать все в одиночку? Сомнительно.

– Смешно, не правда ли? – спросила Габи тихонько.

Сирокко искренне удивилась.

– Как можно называть восемь месяцев борьбы смешными?

– Я наверное, неправильно выразилась.

– Нет, ты права. Но ты знаешь, что я имею в виду.

Происходила странная вещь. Она изо всех сил пыталась понять причины депрессии, одолевавшей ее в последние недели. Путешествие шло к концу. Они должны узнать, возможно возвращение на Землю, или нет.

– Я не хочу возвращаться на Землю, – сказала Сирокко.

– Я тоже.

– Но мы можем просто так вернуться назад.

– Мы сделали все, что было в наших силах.

– Нет, я упрямая. Мы должны довести дело до конца. Я должник перед Апрель и Джином, и остальными нашими также. Я должна узнать, что с нами произошло и почему.

– Достань мечи.

– Ты ожидаешь неприятности?

– Ничего такого, в чем помогли бы мечи. Просто с мечом в руке я чувствую себя увереннее. Я собираюсь стать героем.

Габи не стала спорить. Она встала на колени, порылась в рюкзаке, достала оттуда два коротких меча и бросила один Сирокко.

Они стояли, как они надеялись, у последней лестницы. Как и та, по которой они поднимались ко дну спицы, она спиралью вилась вокруг каната, который они вновь обнару-

жили на вершине длинного, обнаженного склона, который разграничивал опушку леса и верхний клапан спицы. Взбираясь по склону, они пользовались и кирками, и веревками, и крючьями, на это ушло два трудных дня.

Масла для ламп совершенно не осталось, приходилось подниматься в кромешной тьме со скоростью одна ступенька в минуту. Они продвигались вперед без происшествий, пока Сирокко не разглядела впереди слабое красное свечение. Неожиданно она почувствовала необходимость меча.

Это было хорошее оружие, хотя рукоятка была слишком большая. На этой высоте она ничего не весила. Она чиркнула спичкой и коснулась фигурки титаниды, выгравированной на поверхности клинка.

– Ну и вид у тебя, – сказала Габи.

Она посмотрела на свое отражение. Она была косматая, одежда ее превратилась в лохмотья. Там, где кожа была относительно чистая, проступала бледность. Она потеряла половину веса, то что осталось, было твердым и жилистым. Кожа на руках и ногах была жесткой, как подметка.

– А я всегда хотела походить на леди.

Она загасила спичку и зажгла вторую. Габи все еще продолжала смотреть на нее. Глаза ее светились желтым огнем. Неожиданно Сирокко стало очень хорошо. Она улыбнулась, потом тихонько засмеялась и положила на плечо Габи руку. Слегка улыбаясь, Габи, в свою очередь, тоже положила руку на плечо Сирокко.

– Ты... что ты чувствуешь в связи с этим? – Габи показала в сторону вершины лестницы.

– Наверное, что-то испытываю. – Она снова рассмеялась, потом пожала плечами. – В общем, ничего особенного. Но нам надо быть настороже.

Габи ничего не сказала в ответ, но вытерла вспотевшие ладони о бедра, прежде чем покрепче сжать рукоятку меча. Потом засмеялась.

– Я не знаю как это делается.

– Просто действуй, как получится, как будто ты умеешь. Когда мы дойдем до верхней ступеньки, оставь все снаряжение позади себя.

– Ты уверена, что это необходимо?

– Я не хочу, чтобы у нас была большая масса.

– Ступица большое место, Роки. Поиски могут затянуться.

– Я чувствую, что у нас это не займет много времени.

Она задула вторую спичку. Они подождали, пока глаза снова не привыкли к темноте и пока они опять не увидят слабый свет вверху. Потом пошли вперед, бок о бок преодолевая последние сто ступеней.

Они поднялись в пульсирующую красную ночь. Свет исходил с ровной лазерной линии над головой. Сам потолок терялся во мраке. С левой стороны неясно вырисовывался канат – темная тень в темноте.

Стены, пол и сам по себе воздух как бы отражали ритм медленного сердцебиения. В лицо дул холодный ветер с невидимого входа в спицу Океана.

– Тут можно разбить нос, – прошептала Габи. – Я вижу только метров двадцать пола.

Сирокко ничего не ответила. Она помотала головой, чтобы отогнать странное, тяжелое ощущение, нахлынувшее на нее и подавить приступ головокружения. Ей захотелось сесть, захотелось вернуться назад. Ей стало страшно, но она не решалась отступить.

Она выставила меч и его клинок замерцал как лужа крови. Она сделала шаг, затем второй. Габи пошла вслед за ней и они зашагали в темноту.

У нее заныли зубы. Она почувствовала, что терпит жестокое поражение, свело челюсти. Она остановилась и закричала:

– Я здесь!

Прошли долгие секунды, пока ее голос вернулся многократно повторяющимся эхом.

Сирокко подняла над головой меч и снова закричала:

– Я здесь! Я капитан Сирокко Джонс, командир исследовательского космического корабля «Властелин Колец», доверенный мне Соединенными Штатами Америки, Администрацией Национальной Аэронавтики и Космического Пространства и Объединенными Нациями Земли. Я хочу говорить с тобой!

Казалось, прошла целая вечность, пока эхо не замерло вдали. После этого все осталось по-прежнему, все также пульсировало гигантское сердце. Сирокко стояла плечом к плечу с Габи, с мечами наизготовку они вглядывались в темноту.

Сирокко почувствовала как уничтожая остатки страха, ее захлестнула волна гнева. Потряся мечом, она закричала в темноту:

– Я требую встречи с тобой! Мы с моим другом преодолели огромные трудности, чтобы добраться до тебя. Земля выпустила нас в мир голыми. Мы с трудом пробирались на эту вершину. По чьей-то прихоти, которую мы не можем понять, нас жестоко швыряло из стороны в сторону. Ты влезла своими руками в наши души и пыталась лишить нас чувства собственного достоинства, но мы не покорились тебе. Я требую ответа! Ответь, для чего ты все это делала, иначе я посвящу всю свою жизнь полному твоему уничтожению. Я не боюсь тебя! Я готова к борьбе!

Сирокко не имела понятия, как долго Габи дергает ее за рукав. Габи выглядела испуганной, но стойко продолжала стоять около нее.

– Наверное, – робко сказала Габи, – наверное, она не говорит по-английски.

Сирокко повторила свое требование на языке титанид. Она пользовалась высоким речитативом, предназначенным для повествования. Твердые, темные стены отражали ее пес-

лость казалось сейчас результатом интоксикации.

Но она все-таки двинулась по направлению к свету.

Отверстие было двести метров шириной, по бокам располагались колонны, которые, очевидно, были верхней частью поддерживающих канатов. Посмотрев вверх, Сирокко увидела, что они раскручены, каждая прядь складывалась в сложный узор, пока не сплетались в корзину, закрывающую далекий потолок. Здесь находился невообразимо мощный якорь, удерживающий Гею вместе.

Сирокко нахмурилась. Одна из прядей была обломана. При более близком рассмотрении весь потолок в целом выглядел как клубок ниток, с которым поиграл котенок, все было страшно перепутано.

Сирокко стало легче. Вероятно, Гея знала лучшие дни.

Они с Габи подошли к низу лестницы и ступили на первую ступеньку. Пока они поднимались, их сопровождала тихая органная музыка. На седьмой ступеньке музыка стала на полтона выше, на тринадцатой стала еще резче. Они медленно продвигались вперед через хроматическую гамму звуков, когда была достигнута верхняя октава, начала проглядываться гармония.

Вдруг по обе стороны от них вспыхнуло оранжевое пламя. Женщины буквально подпрыгнули на два метра в воздух, прежде чем низкая гравитация вынудила их остановиться.

Постепенно в Сирокко снова начал закипать гнев. Демон-

стрировалась грубая сила, призванная оказать на них устрашающее, до дрожи в коленях и лязга зубов, воздействие, чтобы заставить их пресмыкаться. Но на Сирокко она произвела обратный эффект. Богиня это была или не богиня, она использовала слабые трюки, рассчитанные только на слабонервных.

– Барнум ничего не заработал бы на такой девушке, – сказала Габи, и Сирокко готова была расцеловать ее за эти слова. Это было не что иное, как старание произвести эффект. А какой богине это понадобилось бы?

Пламя погасло, пару раз подпрыгнув напоследок до самого потолка и образуя желто-оранжевый тоннель. Они продолжали подниматься.

Перед ними возвышались ворота из меди и золота. Они беззвучно распахнулись перед ними, клацнув, закрылись, пропустив их вперед.

По мере того, как они подходили к большому трону, окруженному ярким светом, музыка бурно нарастала, превращаясь в сумасшедшее крещендо. К тому времени, когда они подошли у широкой мраморной платформе на вершине лестницы, на трон невозможно было смотреть. Жар, исходящий от него был слишком сильным.

– Говори.

Слово повторилось два раза, один раз таким же низким тоном, как и снаружи, второй – более человеческим голосом. Сразу же, как только прозвучал голос, свет начал мерк-

нуть. Бросив украдкой осторожный взгляд, Сирокко увидела в призрачном свете очертания высокой, обширной человеческой фигуры.

– Говори, или возвращайся откуда пришла.

Скосив глаза, Сирокко увидела круглую голову, сидящую на толстой шее, блестящие как уголь глаза и толстые губы. Четырехметровая Гея выпрямившись, возвышалась на двухметровом пьедестале. У нее было круглое тело с чудовищным животом, огромные груди, руки и ноги привели бы в трепет профессионального борца. Она была обнажена, тело было цвета зеленых слив.

Неожиданно пьедестал изменил форму и превратился в покрытый травой и цветами холм. Ноги Геи превратились в стволы деревьев, ступни ее крепко укоренились в темную почву. Ее окружили маленькие зверушки, в то время как над головой кружили крылатые создания. Она посмотрела прямо на Сирокко и ее огромные брови грозно сдвинулись.

– А... Я хотела... Я буду говорить, я буду... – Сирокко открыла рот, думая одновременно: куда же улетучился ее праведный гнев? Взгляд ее упал на Габи. Она дрожала, глядя на Гею блестящими глазами.

– Я здесь, – шептала она. – Я здесь.

– Замолчи, – зашипела Сирокко, толкнув ее локтем. – Мы поговорим об этом позже. Она вытерла со лба пот и снова повернулась к Гее.

– О, Великая... Нет! Апрель сказала, что никаких униже-

ний, что Гея любит героев. Пожалуйста, Апрель, пожалуйста, будь права!

– Мы пришли... я и шестеро других, пришли из... Я не знаю, насколько долго... – Она замолчала и поняла, что ничего не сможет объяснить по-английски. Она набрала в легкие побольше воздуха, расправила плечи и начала петь.

– Мы пришли с миром, я не знаю, как давно это произошло. Мы были маленькой командой по вашим понятиям и не представляли для вас никакой опасности. Мы были безоружные. И все-таки нас атаквали. Наш корабль был разрушен до того, как мы успели объяснить наши намерения. Вопреки нашей воли нас держали взаперти в положении, вредном для нашего рассудка, мы были не в состоянии связаться ни друг с другом, ни с нашими товарищами с Земли. В нас были произведены изменения. В результате один член моей команды сошел с ума, другой тоже был близок к помешательству в то время, как я с ним рассталась, третий больше не хочет общаться со своими человеческими друзьями, четвертый – потерял большую часть своей памяти. И еще по поводу памяти – одна из членов команды не знает больше сестру, которую когда-то любила. Все это чудовищно. Я чувствую, что с нами поступили несправедливо, все это заслуживает объяснения. С нами обошлись жестоко и мы требуем справедливости.

Напряжение у Сирокко слегка спало, она была счастлива, что ей удалось высказаться. Она чувствовала себя ребенком; ей не побороть это существо. Она сделала все, что в ее силах,

далее все зависит не от нее.

Гея нахмурилась еще сильнее.

– Я не подписывала Женевское Соглашение.

Сирокко от неожиданности открыла рот. Она ожидала услышать что угодно, но, конечно, только не это.

– Так кто ты тогда? – вырвалось у Сирокко помимо воли.

– Я – Гея, великая и мудрая. Я – мир, я – истина, я – закон, я...

– Так, следовательно, ты целая планета? Апрель сказала правду?

Наверно было неудобно перебивать богиню, но Сирокко не могла сдержаться и как Оливер Твист напрашивалась на взбучку.

– Я не повсюду, – прогремыхала в ответ Гея, – но да, я планета. Я – Мать Земли, хотя и не вашей. Все берет начало из меня, вся жизнь. Я один из пантеонов, достигающих звезд. Зови меня Титан.

– Так это...

– Достаточно. Я слушаю только героев. Ты рассказала о ваших великих делах, когда пела свою песню. Расскажи мне о них, или уходи навсегда. Пой мне о своих приключениях.

– Но я...

– Пой! – прогремела Гея.

И Сирокко запела. Ее история заняла несколько часов, потому что когда Сирокко хотела сократить ее, Гея потребовала подробности. Сирокко начала увлекаться повествова-

нием. Язык титанид как нельзя лучше подходил для этого; она остановилась на речитативе, так как построение фраз не подходило для песни. Закончив свой рассказ, она ощутила чувство гордости, у нее слегка прибавилось чувство уверенности.

Гея, казалось, переваривала услышанное. Сирокко нервно заерзала. Наконец Гея опять заговорила.

– Это была хорошая история, – сказала она, – лучшая из тех, что я когда-либо слышала. Ты в самом деле героическая личность. Я хочу продолжить разговор с вами обеими в моих апартаментах.

Сказав это, она исчезла. В течение нескольких минут на этом месте еще видно было мерцание, потом и оно исчезло.

Они огляделись вокруг. Они очутились в большой, увенчанной куполом комнате. Позади них находились ступени, которые больше не освещались, они тянулись в темную внутреннюю часть ступицы. На ступеньках выстроились ржавые форсунки, они непрерывно дымили издавая резкий свист охлаждаемого металла. В воздухе стоял запах горелой резины.

Мраморный пол был потресканным и обесцветился, он был покрыт слоем пыли, на которой отпечатались следы их ног. Это место выглядело как изношенный оперный театр, в котором погасли огни и рассеялся мираж представления.

– Здесь происходили странные вещи, – сказала Габриэлла, – но это все объясняет. Куда мы теперь идем?

Сирокко молча показала на небольшую дверь в левой от них стене. Она была приоткрыта и через щель проникал сияющий свет.

Сирокко толкнула дверь, огляделась вокруг, с возрастающим чувством, что она видит что-то знакомое, и вошла во внутрь.

Это была большая комната с четырехметровым потолком. Стены были покрыты панелями под цвет дерева, на них висели картины в позолоченных рамах. Мебель была в стиле Людовика XVI.

– *Дежа вю*, да? – раздался голос из дальнего края комнаты. Это была коренастая, невысокого роста женщина в свободном платье рубашечного покроя. Она была также похожа на Гею, как кусок мыла на «Богоматерь» Микеланджело.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, – весело приглашала она. – Не надо стоять как во время церемонии. То, что вы видели – все это так: пыль в глаза; реальности в этом почти нет. Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

Глава 24

У Сирокко изменились взгляды.

– Знаешь что? – спросила она, испытывая нечто большее, чем легкое головокружение. – Если бы кто-то прямо сейчас сказал, что «Властелин Колец» никогда не покидал орбиты Земли и что все это штучки Голливуда, то я, думаю, и глазом бы не моргнула.

– Вполне естественная реакция, – сказала Гея успокаивающе.

Она расхаживала по комнате, подавая бокал с вином Габи и двойной виски Сирокко, поправляя картины на стене и смахивая со стола пыль тряпкой из старой юбки.

Гея была низенькая и приземистая, она напоминала бочку. Кожа у нее была обветренная и загорелая, нос картошкой, но в уголках глаз и чувствительного рта притаились смешливые морщинки.

Пытаясь отвлечься от обуревавших ее мыслей, Сирокко старалась определить, на кого похоже ее лицо. В.С. Филдс? Нет... похож только нос. Потом она придумала. Гея похожа на Чарльза Лафтона в «Личной жизни Генриха VIII».

Габи и Сирокко сидели на противоположных краях слегка потертой кушетки. Гея поставила около каждой по бокалу, затем пересекла комнату, чтобы возложить свою массу в кресло с высокой спинкой. Пыхтя, она устроилась поудобнее

и переплела пальцы.

– Можете расспрашивать меня, – сказала Гея, выжидаясь, склонившись вперед.

Сирокко и Габи переглянулись, потом посмотрели на Гею. Последовало непродолжительное молчание.

– Ты говоришь по-английски, – сказала Сирокко.

– Это не вопрос.

– Каким образом ты говоришь по-английски? Где ты его выучила?

– Я смотрю телевизор.

Сирокко знала, какой следующий вопрос она хочет задать, но не была уверена, стоит ли это делать. Предположим, она последняя из строителей Гея. Не было никаких доказательств, что Гея и в самом деле единый организм, как говорила Апрель, но возможно, что эта персона считает себя богиней.

– Как... насчет этого шоу... там, снаружи? – спросила Габи.

– Все дело в зеркалах, дорогая, – махнув рукой сказала Гея. – Не более, чем ловкость рук. – Она посмотрела на свою ладонь. Потом взгляд ее стал жестче. – Я хотела убедиться, что вы и в самом деле герои. Я дала свое лучшее представление. Я подумала, что на этой сцене нам будет лучше общаться. Комфорт, еда, выпивка... Хотите что-нибудь поесть? Кофе? Кокаин?

– Нет... мне... ты сказала...

Ты сказала кофе?

...кокаин?

У Сирокко пощипывало в носу, она испытывала самую большую тревогу и самый меньший страх за все время, как они переступили порог ступицы. Откинувшись назад, она сидела на кушетке и смотрела в глаза созданию, называвшее себя Геей.

– Ты сказала зеркала. Но кто тогда ты?

Улыбка Геи стала еще шире.

– Надо докопаться до самой сути, да? Хорошо. Я люблю прямоту. – Поджав губы, она, казалось, размышляла над вопросом.

– Ты имеешь в виду, что это такое, или кто такая я?

Она сложила руки на своей необъятной груди и продолжала:

– Я – три разновидности жизни. Существует само по себе мое тело, которое является окружающей средой, по которой вы передвигаетесь. Существуют мои создания, такие как титаниды, которые принадлежат мне, но которые мною не управляются. И существуют приборы, которые отделены от меня, но некоторые являются частью меня. Я обладаю определенными умственными способностями, которые иногда бывают полезными при создании миражей, которые вы видели. Можете называть это гипнозом, или телепатией, хотя это ни то, ни другое.

Я могу создавать живые существа, которые являются про-

должением моей воли. Одному одиннадцать лет, и это только одна из разновидностей. У меня есть и другие. Они построили эту комнату и ступени снаружи, большинство планов я позаимствовала из фильмов. Я большой любитель фильмов, и я тебя понимаю...

– Да, но наступает...

– Я знаю, знаю, – успокоила ее Гея. – Я странствую. Это чертовски досадно. Я должна поговорить с тобой об этом. Когда я заговорила, что слышала тебя раньше... ладно, я использовала верхний клапан Океана как гортань, гоня воздух из спицы. Это вносит разлад в погоду. Эти три слова посылают снег на Гиперион.

– Но узнав о этом моем теле, тебе захочется узнать что-нибудь еще. А я просто ужасно старая женщина, совершенно одинокая здесь наверху.

Она прищурилась, посмотрела на Сирокко.

– Ты до сих пор подозреваешь это, ведь так?

– Я... я не знаю, что и думать. Даже если я и поверила тебе, я все равно так и не узнала, кто ты.

– Я Титан. Ты хочешь знать, что такое Титан.

Она откинулась на спинку кресла, взгляд ее унесся куда-то далеко.

– То, чем я и в самом деле являюсь – в прошлом. Мы очень старые, что совершенно ясно. Мы не эволюционизировали, мы созданы. Мы живем три миллиона лет, мы окружены тысячным потомством. За это время мы изменились, хотя не

посредством эволюционных процессов, в вашем понимании.

Большая часть нашей истории в настоящее время потеряна. Мы не знаем ни кто нас построил, ни для каких целей. Достаточно сказать, что наши создатели сделали нас хорошо. Они ушли, а мы все еще здесь. Возможно, их потомки до сих пор живут во мне, но если это так, то они забыли величие своих создателей. Я слушаю послания моих сестер, распространяемые через эту галактику, но никто не говорит о строителях.

Она на мгновение нахмурилась, ожидая ответа Сирокко, но тут же лоб ее расправился.

– Хорошо, – сказала Сирокко. – Но ты упустила много деталей. Как ты очутилась здесь? Почему ты только одна? Ты слушаешь радио; ты тоже занимаешься радиопередачей? А если это так, то почему ты до сих пор не вошла в контакт с Землей? Если...

Гея предостерегающе подняла руку и хихикнула.

– Минуточку, хорошо? Ты много берешь на себя. Почему ты решила, что я пришелец? Я также как и ты родилась в этой системе. Мой дом Рея. Моя дочь на Япете, она в настоящее время приближается к зрелости. Семейство Титанов вращается вокруг Урана. Они составляют видимые кольца. Все они меньше меня. Я самый большой Титан из расположенных поблизости.

– Япет? – переспросила Габи. – Это одна из причин, из-за которых мы...

– Успокойся. Я должна объяснить и избавить себя от ошибки. Мы не можем путешествовать между звездами. Мы вообще не можем передвигаться в космосе, за исключением орбитальных установок.

– Я запустила с обода колеса зародышей, так как я вращаюсь, они набрали скорость. Я старалась как можно лучше, но на таком расстоянии это проблематично. Зародыши не имели никакого направляющего устройства.

Когда они попадают в подходящий мир, Япет безупречен в этом отношении: нет воздуха, не каменистый, море солнца, они укореняются. За пятьдесят тысяч лет младенец Титана готов родиться. На этой стадии полностью покрывается полушарие рожающего тела. Вот почему семьдесят пять лет назад Япет выглядел таким образом: одна его сторона была гораздо ярче другой.

Затем младенец Титана сжимается, пока не превращается в толстый обод, опоясывающий мир от полюса до полюса. Таким становится Япет. Моя дочь зарылась глубоко. Она достигла ядра, чтобы найти жизненно важные элементы. Я опасаясь, что к этому времени Япет уже значительно ограблен; моя бабушка, после нее моя мать, все использовали этот спутник.

Моя дочь занимается синтезом горючего, необходимого ей, чтобы вырваться из Япета на свободу. И только когда она будет готова, и ни днем раньше, так как при рождении она обладает той же массой, что и всю жизнь, она вырвется в кос-

мос. Похоже, что Япет разделится во время этого на части, таким образом, очевидно, образовались кольца. Потом...

– Ты говоришь, что Титаны являются причиной образования колец? – спросила Габи.

– Разве я не сказала только что этого? – слегка раздраженно спросила Гея, поглощенная своим рассказом.

– Это случилось очень давно, и вы не можете возложить ответственность за это на меня. Как бы то не было, моя дочь при любых обстоятельствах вынуждена будет прекратить свое теперешнее вращение и начнет описывать круги как это делаю я. Та часть ее, которая превратится в ступицу, находится сейчас на поверхности Япета. В космосе она сожмется, вытолкнув позади себя спицу. Она начнет вращаться быстрее, постепенно стабилизируясь, наполняя себя воздухом, начнет внутри себя образование горного процесса для существ, которые... ладно, вы получили общее представление. Я говорю бессвязно, когда рассказываю о своей дочери, впрочем, наверное любые родители.

– Нет, нет, мне очень интересно, – запротестовала Сирокко. – У твоей дочери внутри тоже будут титаниды, ангелы и цеппелины?

– Никаких титанид, я думаю, – усмехнувшись, сказала Гея. – Если она будет выращивать всех их, то будет изобретать их самостоятельно, как это делала я.

– Что-то я не пойму, – потрясла головой Сирокко.

– Это довольно просто. Большинство моих видов являют-

ся потомками по прямой линии Титанов, они были спрятаны, когда нас создавали. Каждое освобожденное мною яйцо содержит семена миллионов видов как электронные растения. Я не думаю, что наши строители уделили большое внимание машинам. Все, что им было надо, они выращивали – от одежды до электронной схемы.

Титаниды и ангелы различаются. Пока вы не привыкли к ним, вам было удивительно, что они так похожи на людей. Ответ на это прост. Я использовала людей как образец. С титанидами было легче, но ангелы... это была моя головная боль! У ваших сказочников слишком большая фантазия, на практике это воплотить труднее. Для того, чтобы удержать ангелов над землей, размах крыльев должен быть огромным, даже при моей низкой гравитации и высоком атмосферном давлении. Я не собиралась делать их по библейскому образцу, но так получилось! Основная проблема, как вы видите, состояла...

– Ты сама сделала их? – спросила Сирокко. – Создала все на голом месте?

– Разве я только что не сказала это? Для меня это не труднее, чем тебе слепить из глины фигурку.

– Они полностью твое творение. Но ты основательно знакома с радиотехникой и создавала их по аналогам, знакомым тебе благодаря радио. Но, по твоим понятиям, мы занимаемся радио и телевидением не так давно.

– Титанидам меньше ста лет, ангелы еще моложе.

– Тогда... тогда ты богиня. Я не хочу заниматься здесь теологией, но я надеюсь, что ты понимаешь, что я имею в виду.

– Но тем практическим результатам, которые получены в моем небольшом уголке вселенной... да, я богиня. – С самодовольным видом она сложила на груди руки.

Сирокко с тоской посмотрела на дверь. Как было бы хорошо выйти через нее и постараться забыть обо всем, что произошло.

Что из того, что это существо безумный живой потомок строителей? – Спрашивала себя Сирокко. Она управляла миром, который они называют Геей. Не имеет значения, действительно ли это соответствует действительности, в любом случае она обладает исключительной силой.

И что было достаточно странным, в иные моменты, когда та казалась какой-то незащищенной, Гея нравилась ей, но это было до того, как Сирокко вспомнила о том, что, в первую очередь, привело ее в ступицу.

– Существуют две вещи, о которых я хочу спросить тебя, – сказала Сирокко так решительно, насколько только отважилась.

Гея встревоженно приподнялась.

– Пожалуйста. Случайно, я хочу также спросит тебя о двух вещах.

– Я... ты? Спросить меня? – Это было совершенно нежи-

данно. Сирокко довольно-таки нервничала, заводя разговор о «Властелине Колец». Она знала, что с ней и ее командой поступили несправедливо, но имеет ли к этому отношение богиня? Сирокко хотела бы иметь хотя бы тысячную долю той бравады, когда она зайдя в ступицу, выкрикивала проклятия в пустое пространство.

– Что я могу для тебя сделать? – улыбаясь спросила Гея.

Сирокко глянула на Габи, которая слегка расширила глаза и исподтишка перекрестила пальцы.

– Первое... а, первая просьба касается титанид...

Проклятье, это должно было идти вторым вопросом. Но это не должно помешать.

– Его называют мейстерзингер... – Сирокко пропела его имя и продолжала. – Он просил меня... он просил меня, что если я когда-нибудь доберусь до тебя, спросить, почему они вынуждены воевать?

Гея нахмурилась, но она казалась скорее смущенной, чем рассерженной.

– Ты должна была понять это.

– Ладно, я поняла. Агрессивность, направленная против ангелов, заложена в них. Это инстинкт, то же самое происходит и с ангелами.

– Совершенно верно.

– И если ты так задумала их, то для этого у тебя были основания...

Гея выглядела удивленной.

– Да, конечно, я хотела войны. Я никогда не знала о войнах, пока не посмотрела ваши телевизионные передачи. Мне казалось, что ваши люди любят их настолько сильно, что воюют годами, и я решила тоже попробовать.

Долгое время Сирокко не находила, что сказать. Она почувствовала, что сидит с открытым ртом.

Ты это серьезно?

– Вполне.

– У меня это не укладывается в голове.

Гея глубоко вздохнула.

– Я хотела бы, чтобы ты не боялась меня. Уверяю, тебе не грозит от меня никакая опасность.

– Откуда нам это знать? – подалась вперед Габи, ты...

Она замолчала и посмотрела на Сирокко.

– Я разрушила ваш корабль. Это отдельный важный разговор, я уверена. Вы многого не знаете. Хотите еще немного кофе?

– Нет, не сейчас, спасибо, – торопливо сказала Сирокко. – Гея, или Ваше Святейшество, или как еще я должна называть тебя...

– Мне нравится Гея.

– ...мы не любим войны. Я не люблю их, и не думаю, что любит какой-либо другой здравомыслящий человек. Я не сомневаюсь, что ты видела и антивоенные фильмы. Гея нахмурилась и закусила костяшку пальца. – Конечно, но их гораздо меньше, и фильмы о войне более популярны. В них больше

кровопролития, чем в большинстве антивоенных фильмов. Ты сказала, что вы не любите войны, но почему вы тогда так восхищаетесь этими фильмами?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Все, кого я знаю, ненавидят войну, титаниды ненавидят ее тоже. Они хотят, чтобы эти войны прекратились. Я пришла просить тебя об этом.

– Совсем не воевать? – она подозрительно вглядывалась в Сирокко.

– Совсем.

– Даже без небольших схваток?

– Даже.

Гея ссутулилась, глубоко вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Договорились.

– Я надеюсь, что это не причинит больших хлопот, – продолжала Сирокко. – Я не знаю, каким образом...

– Это сделано! – Комната осветилась вспышкой, короной охватившей голову Геи. Раскат грома свалил Габи и Сирокко с ног. Габи выхватила из ножен меч и встала между Сирокко и Геей.

Последовало неловкое молчание.

– Я не собираюсь этого делать, – сказала Гея, руки у нее нервно дрожали. – Это было... ну... что-то вроде разочарования. – Она снова вздохнула и показала им на их места.

– Я должна была сказать, что происходит, – тщательно подбирая слова, сказала Гея. – Я призвала всех ангелов и ти-

танид. Перепрограммирование займет некоторое время.

– Перепрограммирование? – с подозрением спросила Сирокко.

– Никто не пострадает, дорогая. Земля поглотит их всех. Через некоторое время они выйдут свободными от принуждения воевать. Ты удовлетворена?

Сирокко заинтересовало, была ли какая-нибудь альтернатива этому решению, но она промолчала и лишь молча кивнула головой.

– Ну и хорошо. Теперь второе дело. Твой корабль.

– Я еще ничего не просила.

Гея подняла руку, и убедившись, что Сирокко не будет больше ее перебивать, продолжала:

– Я знаю, что говорила вам, что я – весь мир, что я – Гея. Одно время это соответствовало действительности. Теперь это не совсем так. Не надо забывать, что мне три миллиона одна тысяча двести шестьдесят шесть лет. – Она помолчала, приподняв бровь.

– Три миллиона... – прищурилась Сирокко. – Ты говоришь, что это продолжительность твоей жизни.

– Ты права. Я стара не только по вашим меркам, но и по своим. Вы можете видеть это по ободу колеса и по ступице. Мои пустыни становятся суше, заброшенные земли покрываются все более толстым слоем льда и я ничего не могу с этим поделать. Сомневаюсь, что я проживу еще сто тысяч лет.

Совершенно неожиданно Сирокко рассмеялась. Габи пораженно уставилась на нее, Гея вежливо продолжала сидеть, склонив на бок голову, пока Сирокко не взяла себя в руки.

– Прости меня, – сказала она, все еще задыхаясь от смеха, – но почему-то это вызывает мало сочувствия. Всего сто тысяч лет! Ничего себе! – Она снова рассмеялась, на этот раз Гея тоже присоединилась к ней.

– Ты права, – сказала она, – еще слишком рано посыпать цветы. Я могу пережить весь ваш народ. – Она откашлялась. – Но вернемся к тому, что я говорила. Я умираю. Я неправильно срабатываю в тысячах случаев. Она еще все держит в руках, подумаешь ты, но это все совсем не то, что было раньше. Вспомни динозавров. Один мозг у них в голове, второй – в крестце. Децентрализованное управление неуклюжим телом.

– У меня происходит то же самое. Когда я была молода, мои вспомогательные мозги работали вместе со мной, как пальцы на твоей руке. В последние полмиллиона лет это изменилось. Я потеряла контроль над большинством удаленных территорий. На ободке существует двенадцать самостоятельных интеллектов, а я лишь фрагментарно присутствую в двух индивидуальностях в моем центральном нервном звене, в ступице.

– Это как в греческой теогонии, которой я так увлекалась. Дети мои склонны к неуправляемости, своенравию, антагонизму. Я постоянно воюю с ними. Тут внизу есть хорошие и

плохие земли. Гиперион одна из лучших земель. Мы вполне ладим.

– Рея темпераментная и совершенно сумасшедшая, но по крайней мере, мне часто удается уговорить делать правильные вещи. Но Океан – худшая из земель. Мы больше не в состоянии разговаривать друг с другом. Все, что я делаю в Океане, я делаю не правильным управлением, а хитростью и обманом. Это Океан поймал в ловушку ваш корабль.

Глава 25

Океан размышлял в течение десяти тысяч лет, когда почувствовал, что Гея слабеет. Еще был шанс, что она может уничтожить тщательно скрываемую им надежду. Его жгла обида.

Почему он должен быть в тени? Он, самый могущественный из океанов, постоянно покрытых льдом. Борющаяся на его суровой, холодной поверхности жизнь была чахлой. Многие из его детей погибли в самом расцвете лет. Что хорошего в этом Гиперионе, что он такой пышный, буйный?

Спокойно, по несколько метров за день, он простирал под землей нерв, пока не смог разговаривать непосредственно с Реей. Он распознал ее безумие и начал привлекать ее в союзники, обращая ее взгляд на запад.

В Мнемозине не было ничего хорошего. Она была пустынная, заброшена и физически и эмоционально, постоянно горящая над своими пышными лесами. Стараясь изо всех сил возбудить негодование против Геи, Океан не смог пробить глубину депрессии Мнемозины. Он проложил под ней тоннель.

За Мнемозиной находился ночной регион Кроноса. Здесь было сильно влияние Геи; территорией управлял сопутствующий мозг, который был инструментом сверхразума, а собственный мозг Кроноса был еще недостаточно развит.

Океан двинулся дальше на запад. Не осознавая этого, он проложил коммуникационную сеть, объединяющую шесть мятежных земель.

Наибольшую поддержку он нашел в Япете. Если бы они только объединились, они бы свергли Гею. Но разработанная ими тактика основывалась на тесном физическом взаимодействии, так что они с Япетом могли плести интриги. Он вынужден был отступить, пока не договорится с Реей.

Он повторил историю, произошедшую на месте построенных на Земле пирамид. Неожиданно он остановил течение смазочно-охлаждающей эмульсии, проходящей через его огромное тело и через поддерживающие канаты, которыми он управлял. На далеком краю моря, господствующем на его морозном ландшафте, он управлял двумя речными насосами – огромными трехкамерными мускулами, поднимающими воды Офиона в западный Гиперион. Он остановил их массовое биение. То же самое сделала и Рея с пятью насосами, поднимавшими воду над восточными горными хребтами, в то время как ее насосы быстро качали воду около Гипериона. Отрезанный от воды со стороны запада, в то время как с восточной стороны вода откачивалась, Гиперион начал быстро сохнуть.

Через несколько дней перестал течь Офион.

– Я заразилась этой ловкостью рук от Реи, – сказала Гея. – Я узнала, что теряю контроль над моими периферийными мозгами, но ни один из них не высказал ни малейшей жало-

бы. Я не представляла, что они могут существовать.

По мере того как Гея рассказывала о бунте Океана, становилось темнее. Большинство люминесцентных панелей на потолке погасло. Оставшиеся дали мерцающее свечение. На стены комнаты упала тень.

– Я знала, что обязана что-то предпринять. Он был на пороге разрушения всей экосистемы; понадобилось бы тысяча лет, прежде чем я опять смогла бы собрать все вместе.

– И что же ты сделала? – прошептала Габи. Сирокко подпрыгнула; тихий голос Геи почти что загипнотизировал ее.

Гея вытянула руку, медленно сжала ее в кулак, похожий на каменную глыбу.

– Я сжалась.

Громадная круглая мышца дремала на протяжении трех миллионов лет. У нее была лишь одна функция: сокращать ступицу и вытягивать позади нее спицу сразу же после рождения Титана. От нее зависела сеть канатов Геи. Это был центр ее устройства, основной якорь, держащий ее вместе.

Она резко дернулась.

В воздух подпрыгнули гигатонны льда и камней.

Десять тысяч квадратных километров поверхности Океана поднялось вверх как скоростной лифт. Замершее море превратилось в грязь, в нее были врезаны кубы льда величиной с городской квартал. Надо всей Геей как гнилые веревки полопались пряди каната, они падали, ломая и спутывая все

на своем пути.

Мышца расслабилась. На один головокружительный момент в Океане воцарилась невесомость. Глыбы льда величинной с квадратный километр парили в воздухе как снежинки, потом со ступицы подул ураганный ветер.

Когда Океан разрушен до основания, смертельную музыку Геи пробренчали пятнадцать канатов. Одна лишь сила акустики сдирала десяток метров верхнего слоя почвы с окружающих регионов и в течении некоторого времени вокруг обода колеса бушевала пыльная буря, потом ее неистовство стало затихать.

Подобно сжимаемому рукой мячу, мышца в ступице сокращалась и расслаблялась с двухдневным интервалом, это вызывало на Гее вибрацию как на лишенном резиновых прокладок колесе.

У Геи был в запасе еще трюк, но она выжидала, пока катклизм не превратит Океан в голые камни. У нее было еще только шесть мышц. Сейчас она согнула одну из них.

Возвышающаяся над Океаном спица сократилась, жжалась до половины своего обычного диаметра. Больше чем на неделю прекратилась подача воды, деревья высохли, осыпались, начали падать.

Падая, они начинали гореть.

Океан превратился в ад.

– Я намеревалась сжечь этого ублюдка, – сказала Гейя. – Я

хотела выжечь его навсегда.

Сирокко закашлялась и потянулась за своей забытой выпивкой. Кубики льда в стакане тревожно звякнули в наступившей тишине.

– Он укоренился слишком глубоко, но я нагнала на него страху. – Гея тихонько хихикнула. – Я и сама пострадала от этого, огонь повредил мой нижний клапан. С тех пор я налетаю на него каждые семнадцать дней. Звук, исходящий при этом, это не плач Геи, а предупреждение. Он этого заслуживает. На протяжении тысячелетий он был очень хорошим мальчиком.

– Не делай ошибок, не навлечешь гнев богов на свою голову. Греки знали, что говорили.

– Но его судьба связана с моей. Он часть моего сознания, так что по вашему определению, я ненормальная. Это уничтожит всех нас, очевидно, добро и зло ходят рядом.

Он вел себя как нельзя лучше, пока на орбите не появились вы. Я планировала войти с вами в контакт за несколько дней до того, как вы очутились здесь. Я намеревалась захватить вас на внешней стороне Геи. Уверяю вас, я могла сделать это очень деликатно, не разбив ни одного стекла.

Океан использовал мое слабое место. Мои радиотрансляционные установки расположены на ободке. Их было три, но одна давным-давно сломалась. Остальные расположены в Океане и на Киусе. Криус мой союзник, но Рея и Тефия умудрились разрушить эту установку. Неожиданно все мои

коммуникационные линии оказались в руках Океана.

Я решила отказаться от этой затеи. Не вступив со мной в контакт, вы могли, наверняка, неверно истолковать мое намерение.

Но Океан захотел заполучить вас для себя.

Битва бушевала под поверхностью Океана и Гипериона. Она происходила в огромном трубопроводе, поставлявшем питательное вещество известное под названием молоко Геи.

Каждый человеческий пленник был заключен в капсулу из защитного желе на то время, пока решалась их судьба. Их метаболические процессы были замедлены. В медицинском понятии они находились в коматозном состоянии, они не воспринимали окружающего.

Оружием в этой войне были насосы, перекачивающие через подземный мир питательные вещества и смазочно-охлаждающую эмульсию. Обоими участниками сражения создавались огромные перепады в давлении, в результате чего в одном месте в Мнемозине вырвался наружу гейзер молока, струя била на сотню метров в высоту, падая на песок, молоко образовывало недолговечные ручьи.

Сражение продолжалось больше года. В конце концов Океан понял, что он проигрывает. Под ошеломляющим давлением, которое создала Гея со стороны Япета, Кроноса и Мнемозины, победа начала уплывать к Гипериону.

Океан изменил свою тактику. Он проник в сознание своих пленников и разбудил их.

– Я все время боялась этого, – сказала Гея. – Он установил связь с вашим мозгом. Мне необходимо было нарушить эту связь. Я использовала тактику, которую, я думаю, вам не понять. В процессе этого я потеряла одного из вас. Когда я вернула его назад, он был уже изменен.

Океан старался уничтожить вас до того, как я захвачу вас, но он стремился уничтожить не тело, а мозг. Это было бы совершенно не трудно. Он затопил вас информацией. В одного из вас он внедрил речь посредством свиста, еще в двоих – песни титанид. Меня изумляет, что все вы остались в здравом уме.

– Не все, – сказала Сирокко.

– Да, не все. Я глубоко сожалею об этом. Я попытаюсь каким-либо образом исправить это.

Пока Сирокко размышляла, каким образом Гея собирается сделать это, заговорила Габи.

– Я вспоминаю, как поднималась по огромной лестнице, – сказала она. – Я прошла через золотые ворота и стала у ног богини. Потом, через несколько часов, создалось впечатление, что я снова на этом же месте. Можешь ты объяснить это?

– Я разговаривала с каждым из вас, – сказала Гея. – В том состоянии, в котором вы находились, каждый интерпретировал это по-своему.

– Я совершенно не могу этого вспомнить, – сказала Сирокко.

– Ты забыла это. Твой друг Билл пошел дальше, он поте-

рля большую часть своей памяти.

Обращаясь с вами через Гиперион, я решила, что мне следует сделать. Август слишком прониклась культурой и обычаями ангелов. Пытаться вернуть ее в прежнее состояние – означает уничтожить ее. Я перенесла ее в спицу и позволила ей положиться на судьбу.

Джин повредился рассудком. Я перенесла его в Рею, надеясь, что он останется изолированным от всех остальных. Мне следовало уничтожить его.

– Нет, – вздохнула Сирокко. – Я оставила его в живых, когда тоже надо было убить его.

– Мне легче от своих слов, – сказала Гея. – Что касается остальных вас, то необходимо было как можно быстрее вернуть вас в сознательное состояние. У меня даже не было времени собрать вас вместе. Я надеялась, что вы придете сюда, и во время. Вы так и сделали. И теперь вы можете вернуться домой.

Сирокко бросила на нее быстрый взгляд.

– Да, спасательный корабль здесь. Им командует капитан Уолли Свенсен, и...

– Уолли! – одновременно выкрикнули Габи и Сирокко.

– Он ваш друг? Вы скоро увидите с ним. Твой друг Билл уже на протяжении двух недель беседует с ним.

Гея выглядела смущенной, и когда она заговорила опять, в голосе ее сквозило раздражение. – И на самом деле, это нечто большее, чем просто спасательная миссия.

– Я полагаю, что это возможно.

– Да, ты права. Капитан Свенсен снаряжен на войну со мной. У него с собой много водородных бомб, и его присутствие здесь действует мне на нервы. Это имеет отношение к тому, о чем я хотела попросить тебя. Могла бы ты уладить это? Ты ведь знаешь, что я несу угрозы Земле.

Сирокко на мгновение заколебалась, причиной был смущенный вид Геи.

– Хорошо, я думаю смогу сделать это незамедлительно.

– Большое спасибо. В действительности он не сказал, что собирается бомбить меня, и когда он узнал, что здесь находятся уцелевшие после катастрофы «Властелина Колец», эта перспектива стала более отдаленной. Разведчики с корабля строят лагерь около города титанид. Ты можешь объяснить Свенсену что случилось, так как я не уверена, что он мне поверит?

Сирокко кивнула в ответ и довольно продолжительное время молчала, ожидая, что еще скажет Гея. Но та молчала, и Сирокко вынуждена была заговорить сама.

– А как нам поверить, что все это правда?

– Я не могу дать вам никаких гарантий. Я только прошу поверить мне.

Сирокко опять кивнула и встала. Она не хотела, чтобы это выглядело демонстративно, но никто не ожидал этого. Габи казалась смущенной, но тоже поднялась на ноги.

– Было очень интересно, – сказала Сирокко. – Спасибо за

угощение.

– Не торопись, – сказала Гея после паузы изумления. – После того, как я верну тебя на обод, у меня не будет возможности поговорить с тобой.

– Ты можешь послать мне открытку.

– Понимать это как намек на то, что ты сердишься?

– Я не знаю. А ты? – Неожиданно она почувствовала, что и в самом деле рассержена, хотя не была уверена в причине этого гнева.

– Тебе лучше об этом знать. Я твой пленник, независимо от того, как ты это называешь.

– Ты не совсем права.

– О том, что это не так, говорят только твои слова, обстоятельства же свидетельствуют об обратном. Ты привела меня в комнату, позаимствованную прямо из старого фильма, продемонстрировала себя невысокой, плотной женщиной, ты притушила свет и рассказала мне неправдоподобную историю. Какие у меня есть основания верить тебе?

– Мне жаль, что ты так думаешь.

Сирокко устало покачала головой. – Ладно, – сказала она, – я немного обескуражена, вот и все.

Габи скосила на нее взгляд, но ничего не сказала. Это вызвало у Сирокко чувство раздражения, которое еще более усугубилось, когда Гея тоже, казалось, заинтересовалась ее заявлением.

– Обескуражена? Не могу представить, почему. Ты выпол-

нила все, за чем пришла, несмотря на огромные разногласия. Ты остановила войну. Теперь ты собираешься домой.

– Вопрос с войной заботит меня, – медленно сказала Си-рокко.

– Это еще почему?

– Я не поверила тем басням, что ты мне здесь рассказывала. Во всяком случае, не всему. Если ты хочешь, чтобы я пошла отстаивать тебя, то расскажи мне о истинной причине войны между титанидами и ангелами.

– Практика, – быстро сказала Габи.

– Повторить?

– Практика. У меня нет врагов, и в моем характере нет ничего общего с войной. Я знала, что скоро встречусь с людьми, а все, что я знала о вас, подчеркивало вашу агрессивность. Ваши выпуски новостей, ваши фильмы, ваши книги: войны, убийства, предательство, враждебность.

– Ты готовилась к войне с нами.

– Я исследовала технику на случай войны.

– И что ты узнала?

– Такое, что я ужаснулась. Я могла бы уничтожить ваш корабль во время его приближения, но это все. Вы же могли уничтожить меня в мгновение ока. У меня не было ощущения стратегии. Моя победа над Океаном показала, какое надо иметь искусство для ведения рукопашной борьбы. Когда появились твои люди, Апрель произвела переворот в атаках ангелов, а Джин уже был готов применить у титанид новое

оружие. Конечно, я могла дать им это оружие. Я видела достаточно ковбойских фильмов, чтобы узнать как действуют луки и стрелы.

– И почему же ты не сделала этого?

– Я надеялась, что они сами изобретут их.

– А почему они этого не сделали?

– Это новый вид. У них отсутствует изобретательность. Я позаимствовала гигантских песчаных червей у Мнемозины – из фильмов. На тебе есть огромная человекообразная обезьяна, я вполне горда ею, но это тоже подражание. Титанид я взяла из мифологии, правда сексуальное оформление мое собственное.

Гея сказала это с очень самодовольным видом, и Сирокко еле сдержалась, чтобы не ухмыльнуться.

– Как ты видела, – продолжала Гея, – я могу сделать тела, но изобрести у видов чувство... вспыльчивости, которым обладаете вы, люди, это выше меня.

– Но так ты немного одолжила этого, – сказала Сирокко.

– Прости?

– Не изображай из себя невинного младенца. Существует одна деталь, важная для меня, Габи и Август, о которой ты забыла упомянуть. Я могу верить тебе больше или меньше, но сейчас имеется возможность убедить меня, что ты говоришь правду. Почему мы забеременели?

Показалось, что молчание Геи длилось вечность. Сирокко была готова бежать. Несмотря ни на что, Гея была все еще

богиней и не следовало вызывать ее гнев.

– Я сделала это, – сказала наконец Гея.

– Ты считаешь, что нам следовало это одобрить?

– Нет, я была уверена, что вам это не понравится. Сейчас я сожалею об этом, но дело сделано.

– И аннулировано.

– Я знаю. – Она вздохнула. – Слишком велико было искушение. Это была возможность создать новый гибрид, один из тех, который мог бы объединить лучшие черты обоих видов. Я надеялась реанимировать... теперь это не имеет значения. Я сделала это, но не пытаюсь извиняться. Я не горжусь этим.

– Тем не менее, я рада слышать это. Тебе просто не надо было это долго делать, Гея. Мы мыслящие существа, почти такие же, как и ты, и мы заслуживаем более уважительные отношения.

– Теперь я понимаю это, – сокрушенно сказала Гея, к этому трудно привыкнуть.

Сирокко недовольно подумала про себя, что это, очевидно, трудно после того, как пробудешь на протяжении трех миллионов лет богиней.

– У меня тоже есть вопрос, – неожиданно сказала Габи. Довольно продолжительное время она сидела молча, очевидно, предоставив право торговаться Сирокко. – Это путешествие в самом деле было необходимо?

Сирокко ждала, что на это ответит Гея. У нее самой были сомнения по поводу необходимости их путешествия в сту-

пищу.

– Ты права, – согласилась Гея. – Я сама могла доставить вас прямо сюда. Очевидно, сразу после того, как я перенесла Апрель на больше чем половину пути. Существовал определенный риск в дополнительной изоляции, но я могла снова усыпить вас.

– Так почему ты этого не сделала? – требовательно спросила Сирокко.

Давай прекратим поддевать друг друга, договорились? – вскинула руку Гея. – Во-первых, я не знаю, должна ли я тебе отвечать на этот вопрос, во-вторых, я тогда, да и сейчас, боялась вас. Не тебя лично, а людей. Вы склонны поступать опрометчиво.

– В этом я согласна с тобой.

– Тем не менее, вы поднялись сюда, не так ли? Это то, что я хотела видеть – способны ли вы на это? И ты должна быть благодарна мне за это, потому что у тебя было много времени.

– Я не представляю, как ты можешь так думать, так...

– Если помнишь, мы договорились быть откровенными. Ты в самом деле вне себя от радости от того, что скоро вернешься домой, а?

– Да, конечно я...

– Все, что ты говоришь, не отражает действительности. Перед тобой стояла цель – добраться сюда. Теперь ты здесь. Это лучшее время в твоей жизни. Если можешь, отрицай это.

Сирокко чуть не потеряла дар речи. – Как ты можешь говорить такое? Я видела, как чуть не убили моего любимого, чуть не убили меня саму. Нас с Габриэлей изнасиловали, я прошла через аборт, Апрель превратили в монстра, Август...

– Изнасиловать тебя могли и на Земле, что касается всего остального... ты ожидала, что будет легко? Прости меня за аборт, я не буду впредь такого делать. Ты винишь меня за все остальное?

– Ладно, нет, я думаю, что ты...

– Тебе хочется обвинить меня. С этим легче жить. Тебе трудно согласиться с этим, но даже после того, что произошло с тобой и твоими друзьями, в чем нет никакой твоей ошибки, у вас было грандиозное приключение.

– Это в большинстве...

– Капитан Джонс, я утверждаю, что ты никогда не переставала быть капитаном. Ты все сделала хорошо, как и большинство дел, за которые бы берешься. Но в действительности, ты не капитан. Тебе никогда не доставляло удовольствие отдавать другим людям приказы. Ты любишь свою независимость, тебе нравится путешествовать в неизвестные места и совершать необычные поступки. В ранние века ты была бы авантюристом, искателем приключений, солдатом удачи.

– Если бы я родилась мужчиной, – поправила ее Сирокко.

– Это потому, что только недавно женщины стали участвовать в замечательных приключениях по своему усмотрению. Космос это для тебя только доступная граница, суще-

ствуует целый ряд цивилизаций. Это не просто увлечение.

Сирокко оставила попытки остановить ее. Все это было так притянуто за уши, что она решила дать ей высказаться.

– Нет, ты рождена для того, чем сейчас занимаешься. Взбираться на неприступные горы. Обращаться с неизвестными существами. Потрясать кулаками перед неизвестным богом, плюя ему в глаза. Ты все это проделала. На этом пути ты получила ранения, если ты не сойдешь с этого пути, этих ранений будет еще больше. Ты будешь замерзать и голодать, истекать кровью и падать от изнеможения. Чего ты хочешь? Провести остаток своей жизни за письменным столом? Возвращайся домой, там тебя ожидает это.

Далеко внизу, и изогнутой пропасти, над которой находилась ступица Геи, слабо завывал ветер. В вертикальную камеру трехсотметровой высоты засасывались откуда-то огромные массы воздуха, эта камера была населена ангелами. Сирокко оглянулась и поежилась. Справа от нее улыбалась Гея. – Что она знает такое, чего не знаю я? – думала Сирокко.

– А что ты мне предлагаешь?

– Шанс прожить долгую жизнь, но есть вероятность, что она может оказаться и короткой. Я предлагаю тебе больше количество друзей и злых врагов, вечный день и бесконечную ночь, воодушевляющие песни и крепкие вина, тяжелые испытания, победы, отчаяние и триумф. Я предлагаю тебе шанс жить жизнью, которой ты не найдешь на Земле, жизнь,

которую как ты знаешь, нельзя в космосе, но к которой, тем не менее стремишься.

Мне надо иметь представителя на ободу колеса. Я давно ищу такого, но у меня большие требования. Я предоставлю тебе определенные полномочия. Ты определишь объем работ, подберешь себе дом, компаньонов, осмотришь мир. Я буду тебе помогать, но вмешиваться буду мало.

Как тебе понравится быть чародеем?

Глава 26

Сверху экспедиционный лагерь был похож на уродливый коричневый цветок. Западнее города титанид в почве была открыта зазубренная рана, началась разгрузка землян. Казалось, это никогда не кончится. Сирокко видела из гондолы цеппелина как из земли просочился голубой, похожий на пиллюлю, шар желатина и упал на бок. Заключенный в капсулу материал быстро превратился в воду и чехол сполз с серебристого гусеничного транспортера. Перевозочное средство вспенило море грязи и направилось к ряду из шести подобных машин, припаркованных рядом с группой надувных палаток, оттуда выгрузилось шесть пассажиров.

– Эти ребята работает с размахом, – заметила Габи.

– Похоже, что так. И это лишь наземная команда. Уолли не смог бы приблизить корабль достаточно близко, чтобы не быть захваченным.

– Ты уверена, что хочешь спуститься туда? – спросила Габи.

– Уверена. Уверена я и в том, что ты знаешь это.

– Если тебе все равно, то спускайся, – фыркнул Калвин, а я просто остаюсь здесь, мне может стать тошно, если я спущусь туда.

– Я смогу защитить, Калви.

– Это еще с какой стороны посмотреть.

Сирокко пожала плечами.

– Наверное, тебе тоже лучше остаться, Габи.

– Я пойду туда же, куда и ты, – просто сказала Габи. И ты, конечно, знаешь об этом. Ты думаешь, что Билл все еще там? К этому времени он мог уже эвакуироваться.

– Я думаю, что он ждет меня. А кроме того, мне надо спуститься, чтобы посмотреть на это.

Она показала на сверкающую грудку материала, на километр растянувшегося на вывороченной земле западнее лагеря. Во всем этом не было никакой системы, даже намек на то, что некогда это было нечто большее, чем просто грудка металлического лома.

Это были останки «Властелина Колец».

– Готовь парашют, – сказала Сирокко.

– ...и говорит, что она в самом деле работает в наших интересах на всем протяжении агрессивного инцидента. Я не могу предложить вашему вниманию конкретных доказательств большинства из этих утверждений. Но у меня нет никаких доказательств и что от нее исходит угроза человечеству, ни сейчас, ни в будущем.

Сирокко опять села в кресло и потянулась за стаканом с водой, мечтая при этом о глотке вина. Она говорила в течение двух часов, перебиваемая время от времени только Габи, которая вносила по ходу рассказа некоторые поправки или уточнения, важные по ее мнению.

Они находились в круглой надувной палатке, служившей

штаб-квартирой наземной команды. Комната по своим размерам соответствовала собравшимся в ней семи офицерам, Сирокко, Габи и Билла. Сразу же после приземления две женщины привели их прямо сюда, представили всем и просили начать брифинг.

Сирокко было не по себе. Команда «Единства» и Билл были одеты в безупречную, без единой морщинки красную и голубую форму. От них исходил запах чистоты.

И как на вкус Сирокко, они выглядели слишком по-военному. Экспедиция «Властелина Колец» избегала этого, они исключили даже военные знания, за исключением капитана. В то время, когда был запущен «Властелин Колец», НАСА вычеркивала свое военное происхождение. Они искали для путешествия поддержки ООН, хотя эта экспедиция была ничем иным, как выдумка Американцев, что было шито белыми нитками. Хотя в этом что-то было.

«Единство» уже одним своим названием говорил, что кооперация наций Земли была в этом случае более тесной. Многонациональность его команды доказывала, что спасение экспедиции «Властелина Колец» было общей целью всех наций.

Но их форма говорила Сирокко о том, что у них было другое намерение.

– Итак, твои рекомендации являются продолжением нашей мирной политики, – сказал капитан Свенсен. Он говорил с телевизионного экрана, установленного на раскладном

столе в центре комнаты.

Не считая кресел, это была единственная мебель в комнате.

– Ты можешь многое потерять в исследовательской части своей программы, посмотри правде в лицо, Колли. Гея знает, что может быть война и что следующий корабль может быть даже необитаемым. Он может быть одной большой водородной бомбой.

Лицо на экране нахмурилось, потом Уолли кивнул.

– Извини, подожди минутку, мне надо это обсудить, – сказал Уолли. Он отвернулся, затем, через некоторое время, вернулся в исходное положение.

– А как насчет тебя, Роки? Ты не сказала, веришь ли ты ей? Она говорит правду?

– Да, – ответила Сирокко без колебаний, – можешь быть в этом уверен.

Командир наземной команды лейтенант Стрелков подождал, пока не убедился, что капитану ничего больше сказать, и встал. Это был красивый молодой человек, и хотя Сирокко было в это трудно поверить, он был солдатом Советской Армии. Казалось, он только недавно вышел из детского возраста.

– Могу я предложить вам что-нибудь? – спросил он на отличном английском языке. – Может быть вы голодны после вашего путешествия сюда?

– Мы поели прямо перед прыжком, – ответила Сирокко

на русском языке. – Но если вы предложите чашечку кофе...

– Ты не кончила рассказывать свою историю, – сказал Билл. – Ты остановилась на возвращении после твоего разговора с богиней.

– Мы прыгнули, – сказала Сирокко, прихлебывая кофе.

– Ты...

Сирокко, Билл и Габи сидели в углу круглой комнаты, их кресла были сдвинуты вместе. Офицеры «Единства» переговаривались в это время между собой у экрана телевизора. Билл выглядел хорошо. Он ходил с костылем и нога у него, очевидно, побаливала, когда он ступал на нее, но он был в приподнятом настроении. Врач «Единства» сказал, что как только он будет на борту корабля, он его оперирует и что он считает, что Билл будет так же подвижен, как и прежде.

– Почему нет? – со слабой улыбкой спросила Сирокко. – Мы все время на всякий случай носили их с собой, так почему было не использовать их?

Билл так и продолжал сидеть с открытым ртом. Сирокко рассмеялась и положила ему руку на плечо. – Все в порядке, мы все обдумали задолго до того, как прыгнуть. Это в самом деле было не опасно. Гея держала для нас открытыми верхний и нижний клапана, вызвала цеппелин. Мы летели в свободном падении четыреста километров, потом приземлились на его спину. – Сирокко протянула свою чашку, чтобы один из офицеров подлил ей кофе, затем снова обернулась к Биллу.

– Я уже достаточно говорила сегодня. Как ты? Как твои дела?

– Ничего такого интересного как у тебя, боюсь. Я проводил время, занимаясь с Калвином терапией и немного учился языку титанид.

– Сколько ей лет?

– Сколько... идиотка, я учился языку, – рассмеялся Билл. – Я выучил как петь Билл голоден. У меня было уйма свободного времени. Затем я решил отбросить мое ослиное упрямство, раз уж ты не взяла меня с собой. Я начал разговаривать с титанидами о том, что я немного знал, о электронике. Я узнал о медных виноградных лозах, наборах червей и о орехах и спустя некоторое время у меня был передатчик и приемник.

Он улыбнулся, увидев выражение лица Сирокко.

– Так это не было...

Билл пожал плечами:

– Смотря как на это посмотреть. Если ты думаешь, что я мог связаться с Землей, то это не так. Я не мог построить передатчик такой мощности. Я смог лишь переговорить с «Единством», когда он находился над нами и сигналы могли пробиться сквозь крышу. Но если бы даже построил его до того, как ты ушла, ты, вероятнее всего, все равно отправилась бы в эту экспедицию, не так ли? «Единства» еще не было, так что передатчик был бы бесполезен.

– Да, вероятно, так бы и получилось. Дело в том, что мне

надо было сделать там кое-что еще.

– Я знаю. – Билл поморщился. – Это было то, что мне больше всего не нравилось в этом путешествии, – признал он. – Мне начали нравиться титаниды, а затем неизвестно почему у них вдруг затуманился взор и все они устремились на луг. Я думал, что это очередная атака ангелов, но никто из них не вернулся назад. Все, что я нашел после этого – это была большая дыра в земле.

Я заметила несколько таких дыр, когда мы шли сюда, – сказала Габи.

– Они потом вышли опять, но они не помнили нас.

Сирокко была удивлена. Она не беспокоилась о титанидах, так как знала, что с ними все в порядке и что они больше не будут страдать от войн. Но было грустно осознавать, что Волынка больше не помнит ее.

Сирокко наблюдала за людьми «Единства», удивлялась, почему никто не подходит к ней, чтобы поговорить. Она знала, что пахнет не слишком хорошо, но сомневалась, что причина в этом. С некоторым удивлением она обнаружила, что они боятся ее. Эта мысль заставила ее усмехнуться.

Она вздрогнула, поняв, что Билл что-то говорить ей.

– Прости, что ты сказал?

– Габи говорит, что ты еще не все мне рассказали, она говорит, что есть еще кое-что такое, что мне следует услышать.

– А, это... – Сирокко метнула на Габи красноречивый взгляд. – Но рано, или поздно, все равно все станет извест-

но... Гея... она предложила мне работу, Билл.

– Работу?! – поползли вверх брови Билла.

– Работу «чародея», как она это называет. Она склонна к романтике. Тебе бы она, вероятно, понравилась, она тоже любит всякие научные выдумки.

– И в чем состоит эта работа?

– Ну, она очень обширная, – раскинув руки, сказала Си-рокко. – Общий надзор, выявление повреждений, улаживание конфликтов, которые не устраняются естественным путем. Я должна появляться везде, где возникают какие-либо проблемы и выяснять, что я могу сделать. Она обещала мне относительную неприкосновенность, основанную на том, что региональные мозги помнят, что сделала Гея с Океаном и не осмелятся вредить мне во время моего передвижения по их территории.

– И это все? – Звучит как счастливое предложение.

– Да. Она обещает обучить меня, наполнить мой мозг огромным количеством знаний, она сделает это таким же образом, как я научилась песням титанид. Я должна буду поддерживать ее и подстраховывать. Никакой магии, но я смогу сделать так, что разверзнувшаяся земля будет поглощать моих врагов.

– В это я могу поверить.

– Я согласилась на эту работу, Билл.

– Я не сомневаюсь.

Он сидел, опустив голову, и смотря на свои руки. Когда

он снова заговорил, голос его звучал очень устало. – Ты, в действительности, что-то другое, ты знаешь это? – он сказал это с некоторой горечью, но в общем воспринял эту новость лучше, чем ожидала Сирокко. – Похоже, что как раз такая работа больше всего подходит тебе. Остается только получить власть богини. – Билл потряс головой. – Это и в самом деле дьявольское место. Ты знаешь, его нельзя не полюбить. Я только начал испытывать это чувство, когда исчезли все титаниды. Это потрясло меня, Роки. Это было ощущение, что ты игрушка, с которой надоело играть. Откуда ты знаешь, может быть ты тоже такая игрушка. Ты была сама себе хозяйин, думаешь, так будет продолжаться?

– Если честно, то не знаю. Просто я не в состоянии опять вернуться на Землю, вернуться к письменному столу и поездкам с лекциями! – Ты сам должно быть видел астронавтов, переживших кризис. Что касается меня, то я смогла бы приземлиться только в кресло директора большой корпорации, – она засмеялась, но Билл лишь слабо улыбнулся в ответ.

– Это как раз то, что я собираюсь делать. Но я рассчитываю на исследовательский департамент. То, что оставляю космос, не пугает меня. Ты знаешь, что я собираюсь вернуться, не так ли?

Сирокко кивнула:

– Да, я поняла это, когда увидела твою красивую новую форму.

Билл прыснул от смеха, но это было непродолжительное веселье. Они молча смотрели друг на друга, потом Сирокко наклонилась и взяла Билла за руку. Он улыбнулся одними уголками губ, склонился к ней и слегка поцеловал в щеку.

– Удачи тебе, – сказал он.

– Тебе тоже, Билл.

В другом конце комнаты лейтенант Стрелков откашлялся и позвал Сирокко:

– Капитан Джонс, с вами хочет поговорить капитан Свенсен.

– Да, Уолли?

– Роки, мы отослали рапорт на Землю. Анализ займет несколько дней, так что на это время не будет пока никакого определенного решения. Но мы добавили от себя некоторые рекомендации и я не думаю, что возникнут какие-либо проблемы. Я надеюсь, что нашей базе будет поручена культурная миссия представительства Объединенных Наций. Я предложил бы тебе работу нашего представителя, на тот случай, если наши переговоры завершаться успешно. Но я думаю, что ты жаждешь вернуться назад.

Габи и Сирокко рассмеялись, к ним присоединился и Билл.

– Сожалею, Уолли, но не жажду вернуться на Землю. И я не могла бы принять твое предложение, даже если бы ты и сделал его мне.

– Почему?

– Конфликт интересов.

Она знала, что это будет нелегко, так и случилось.

Она официально сложила с себя свои полномочия, объяснила причины капитану Свенсену, затем терпеливо выслушала его безапелляционные возражения и доводы, почему она должна вернуться назад и почему также должен вернуться и Калвин.

– Врач говорит, что его можно вылечить. Может быть также восстановлена память Билла, Фобия Габи тоже, очевидно, может быть излечимой.

– Я уверена, что Калвина можно вылечить, но он счастлив там, где находится. Габи уже излечилась. Но вот что он думает делать с Апрель?

– Я надеялся, что ты уговоришь ее вернуться к нам до того, как поднимешься на борт. Я уверен...

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Я не собираюсь возвращаться и этим все сказано. Было приятно поговорить с тобой, – Она развернулась на пятках и зашагала из комнаты. Никто не пытался остановить ее.

Сирокко и Габи закончили свои приготовления в поле, неподалеку от лагеря, и, стоя бок о бок, ждали. Это длилось дольше, чем они думали. Сирокко начала нервничать, поглядывая на расплюснутые часы Калвина.

Из двери выбежал Стрелков, отдавая приказание группе людей, занятых сооружением навеса над транспортерами.

Неожиданно он остановился, увидев неподалеку поджидавшую его Сирокко. Он приказал людям оставаться на месте и подошел к женщинам сам.

– Мне жаль, капитан, но командир Свенсен приказал взять вас под арест. – Казалось, его извинение искренне, но рука лейтенанта при этом потянулась к оружию. – Будьте добры, пойдете со мной.

– Оглянись, Сергей, – сказала Сирокко, указывая через его плечо.

Он начал было оборачиваться, но что-то заподозрив, выхватил оружие. Он отступит, и только тогда украдкой глянул на запад.

– Гея, услышь меня, Гея! – закричала Сирокко. Стрелков с беспокойством смотрел на нее. Сирокко старалась не делать никаких угрожающих жестов, но все-таки подняла руки в направлении Реи, туда, где находилось место ветров и канат, по которому они с Габи взбирались.

Сирокко повторила зов.

По канату прошла незаметная волна, похожая на волну в полуночном шланге перед тем, как он неожиданно вырывается из рук. Но на канате это было подобно взрыву. В воздух поднялись облака пыли, в них летели вырванные с корнем деревья.

Волна ударила землю, место ветров вздыбилось, разлетелось осколками, посылая высоко в воздух камни.

– Закрой уши! – пронзительно закричала Сирокко.

Звук ударил одновременно, швырнув Габи на землю, Сирокко с трудом, но продолжила стоять, в то время как вокруг нее катился ужасающий грохот, посылаемый богиней, порывы ветра срывали с нее клочья одежды.

– Смотри! – закричала опять Сирокко, подняв к небу руки. Никто не мог ее слышать, но они увидели, как сквозь сухую землю Гипериона прорвались сотни струй воды, превращая Гиперион в покрытый туманной пеленой фонтан. Сквозь толстый слой тумана с треском прорывались вспышки молнии, этот звук поглощался еще более могучим ревом, который до сих пор эхом оставался от далеких стен.

Прошло немало времени, пока все стихло. За все это время никто не шелохнулся. Еще долго после того, как все стихло и последний фонтан превратился в струйку, Стрелков сидел на том месте, куда упал и продолжал смотреть на канат и оседающую пыль.

Сирокко подошла к нему и помогла подняться на ноги.

– Скажи Уолли, пусть оставит меня в покое, – сказала она и пошла прочь.

– Все прошло отлично, – сказала позже Габи, – в самом деле, замечательно.

– Все это трюк, моя милая.

– А как ты чувствовала себя во время этого трюка?

– Я еле удержала свои штаны. Знаешь, это кое-кого научит. Это было грандиозное зрелище!

– Я надеюсь, что тебе не придется к этому слишком часто.

Сирокко молча согласилась с ней. Похоже, что представление устрашающе подействовало на команду, и было очень маловероятно, что Стрелков снова появится перед ней с угрозами.

Все дело было в том, что трюк невозможно было повторить раньше, чем через пять-шесть часов. Даже если она попросит об этом.

Сирокко могла быстро связаться с Геей. В кармане у нее было семя радиопередатчика, но Гея была не в состоянии достаточно быстро отреагировать на ее просьбу, для подготовки устрашающего представления необходимо было время.

Сирокко послала послание с просьбой устроить этот трюк еще во время своего полета на цеппелине. Поразмыслив, она решила предвосхитить события. Все это время она нервничала, тревожно поглядывая на часы. Рассказывая свою историю, сжато отвечая на вопросы, она все время не переставала думать о собирающейся в ступице и под ее ногами силе. Сирокко опасалась, как бы все не началось во время ее заявления об отставке, тогда она потеряла бы все преимущество, но все произошло как нельзя более вовремя – как раз во время ее ареста.

Сирокко убедилась, что чародейство не легкое дело. Но с другой стороны, не будет же вся ее работа состоять в призывах ударов с небес.

Ее карманы были набиты всякой всячиной на случай, ес-

ли все это светопреставление не испугает наземную команду. Все это она добыла, идя по Гипериону перед посадкой на цеппелин, с которым она должна была лететь в лагерь. Здесь была восьминогая ящерица, которая, если ее сдавить, плевалась транквилизатором. Был также странный набор ягод, которые действовали с таким же результатом, но которые надо было принять вовнутрь. Были у нее листья и кора, которые при измельчении превращались во вспыхивающий порошок, и, как последнее средство, орех, который при случае мог превратиться в гранату.

У нее в голове была целая наука дикой жизни; если даже девочки Геи не захотят чего-либо сделать, она достойным образом справится и сама. Она могла пропеть титанидам, просвистеть цеппелинам, она могла прокаркать, прощebetать, прочирикать, прогромыхать и прореветь любую мысль на дюжине языков, которых у нее даже нет шансов все использовать. Она могла обратиться к существам, которых даже никогда до этого не встречала.

Они с Габи волновались, что вся информация, которую предполагала Гея им передать, не приспособлена к человеческому мозгу. Странно, но причин для беспокойства не было никаких. Они даже не ощущали, что в них произошли какие-то изменения; просто когда им требовалось знать что-то, они это знали, как будто учили это в школе.

– Пора отправляться? – предложила Габи.

– Нет еще. Я не думаю, что Уолли не доставит нам больше

никаких хлопот, он постарается урегулировать с нами отношения. Они придут к выводу, что мы принесем больше пользы, если с нами будут отрегулированы отношения.

А кроме того, я хочу еще кое-что посмотреть до нашего ухода.

Они приготовились к волнующему моменту. Зрелище и в самом деле не из приятных, но не такое тяжелое, как они того ждали. Сказать «Прощай» Биллу было гораздо тяжелее.

Место крушения «Властелина Колец» было печальным и тихим. Они прошли по нему не разговаривая, но там, то здесь узнавая отдельные его куски, но гораздо чаще невозможно было сказать, что это было первоначально, так искорежен был металл.

Серебристый корпус разрушенного корабля тускло блеснул в прекрасном дне Гипериона, частично в пыльную землю как упавший робот Кинг Конга. В вывернутой земле уже проросла трава, разбросанные части корабля оплел дикий виноград. Там, где был командный пункт Сирокко, расцвели одиночные желтые цветы. Сирокко пыталась отыскать какие-либо моменты своей прежней жизни, но она всегда была чужда накопительства и имела минимум личных вещей. Несколько фотографий, вахтенный журнал да конверт с газетными вырезками, должно быть, был съеден. Было бы приятно еще раз полистать их, последний раз она видела все это на выступе около кровати, но судьба была против.

Недалеко от них Сирокко увидела члена команды «Единства». Он карабкался на обломки и беспорядочно щелкал камерой. Сирокко подумала, что это корабельный фотограф, но потом поняла, что он делает это по собственной инициативе, в свободное время и своей камерой. Она увидела, как он поднял одну деталь и положил ее в карман.

– Вернись сюда через пятьдесят лет – ничего не останется, они все вывезут, – заметила Габи. Она с философским видом огляделась вокруг. – Здесь хорошее место для сувенирного ларька. Крутить фильмы и продавать бутерброды с горячими сосисками; это было бы очень мило.

– Не думаешь же ты, что это и в самом деле произойдет?

– Как я догадываюсь, это дело Геи. Она сказала, что разрешит людям посещать Гею, а раз так, то это включает и туризм.

– Но цена...

Габи засмеялась.

– Ты все еще мыслишь временами «Властелина Колец», капитан. Все, что мы тогда могли позволить себе, это семь человек команды. Билл говорит, что команда «Единства» – двести человек. Как бы ты посмотрела на то, чтобы получить концессию на фильм об О'Нейл-1 тридцать лет тому назад?

– К теперешнему времени я была бы уже богатой, – согласилась Сирокко.

– Ну, а если есть возможность разбогатеть здесь, то кто-то сделает это. Так почему бы тебе не сделать меня Министром

Туризма и Заповедника? Им не очень нравится роль ученика чародея.

– Ты получишь эту должность, – улыбнулась Сирокко. – Попытайся только до минимума свести кумовство и взяточничество.

Габи очертила руками круг, взгляд ее стал отстраненным, уходящим куда-то вдаль:

– Я прямо вижу это. Мы поставим походный киоск прямо здесь, он будет оформлен по классическим греческим мотивам, и конечно же, мы будем продавать гамбургеры и молочный коктейль. Внизу я установлю доску объявлений, в высоту она будет метров пятьдесят, по краям будут неоновые огни.

– Смотрите на ангелов! Вдыхайте запах богини! Преодолевайте стремнины Офиона! Поездка на кентаврах – всего лишь каких-то десять долларов! Не забудьте...

Она вопила и плясала так, что земля дрожала.

– Я им покажу, черт побери! – кричала она в небо, потом замолчала и подозрительно посмотрела на Сирокко, которая от души смеялась, глядя на нее.

Из того места, где стояла Габи, показалась рука, затем из-под осыпавшейся земли появилось лицо и копна разноцветных волос.

Сирокко и Габи стали на колени и принялись отметать песок от титаниды, пока той не удалось освободить торс и передние ноги. Титанида остановилась, собираясь с силами и с

любопытством посмотрела на двух женщин.

– Привет, – пропела Волынка. – Кто ты?

Габи подошла к ее ногам и протянула руку:

– Ты что, в самом деле не помнишь нас, Волынка? – пропела она.

– Я что-то припоминаю. Мне кажется, что я знала вас когда-то. Не ты ли поила меня когда-то, очень давно, вином?

– Я, – пропела ей в ответ Габи, – и ты отплатила мне тем же.

– Идем отсюда, Волынка, тебе надо помыться, – пропела Сирокко.

– Тебя я тоже помню. Но как вам удастся так долго балансировать на двух ногах и не падать?

Сирокко засмеялась.

– Если бы я знала, малыш.